

НИКИТА ГРИППИ

БОЯРСКИЙ СЫН
РОЖДЕНИЕ

Вы когда-нибудь думали, о том, что ждет вас после смерти? Я вот раньше никогда. И я умер. Мою прошлую жизнь нельзя назвать легкой, да и жизнью это назвать сложно... Но у меня теперь есть второй шанс. И эту жизнь я смогу прожить гораздо интереснее! Когда Боги говорят тебе: "ЖИВИ!", ты не сможешь от этого отвертеться. Власть, интриги, дворяне бояре, князя — да по фигу! Я пойду к своей цели, и, пока Боги со мной, я смогу пройти путь до конца. Теперь я — Матвей Волков, и это — моя Дорога Шамана.

**Боярский Сын — Рождение
Никита Гримм**

Глава 1. Пробуждение

РИ, Сибирь, предместья Искитима

Просыпаться было неприятно. Всё тело болело, я поморщился от ноющей боли, которая заставляла всё тело мелко дрожать, но всё же смог открыть глаза. Я находился в просторной комнате с белыми стенами, справа от меня было высокое двустворчатое окно, в которое нагло заглядывала одинокая луна. Одиноко у противоположной стены пристроились рядом друг с другом единственный стул и двустворчатый шкаф. Напротив окна в свете луны выделялась белизной раковина с зеркалом.

«Ну, ничего себе больница, видимо, меня положили в ту же больницу, в которую я пытался устроиться» — Подумал я и повернул голову на бок. Взгляд скользнул по трубке капельницы, которая тянулась к моей руке. А к моей ли руке?! Я смотрел на тонкую мальчишескую руку лет пятнадцати, ни шрамов, ни привычной татуировки во всё плечо, которая спускалась хвостом змеи в локтевой сустав, на ней не было. Я откинул одеяло и смотрел на молодое юношеское тело. Кое-как вытащив иголку капельницы из вены, я медленно встал и подошел к умывальнику, всматриваясь в зеркало над ним. Четко рассмотреть отражение не получалось, света луны не хватало, но я точно понял, что из отражения в зеркале на меня смотрит молодой парень лет пятнадцати-шестнадцати на вид. Черные волосы на голове пребывали в полном хаосе, острый нос и скулы очерчивали классический европеоидный разрез глаз, цвет которых я не мог угадать, тонкие аристократичные губы замерли в легкой ухмылке, но подбородок был волевой, с небольшой ямочкой, как в классических дамских романах... Стоп! Какие романы?! Я — Андрей Волков, майор медицинской службы Вооруженных Сил Российской Федерации в отставке, участник боевых действий, награжденный медалью «За Отвагу» и орденом Мужества, десантник, так как бывших десантников не бывает, мне сорок семь лет, на пенсию я вышел уже давно, так как в августе две тысячи восьмого получил тяжелое ранение — при взрыве гранаты мне перемолотило ногу, и вот уже пятнадцать лет я передвигаюсь строго с помощью трости или костылей, а кто этот парнишка в зеркале?!

Голова закружилась от сотен мыслей, нахлынувшей паники и страха того, что я сошел с ума. Словно кто-то возник сзади меня, «чуйка» сработала, и я развернулся на пятках на сто восемьдесят градусов. Сзади никого не было. Я снова развернулся к зеркалу. Из него на меня снова смотрел молодой парень, за спиной которого стоял крепкий мужчина с длинными гладкими черными волосами до плеч, если бы не отсутствие света, я бы поклялся, что у него полностью черные глаза без признаков радужки и белков. Серая кожа, острые, практически хищные, черты лица, хитрое и безумно опасное выражение лица — на голове у него сидела белоснежная корона, словно выточенная из отполированной кости с одним единственным черным ромбовидным камнем по центру, было ощущение, что корона словно бы растет из его головы...

«Так нужно, скоро ты всё поймешь. А пока спи...» — Прозвучал у меня в голове его голос, ладонь с черными ногтями легла мне на плечо, но губы в отражении так и не разомкнулись...

— Кто ты?! — Свой — чужой голос был хриплым, холодным и властным и звучал очень глухо.

— Со временем узнаешь. А теперь спи! — Губы странного «человека» тронула легкая

ухмылка, и последнее слово прозвучало словно приказ для моего тела. Я повалился на пол с грохотом, теряя сознание...

* * *

Второе пробуждение было уже намного лучше. Я снова проснулся на кровати в той же комнате. Всё вокруг было залито светом, льющим из окна, по ощущениям, время было около полудня. На стуле у противоположной стены сидел невысокий суховатый старичок лет шестидесяти на вид. Как только он заметил, что я открыл глаза, то сразу же вскочил и склонился в низком поклоне.

— Барин! Как же долго вы в себя не приходили, уже и Аристарх Прохорович в город отправился, дабы за лекаря справиться. Три дня ужо как убыл, Софьюшку, сестренку вашу младшую с собой взял и отправился в Новосибирск... — старичок начал тараторить без остановки, а я в шоке смотрел на него.

«Барин? Я? А Аристарх Прохорович мой дед? Софья? Младшая сестра? Он о чем? Дед меня только один был, звали его Александром, и умер он ещё до моего рождения, да и в семье нас только трое всё время и было: бабуля, мать и я, других детей у матери не было, да и замуж она так во второй раз и не вышла...» — пронеслось у меня в голове.

— Какое сегодня число? — Прохрипел я.

— Так шестнадцатое августа, аккурат третий день, как ваши семнадцатые именины прошли, вы все три дня в лазарете и провели после принятия Небесного Покровительства.

«Небесное Покровительство? Что это?» — Подумал я, а в голове всплыли ночные события и странный мужик с черными глазами и костяной короной на голове в зеркале.

— Воды и еды... — Прохрипел я, чувствуя, как закрутило желудок.

— А это-то мы быстро, барин, сию минуту! — Мужичок распрямился и выскочил за дверь.

«Может, я сплю? — Подумал я и укусил себя за нижнюю губу, стало больно, и во рту мгновенно появился металлический привкус. — Не сплю. А, значит... Да ни черта это не значит!.. И так, что я имею? Я старый битый жизнь одинокий мужик оказался в теле мальчишки — подростка, судя по словам мужика, где-то в Сибири, и по ходу дела, в какой-то общине старообрядцев. Что-то они напортачили со своими мухоморами, и парнишка двинул кони, а я оказался в этом теле. Это что ж? Я умер и переродился что ли?! Вот никогда не верил в Бога, и вот нате — получите...»

Вернулся мужичок, вкатывая в комнату перед собой тележку с подносом. На нем оказались жиденский куриный бульон, овсяная каша на молоке и кружка с вишневым компотом.

— Марфа Петровна для вас компота вишневого наварила кастрюлю большую, сказала, в любое время просите, напоит даже вне обеда. — Улыбаясь, мужичек поставил поднос передо мной.

Ел я молча. Когда все тарелки и кружка опустели, я скинул кровати и свесил ноги вниз. Мужичок моментально подскочил к кровати и залепетал:

— Матвей Александрович, ну не надо, не стоит оно того! Вы три дня лежали, сил-то, сколько потеряли, опять же недавно только Небесное Покровительство приняли, вас из храма-то Аристарх Прохорович на своих руках выносил, я сам то видел! Отдохните, не вставайте.

«Матвей Александрович... Так вот как парнишку звали...» — Подумал я, а в слух сказал: — Отведи меня в храм.

— Ну, Матвей Александрович, может позже, а... А то вы и на ноги то еще не встали, а вас уже шатает... — Начал было отпираться мужичок, но я его прервал.

— Быстро. Отведи. Меня. В храм. — Чеканя слова, повторил я, вставая с кровати.

Мужичок вздохнул и встал со стула.

— Идемте, барин, коль уж так хотите. — Он двинулся к двери, придерживая меня под руку.

Я двинулся за ним. Мы вышли из комнаты и двинулись по длинному коридору к лестнице. Пока мы шли, меня начал одолевать детский восторг. Я ходил. Нет, не так. Я ХОДИЛ САМ! Без трости, без костылей, без простреливающей в колене боли от каждого шага, когда я опирался на левую ногу. Это было восхитительно! НЕТ! ЭТО ВОСХИТИТЕЛЬНО!!! С каждым шагом ноги держали меня все увереннее, и шаг становился тверже. Мы спустились по лестнице со второго этажа и вышли на улицу через высокие двустворчатые двери.

На улице царило позднее лето, было еще жарко, но уже чувствовалось, что совсем скоро придет легкая осенняя утренняя прохлада, от которой все вокруг зальет золото и багрянец... Я всегда любил именно осень, как говорила бабуля: «Осень — твоё время, Андрейка.» Я родился осенью, двадцать пятого сентября в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году в городе — герое Ленинграде. Я помню свое детство, школу номер сорок семь в Калининском районе, поступление в Военную Медицинскую Академию, курсантскую жизнь, смерть матери на втором курсе, выпуск направление на службу в Бурятию, там уже были командировки в Чечню, после перевод в Осетию, события августа две тысячи восьмого года, которые перевернули всю мою прошлую жизнь. Помню все мои последующие скитания по матушке — России, кем я только не был — сторожем, фельдшером на полулегальной артели при отмывке золота на Дальнем Востоке, работал и на фабрике по сборке пластиковых окон...

Мы прошли по гравийной дорожке до восьмиугольного здания, похожего на мавзолей. Я с интересом отметил, что крестов на нем нет, как и каких-либо отсылок к православному христианскому храму.

— Вот и пришли, барин, уж, простите, но я входить не стану, вера эта ваша и рода вашего, а нам православным входить нежелательно туда... — Зароптал мужичок, имени которого я так и не удосужился узнать.

Я кивнул и толкнул тяжелую дверь. Внутри не было окон, и свет разливался от сотен свечей вокруг. Прямо передо мной, на дальней стене было высечено изображение огромного древа от корней до крон, над кроной парила огромная птица, увитая языками пламени, в корнях извивался исполинский змей, слева и справа от дерева были высечены два вставших на дыбы жеребца, грива того, что справа была белой, а второго, что был слева — черной. В стороны от фрески расходились ниши, в каждой из которых стояли статуи, выполненные в полный человеческий рост. Здесь был и огромный кузнец с могучими руками и колоссальными плечами, одной рукой он замахнулся, сжимая молот, второй держал наковальню, Взгляд его был сосредоточен именно на наковальне, казалось, что положи туда заготовку из металла, и он начнет свою работу, придавая куску металла нужную форму. По соседству с ним стояла молодая женщина с настолько тонкой талией, что я мог бы обхватить её двумя руками так, что пальцы на них соприкоснуться. С другой стороны стоял воин в классических доспехах русских витязей из былин — чешуйчатый доспех накрыт плащом, из-под которого выглядывал колчан с вложенным в него луком, одной рукой он придерживал

каплевидный щит рядом с ногой, второй сжимал рукоять огромной булавы, закинутой на плечо, шлем — шишак лихо задвинут на затылок, а выражение лица так и кричало: «Ну же?! Кто на меня?! Выходи по одному! Всем ***** отвечаю!» Напротив него стоял мужчина в крепких годах. На нем не было доспехов, в руке он сжимал высокий посох, навершие которого было обвито несколькими лентами, на нем была длинная рубаха до пят, а на плечах лежала медвежья шкура. Серьезное сосредоточенное лицо и выражение глаз я мог выразить только одним словом — Мудрость. Следом шли статуи двух женщин, у одной в руках был лук с наложенной на него стрелой, лицо выражало азарт и предвкушение охотника, нашедшего свою жертву, даже сама поза была какой-то скрадывающей, таящейся. Вторая же стояла гордо, с прямой спиной, чуть вздернутым подбородком, в небольшой тонкой короне, взяв одну руку в другую на уровне талии, простое платье до пола, скрывало фигуру девушки, но можно было сказать лишь одно — Царица... Перед ней так и хотелось опуститься на одно колено и склонить голову.

Я помотал головой и отогнал странное наваждение и сделал шаг к следующей статуе. И встал как вкопанный столб. На меня смотрел тот самый мужик из зеркала. Длинные гладкие волосы до плеч, острые, почти ястребиные, черты лица, тонике аристократичные кисти рук, волевой подбородок и корона, словно собранная из костей. Даже в статуе это чувство оставалось. Напротив него, с другой стороны стояла статуя брата-близнеца — всё абсолютно то же, но одновременно и другое — выражение лица мягче, черты лица не такие острые, взгляд добрее, а над головой висит непонятный шар.

— Пора бы и поговорить. — Раздался голос в моей голове. И я потерял сознание, повалившись на каменный пол храма.

* * *

Каково вам просыпаться в месте, где нет ничего, кроме тумана вокруг и серого песка под ногами? Ощутили? Вот и мне было неприятно.

— Может, встать соизволишь? — Насмешливый голос вырвал меня из ступора.

Я резко вскочил и обернулся. За спиной стоял брат — близнец коронованного черноволосого, Точно такое же лицо, и одновременно другое — острые черты, но мягкое выражение, абсолютно белые волосы, белоснежные глаза без радужки и зрачка, аристократичные кисти на руках с белоснежными ногтями, и словно переплетенный клубок из лучей света над головой.

— А... Здрасьте. — Ничего умнее в мою голову не пришло.

Брови мужчины вначале взлетели вверх, губы дернулись в уголках вверх, и в итоге он расхохотался. Смеялся он долго и искренне.

— Ох... Давно я так не смеялся, — кивнул он головой, утирая несуществующие слёзы, — Но о чем говорить, ведь, ты пока ещё ничего не знаешь, а мы вытянули тебя в этот мир совсем недавно. Ладно, для первого раза прощу такое общение. Но лишь один раз, в следующий раз я подобного не потерплю. — Он снова улыбнулся, но на этот раз улыбка была другой.

У меня, почти пятидесятилетнего мужика, даже не возникло сомнений, что в следующий раз я за своё «Здрасьте!» могу и огрести.

— Прости...те... Но кто вы? И главное — где я? — Я решил не тратить время на пустую болтовню и решил брать, как говорится, «быка за рога».

— О! Уже лучше, гораздо лучше! — Мой собеседник театрально поаплодировал пару раз. — Что ж, отвечаю в том же порядке. Я — Белобог, старший бог славянского пантеона.

Ты в Российской Империи, предупреждая сразу же твой следующий вопрос — сейчас идет 2001 год от Рождества Христова, как сейчас принято считать.

— Но... КАК?! — Думаю, и этот вопрос был ожидаем, но задать мне его дали.

— Если я начну это полноценно и досконально объяснять, то ты потеряешь рассудок. Поверь мне, это не тот вариант развития событий, на который мы рассчитываем. Так что пока что считай объяснением всему этому простое слово — ЧУДО.

— Вы сказали «МЫ»? — Я моментально ухватился за оговорку.

— Верно, — Белобог удовлетворенно кивнул головой, словно учитель прилежному ученику за правильный ответ, — МЫ. Под этим словом я имею в виду себя и моего брата, Чернобога, ты с ним уже встречался.

Я немного нервно кивнул. Всё-таки его брат-близнец меня немного пугал.

— Ой, ну не надо. Вся наша разница лишь в том, какую сторону мы представляем. Я — Свет, Он — Тьма, более разницы между нами практически нет.

— Наверное, это прозвучит глупо, но это разве не значит, что он — плохой, а вы — добрый?

— Действительно, вопрос глупый, но отвечу, — Бог вздохнул, и у меня снова создалось впечатление, что это вздыхает печальный учитель, разъясняя непутевому ученику по новой уже пройденную тему. — Без Света или без Тьмы не будет Баланса, а если не будет Баланса, не будет и Порядка. А если не будет Порядка, вокруг будет лишь Хаос, который разрушает и созидает, убивает и рождает Всегда и Никогда. А в Хаосе не может быть Личностей, без разницы каких — богов, демонов, людей... Тьма и Свет ни хорошие, ни злые, это абсолютные Константы, две альфа — стихии, если хочешь, на которых строиться всё остальное.

На это я лишь кивнул, вдруг в голове мелькнула мысль, а не сойду ли я с ума от этого...

— Не сойдешь, отчасти благодаря мне, отчасти благодаря самому себе, ты уже морально сложен и личность твоя уже полностью сложилась, вдобавок, уже пережил смерть дважды — это было одной из причин, почему мы выбрали тебя.

— Выбрали для чего? — Тут уже прищурился я.

— Для пешки, которая превратится в ферзя в тылу противника на шахматной доске, — На этот раз его улыбка стала немного опасной, — Нам нужен был тот, кто сможет в нужный момент выйти на шахматную доску нашей партии и обернуть всю игру в нашу пользу. Выбор пал на тебя. Ты удовлетворял всем нашим требованиям. И как раз твое физическое тело умерло на операционном столе.

— Так значит, я всё-таки умер...

— Конечно, умер. Распределить душу из Реки Вечности еще можно, если знать как, а вот забрать душу из ещё живого тела просто невозможно, существуют определенные Столпы, которые даже боги не в силах нарушать, иначе это опять же приведет к нарушению Порядка и порождению Хаоса. Да и тебе ли жаловаться, подумай сам. Ты всю жизнь провел либо сражаясь за других, либо жил в одиночестве, словно волк завывая на Луну от отчаяния, последние пятнадцать лет ты провел в постоянной боли и отчаянии, да, стержень у тебя есть — ты не сдался, не наложил на себя руки, а я видел огромное количество людей, которые сдались гораздо раньше, чем ты. Это вызывает у меня некоторую симпатию, признаю, люблю сильную волю. Зато сейчас у тебя есть все шансы прожить новую жизнь, ты молод, крепок, твоё новое тело здорово, нога больше тебя не беспокоит. Есть возможность на этот раз не воевать ради интересов других людей, а самому стать серьёзной фигурой в Большой

Игре.

— И что же я должен выполнить, чтобы получить этот шанс прожить новую жизнь? — Почему-то мне не верилось в этот «сыр с маслом».

— Ты меня не понял, — вновь покачал головой Белобог, — новая жизнь — и есть твоя цель, ты проживешь жизнь как Матвей Волков, Одаренный шести Начал. И поверь уж моему опыту, эта жизнь будет яркой. Ну, а когда от тебя будут необходимы определенные действия, мы подскажем тебе об этом.

— Мы?

— Да, мы, днем могу прийти к тебе я, ночью — Чернобог, мы — две стороны одной монеты, день и ночь, свет и тьма, жизнь и смерть. Мы будем твоими Небесными Покровителями до твоей смерти.

— А что с самим Матвеем? Что стало с ним?

Белобог поморщился, но ответил:

— Он не хотел жить, точнее, полностью наоборот, он желал смерти. А с такими мыслями и желаниями не стоит входить в храм в день принятия Небесного Покровительства. Те, кто не обладают Волей жить, жизни не достойны. Его душа ушла на очищение по водам Реки Вечности, а это тело мы поместили твою душу, за это мы заплатили Норнам достойную цену...

— Но как вы хотите, чтобы я жил как Матвей? У меня ни его привычек, ни памяти, я его не знаю, и не думаю, что его дед Аристарх и сестра Софья не заметят разницы. — Я покачал головой.

— О, не волнуйся об этом, с этим мы поможем, память Матвея мы сохранили, и мы сольём её с твоей. — Белобог вытянул руку ладонью в вверх, на ней зажглась искра лазурного цвета, бог указательным пальцем показал на моё лицо, и искра, словно выстрел, прилетела мне в лоб, мгновенный жар, и я схватился за голову.

— Ну, это будет неприятно, но ты вытерпишь. Ведь и не такое терпел, — Он усмехнулся, опуская руку.

Из глаз брызнули слезы, голову сдавили кольца раскаленного металла, мне было больно, нет, не так. МНЕ БЫЛО БОЛЬНО! Слово сознание разорвали надвое — одна половина продолжала воспринимать всё окружающее и видеть Белобога, вторая просматривала огромный фильм в ускоренной перематке, при этом запоминая его досконально. Это была жизнь Матвея. Вся его жизнь до семнадцатого дня рождения.

— Ладно, три дня беспомнятства и галлюцинаций, и ты будешь помнить и знать всё, что знал и помнил Матвей, это не такая уж и высокая цена за начало новой жизни. А теперь будем прощаться, мы с братом придем, когда это станет необходимо! — Белобог махнул рукой, и туман вокруг окутал меня плотной белесой пеленой.

* * *

Ночь. Комната. Луна. Стол. Стул. Только нет аптеки и фонаря. Интересно, а здесь Блок получил такую же известность? Я — Матвей не особо уделял время литературе... Да вообще ничему не уделял время... О, как же можно быть такой амёбой...

Стоп! Я — Андрей Волков, в теле Матвея Волкова, я — это я, и никто более. У меня есть шанс прожить новую жизнь. Да, цинично, но парень сам не хотел жить. Значит, я воспользуюсь этим шансом! Молодое тело, здоровое тело. Теперь моё тело! Теперь я — Матвей! Его память — моя память, его прошлое — моё прошлое. Но будущее впереди только моё, мне сказали жить жизнь. Вот и буду жить...

Жизнь-то у парнишки, на самом деле странная была, ни мать не любила, ни с отцом не был дружен, с дедом разве что нормальные отношения были, да с младшей сестрой нормально общался. Мать и отец уже умерли, воспитывался лишь дедом в своём поместье под Искитимом, недалеко от Новосибирска.

И не могу сказать по воспоминаниям Матвея, что его ненавидели и презирали, нет! Скорее относились холодно и отстраненно, некоторые даже боялись, словно он был ходячим напоминанием о ком-то или о чем-то....

С этим ещё предстояло разобраться. А сейчас молодое и отдохнувшее тело требовало движения. Семнадцать лет, ноги мне в рот — вот это поворот! Вся жизнь впереди!

Я вскочил с кровати, скинув тяжелое одеяло на пол. Подскочил к умывальнику, умылся ледяной водой и критически осмотрел себя в зеркале. М-да, мог бы и собой немного заняться, все задатки есть, а за телом никакого ухода... Слишком тонкие руки, узкие плечи, такое ощущение, что задница и то шире, ей-богу, словно девица — принцесска с бледной кожей и на начальной стадии анорексии... Ну, ничего, мы это исправим.

Босиком, словно я снова услышал те далекие крики: «Рота, подъем! Босиком перед палаткой стройсь! В ногах вся сила! За мной вокруг полевого лагеря бегооом-марш!!!», я выскочил из усадьбы мимо разинувшего рот того самого мужичка, который был вчера со мной (кстати, а как его зовут-то?), я побежал вокруг усадьбы. Круг оказался небольшой, метров семьсот, но всё оказалось хуже, чем я думал, тело просто не обладало даже минимальным уровнем физической подготовки! Если первые два круга худо-бедно я пробежал, то следующие два прошли уже в эгиде бежим-идем, а пятый под лозунгом «мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним...».

Когда я понял, что гарантированно закрыл обещанные себе три километра, то позволил себе перерыв в десять минут, дошел до качелей Софьи, сделал полный цикл разминки, как учили ещё в училище, добавил к ней гимнастику Гермеса, и, не найдя лучшего снаряда вокруг, сдвинул цепи качелей в сторону и начал подтягиваться на этой перекладине. Здесь тоже ничего хорошего не было — кое-как восемь раз, но, в конце концов, выполнил пятьдесят подтягиваний (последние десять были выполнены в десять подходов). Следом были отжимания — скручивания на пресс — приседания, всё по сто раз. Понимая, что для начала и этого уже достаточно, и завтра тело мне уже закричит: «ПРИВЕТ!», я довольный и уставший поплелся обратно в поместье со старой — доброй мыслью: «В здоровом теле — здоровый дух».

На крыльце меня ждал тот самый мужичок, нервно наминая в вспотевших ладонях кепку — восьмиклинку в мелкую черно — серую клетку.

— Матвей Александрович, вы меня так в гроб сведёте! Мне же Аристарх Прохорович наказал, чтобы я к нему сразу же бежал, как только вы в себя придете! Вот так прям и сказал: «Гаврила! Чтоб у меня быстрее пули был, как только Матвей проснётся!» А как я ему доложу о вас, когда вы носитесь по всему поместью как ураган! Вы же три дня назад в обморок свалились от того, что до храма дошли! Нельзя вам ещё перенапрягаться. Никак нельзя! Ну как же...

— Гаврила! — Я прервал эту тираду словесного водопада на меня (ну хоть имя узнал, и то радость!) — Хватит зудеть, как комар над ухом. Хотел бы деду доложить, так уже бы порог его покоев обивал! Сам прекрасно знаешь, что Аристарх Прохорович проснется через... — я посмотрел на огромные часы в прихожей усадьбы, стрелки которых были видны даже со входа, — через полтора часа, вот тогда и доложишься, можешь и про утреннюю

разминку поведать. А перед дедом я сам отвечу, чай не маленький. Тоже мне нянька нашлась...

Я уже развернулся и двинулся к входу в поместье, но Гаврила не унимался:

— Да зачем так убиваться-то?! — Не сдавался он.

Я остановился и повернул лишь голову, глядя на Гаврилу одним глазом, ответил:

— Пора наверстывать упущенное. Коль раньше о себе не позаботился, будем добиваться всего ударными темпами. Как говорили латиняне «*Amat victoria curam*», что в переводе значит «Победа любит старание». Я сейчас умоюсь и отправлюсь в библиотеку, завтрак и обед прикажи подать туда. Если Аристарх Прохорович изволит меня видеть сегодня, то пришли за мной или сам приходи и позови, вопросы будут?

— А вечером?

— А вечером, мой друг Гаврила, я думаю, меня заберет в своё царство его величество Морфей. Иначе завтра я так рано не смогу встать...

Я повернулся и вошел в поместье, махнув Гавриле рукой на прощание. На моем лице гуляла странная улыбка, а Гаврила так и стоял с удивленным выражением на лице, пока я не поднялся по лестнице на второй этаж.

* * *

Разговор с князем не состоялся в этот день. И на следующий тоже. Единственное, что ждало меня на следующий день — ноющая боль по всему телу. Оно просто говорило мне: «Жить лениво — прекрасно, мы прекрасно же жили, хозяин, ну на кой оно нам надо?!», но телу так просто не объяснишь, что теперь хозяин новый, а как известно по старой поговорке «Новая метла по-новому метёт». Дорогой родственник отправился вновь в Новосибирск, как сказал Гаврила, который следовал за мной просто по пятам, вернётся глава рода только через неделю. Я же всю неделю посвятил библиотеке и спорту. Тело выло, ныло, но я каждое утро заставлял его вставать и заниматься своим физическим воспитанием. Пересмотрел питание (ну, хоть диетология не мой профиль, но я всё же врач, и основы худо-бедно помню), чем очень удивил Марфу Петровну, о которой говорил Гаврила, когда я впервые его увидел.

Марфа Петровна оказалось грузной женщиной в возрасте глубоко за пятьдесят, прекрасно отбивающая фарш перед приготовлением своих фирменных котлет «по-сибирски» и мешающая тесто по русские народные песни собственного исполнения. При всей её внешности я никак не мог привыкнуть к её голосу. Открытое звонкое звучание меццо-сопрано на долгом выдохе создавало ощущение, что поёт молодая эстрадная артистка, но ни как не женщина, у которой уже седина в волосах, и при этом она не стоит на месте, а, к примеру, тесто отбивает о дубовую столешницу на кухне.

Вот и сейчас пробегая вокруг усадьбы, я слышал, как раздаются глухие ритмичные удары из-за приоткрытого окна и слова песни:

— Кострома. Кострома,

Ты за что любишь Купалу?

А я за то люблю Купалу,

Что головушка кудрява,

Что головушка кудрява,

А бородушка кучерява,

Что головушка кудрява,

А бородушка кучерява,

Кудри выются до венца,
Люблю Купалу — молодца!..

Эх, не готовила бы так вкусно, точно бы деда уговорил её в театр на пробы отвести...

Я закончил свои три километра и продолжил тренировку у качелей Софьи. Вновь подтягивания, отжимания, скручивания и приседания.

Отдохнув минуту, я поднялся и отправился в усадьбу. Душ, завтрак, библиотека — пока мне никто не мешает и особо не задевает, нужно пользоваться доступным временем. Почти всё свободное время за прошедшие девять дней я провел в библиотеке. Всё-таки, в этом мире не было ни кардинального принятия христианства, как абсолютной религии, здесь не было привычной для меня революции, Великой Отечественной Войны, девятое и первое мая здесь были просто днями в календаре. Зато были другие даты и события. И если память Матвея помнила хотя бы даты, то истории их возникновения в большинстве своём молодого человека не интересовали. Ну а мне было о-о-очень интересно.

Быстро приняв душ и сбежав в столовую на первом этаже, я прошел в кухню, где Марфа Петровна уже исполняла другую песню.

— Доброе утро, Марфа Петровна! — Я улыбался во все тридцать два белоснежных зуба.

— Доброе утро, Матвеюшка, только рано ты сегодня вновь. Так совсем себя загоняешь, конь ты мой ретивый. А как сляжешь от слабости со своими побутками ранними? — Улыбнулась «добрая версия домохозяйки Фрекен Бок».

— Дело молодое, сейчас и не такое повернуть могу. — Я продолжал улыбаться, — дозволейте отзавтракать с вами?

Хоть я и внук главы рода, а, по сути, в текущий момент единственный мужчина рода в поместье, всё же кухня — царство Марфы Петровны, она здесь и царица, и королева, и владычица морская, даже дед спрашивал у нее разрешения, если не хотел идти в столовую, хотя он, скорее всего, спрашивал разрешение только из уважения, но кто я такой, чтобы ломать сложившиеся традиции, да и Марфу Петровну в доме любили, ценили и уважали. Что мне стоит уважить женщину?

— Дозволяю, молодой человек, как не позволить барину молодому. — Хитро прищурившись, ответила Марфа Петровна, вытирая руки о передник, — сегодня по расписанию твоему, каша овсяная на молоке с ягодами лесными и маслом сливочным, творог, чай черный.

Наша чудо-женщина поставила передо мной поднос с двумя тарелками, маленькой вазочкой и кружкой парящего черного чая, всё-таки для Марфы Петровны я так и оставался мальчишкой, поэтому она добавила к завтраку вазочку со смородиновым вареньем.

Чудо, а не женщина! Я начал завтракать, а Марфа Петровна взяла вторую кружку чая и присела напротив.

— Ох, Матвеюшка, смотрю на тебя и диву даюсь, шестнадцать зим уже прожил, и ладно бы, но как Небесное Покровительство принял, так как изменился, вроде бы и ты, да и не ты одновременно. — Сказала она с улыбкой, глядя на меня.

— У меня, Марфа Петровна, можно сказать, после обряда, взгляд на мир перевернулся, цели поменялись, новые появились, не хочу к старому возвращаться, и цепляться за старое не хочу больше. Вперед бегом — бегом вперед! Мне же столько наверстать нужно.

— Ох, соколик ты мой молоденький, что ж тебе наверстывать-то, у тебя же вся жизнь впереди.

— Те годы, что я как тюлень провёл, после смерти мамы и гибели отца. Марфа

Петровна. Их навестывать, их уже не будет, так что жить будем и за сейчас, и за вчера, и за всё ради завтра.

Марфа Петровна покачала головой. Смерть родителей Матвея произошла с разницей в две недели — столько дней шло письмо из полка отца в родовое поместье Волковых.

Когда пришло письмо, Матвею было одиннадцать лет. Мать Матвея, Елизавета Волкова была беременна вторым ребенком, сообщение о смерти мужа спровоцировало нервный срыв, что привело к преждевременным родам. Ребенок родился, девочку мать назвала Софьей, и умерла, держа её на руках. Реанимационные мероприятия ничем не помогли. Спустя четыре часа из Новосибирска примчался Аристарх Прохорович, который был в отъезде по делам рода, и узнал, что у него в роду родился новый член, но один принятый в род член умер. Дед забрал нас в Новосибирск, пока родителей готовили к похоронам. Родителей похоронили на Искитимском кладбище в одной могиле.

Первые полгода после похорон Софья постоянно плакала, уж сколько дед поменял нянечек — кормилиц, просто сосчитать невозможно. А потом, ровно как ей исполнилось полгода, она перестала плакать вообще. И не говорила Софья до шести лет. Просто невозможно было из неё что-то вытащить. Когда я — Матвей, попал в лазарет после обряда Небесного Покровительства, она впервые заговорила.

— Ох, ну тогда живи, Матвеюшка, ярко живи, но не глупи, лишней раз голову в петлю не суй. — Кивнула Марфа Петровна и поднялась, отставляя пустую кружку, — заболталась я тут с тобой, у меня там тесто поднимается, Софьюшка о пирожках с капустой просила на сегодня, пойду — проверю...

Я благодарно кивнул, потому что говорить просто физически не мог — Марфа Петровна готовила также великолепно, как и исполняла русские народные песни.

Позавтракав и поблагодарив Марфу Петровну, я убрал за собой посуду в мойку и отправился на второй этаж в библиотеку.

О, это действительно была библиотека! Высота потолков около четырех с половиной метров, от пола до потолка стеллажи, строго рассортированные по принадлежности книг, В дальней стороне окно-витраж во всю ширину стены, а центр потолка — самая высокая точка полукруга витража. Общая площадь библиотеки по моим прикидкам занимала почти половину второго этажа и составляла около ста двадцати квадратным метром. Единственным местом, на котором не было стеллажей, был небольшой «пятачок» рядом с витражом. Диванчик, два кресла, журнальный столик, пепельница и деревянная шкатулка с сигарами — Аристарх Прохорович часто проводил в библиотеке свободные вечера.

Я же, взяв одну книгу из ближайшего к двери стеллажа, упал в кресло рядом с приоткрытым окном, закинув ноги на один подлокотник и упершись спиной во второй. Книга называлась «История старых и новых Благородных Семей Русских Первого Сословия жалованного Царями и Императорами Всероссийскими». Эту книгу я начал читать три дня назад, сразу как закончил с энциклопедией по всемирной истории, которая здесь тоже была.

Благодаря этой книге я узнал, что в Российской империи есть несколько категорий граждан: боярские рода, княжеские рода, дворяне, духовенство православной христианской церкви, служители древних богов и богов малых народностей, люди мирские царские, люди мирские вотчин боярских или княжеских.

Всего существовало восемь «старых» боярских родов, им в противовес были возведены в княжеское достоинство восемь молодых дворянских родов около пяти веков назад, когда стало ясно, что бояре всё меньше стремятся поддержать царя-батюшку, и стараются всё

больше вести свою игру. В-общем, первоначально князья стали противовесом боярам, опорой трона и «личной партией царя». Также были простые дворяне — успешные военные, талантливые артисты балета и театра, художники, архитекторы, скульпторы, ученые, врачи, которым было пожаловано титульное дворянство «за заслуги перед Отечеством», некоторые из них могли получить поместное дворянство, как это было с нашим родом Волковых. Также были и простые люди — мирские, не обладающие титулом. Разница между мирскими людьми была простая — на чьей земле они жили, если земли были царской вотчиной, то они считались мирскими царскими людьми, если боярская земля — боярские мирские люди, если вотчина княжеская, то, соответственно, княжескими.

Соответственно, шестнадцати старшим родам первого сословия относились шестнадцать городов — вотчин. Если перечислять по боярским родам: Шереметевы — Рязань, Воробьевы — Тамбов, Скуратовы — Ростов-на-Дону, Морозовы — Архангельск, Милославские — Калининград, Долгоруковы — Москва, Кошкины — Тула, Трубецкие — Казань. Среди княжеских родов распределение произошло так: Задунайские — Пермь, Лопухины — Тюмень, Кутузовы — Красноярск, Давыдовы — Морозовы — Мурманск, Кобылины — Хабаровск, Юсуповы — Магадан, Воронцовы — Иркутск, Волконские — Верхоянск.

Были еще раньше боярский род Романовых и княжеский род Боярских. Романовы были уничтожены при атаке нескольких крепостей в ходе русско-шведской войны. Тогда братья Романовы — Петр и Павел, только начали отстраивать город вокруг крепости «Нева», как на них напала шведско-финская объединенная армия. Царь с войском пришли на помощь к своим вассалам, но было поздно. Братья погибли в ходе штурма, но границу Русского Царства отстояли, после этого Александр Первый, прозванный Мстязим, пошел с войском в ответном визите по Карелии, которая тогда частично была под финнами, и заглянул на огонек к шведам. Вернувшись, он издал два указа: первый — о переименовании крепости «Нева» в Петропавловскую крепость «в знак вечной памяти об отваге сынов земли русской Петра и Павла Романовых» и второй — «о возведении новой столицы на берегах реки Невы, озера Ладоги и моря Балтийского». С княжеским родом Боярских все было сложно и непонятно. События, связанные с их родом произошли около пятнадцати лет назад. Их обвинили в измене присяге и по-тихому передавили. Кого казнили, кто во сне умер «царской смертью», с кем несчастный случай произошел. Одновременно с этим среди вассальных дворянских родов Боярских тоже началось массовое вымирание. И вся эта история очень быстро забылась, никто о ней даже не вспоминал, словно так и было нужно. Всех устраивало такое положение вещей — и императора, и бояр, и князей. А земли Боярских отошли частично по родам первого сословия, частично стали вотчиной самого Императора...

География Российской Империи тоже выглядела интересно — во-первых, Аляска принадлежала всё также нам, как и вся Арктика. На той части территории, где в моей прошлой жизни были Соединенные Штаты, всё также находились европейские колонии, Канада и Австралия также оставались колониями Британской Империи. Да, в этом мире существовала Британская Империя, Священная Римская Империя на территории Германии Османская Империя, Испанское, Итальянское и Французское королевства, Ватикан стоял также обособленно, как и в моем мире, Норманское королевство объединяло в себе Финляндию, Норвегию, Швецию и Данию. В Японии правил сёгунат, а Китай являлся Поднебесной Империей Дома Дракона...

Я остановился на главе, посвященной роду Долгоруковых.

Текст был написан высоким слогом, если так можно выразиться, от чего читать мне иногда становилось особенно скучно, но я упорно продолжал это занятие. Ведь, это молодому лень, а любой взрослый знает истину: Amat Victory Curam — победа любит старание.

'Среди родов высоких старого двора великокняжеского стола особым почетом издревле пользовались члены рода Долгоруковых. Сразу же после Дня Гнева Господнего, в народе Божьим Судом именуемым, обнаружили в себе силы светлые члены рода этого, благословение богини Живы получив, в дар свой богиня воплотила в виде Белой Куницы, которая и стала тотемом всего рода Долгоруковых, каждый из рода данного способен к себе на службу Щит Берегини призвать, что от любой напасти защитит и саваном целебным укутает как призвавшего его, так и того, на кого призвавший его Одаренный укажет. Род сей по указу древнему царскому неприкосновенен, и выступает ныне как лейб-медики императорского двора уже более пяти сотен лет.

Кровь Рода крепка и сильна, не было ещё ни разу в браках потомков и наследников рода Долгоруких такого, чтобы новорожденный не унаследовал силы рода, направленные на дело целительское. Все Долгоруковы светловолосы, словно зрелая пшеница перед сенокосом, а глаза имеют яркий насыщенный цвет изумруда...'

Вот тут книжка врала. В наглуго и открытую. И среди Долгоруковых рождались те, кто не имел возможности использовать свой Дар. Моя — Матвея мать, Елизавета Волкова, урожденная Долгорукова, была так называемым «нулем» — Одаренной, чей Дар находился в «спящем» состоянии. По показателям анализирующих приборов она обладала потенциалом примерно в 570 ЕУР, что считалось вполне достойным результатом даже среди княжеских и боярских родов. Вот только «разбудить» Дар она так и не смогла. Говорило это лишь об одном — ничего, кроме брачного договора для неё не светило. Судя по всем книгам по истории, которые я успел прочитать — род Долгоруковых всегда жил в жестком патриархате, лишь женщины с пробужденным Даром и высокими способностями в медицине могли выразить своё мнение, в остальном — для Долгоруковых женщины были не более, чем товар для торга в политических играх при дворе. Даже немного странно, что дочь одного из Долгоруковых, хоть и не из правящей семьи, отдали замуж простому дворянину Волкову, офицеру Воздушного Флота Российской Империи. Ну, это странно уже для меня, а не для старого Матвея, потому как нельзя сравнивать мышление семнадцатилетнего мальчишки и сорока семилетнего мужика...

Мысль додумать мне не дали. В дверь библиотеки постучали.

— Войдите! — Крикнул я, скидывая ноги с подлокотника и усаживаясь правильно.

Я взглянул на часы на журнальном столике — было уже около двух часов дня. За книгой я и не заметил, как быстро пролетела половина дня.

— Барин, Аристарх Прохорович прибыл из Новосибирска и желает вас видеть у себя в кабинете. — В библиотеку вошла Анна, одна из служанок в нашем поместье.

— Хорошо, спасибо, Анна. Я сейчас к нему приду. — Ответил я, поднимаясь из кресла.

Вот и пришло время заново познакомиться с дедушкой. Главное, чтобы мы не поцапались, как это обычно было у Матвея последний год. А то так недолго мы здесь протянем...

Я спустился на первый этаж и прошел в противоположную сторону от кухни. Покои деда, как и его рабочий кабинет, находились в дальней части первого этажа, окна из его комнат выходили на небольшую речушку, которая служила естественной границей нашего

поместья.

Постучав трижды в массивную лакированную дверь дедовского кабинета и услышав властное «Войдите!», я открыл дверь и перешагнул порог.

— Добрый день, дедушка, с приездом! — Поздоровался я, улыбнувшись.

— Добрый, Матвей, добрый! Мне тут доложили, что ты бурную деятельность развел. Я-то думал уж, что снова забросишь быстро, а тут посчитай уже вторая неделя идет, а ты всё бегаешь-прыгаешь, да и за книжки взялся. Что случилось? Я ж тебя и не трогал после Небесного Покровительства, думал, отлежаться нужно, отдохнуть, в Новосибирск вон съездил, а как приехал, так и не знаю — радоваться за тебя или за врачом вновь посылать?

Аристарх Прохорович Волков был из категории тех мужчин, кто с возрастом не теряют своей стати. Хотя ему и было уже глубоко за восемьдесят, и волосы брюнета уже давно стали темным серебром, серо — стальные глаза были всё такие же острые и хитрые. Сухое жилистое тело если не кричало о здоровье, то говорило о стремлении поддержать свою физическую форму — ни «пивного животика», ни обвисшей кожи. В правой руке глава рода Волковых тонкими узловатыми пальцами профессионального пианиста крутил ручку — паркер, словно четки, и не было видно, что жесткая конструкция ручки ему хоть как-то мешает — пауз во вращении я заметить не мог, а Волков — старший даже не опускал взгляд на руку, словно она и не выполняла никаких действий... Лицо с вечно спокойным, немного отрешенным выражением, тонкий хищный нос, высокий лоб, острые скулы и подбородок — глядя на Аристарха Волкова, создавалось ощущение, что общаешься с хитрой лисой, которая уже все про тебя знает, и сейчас лишь проверяет то, что ты ей скажешь, будешь врать или нет.

Единственное, что знал прошлый Матвей о прошлом своего деда, так это то, что Аристарх Прохорович Волков был вроде как бывшим военным, ушедшим в отставку то ли в чине ротмистра, то ли подполковника. За заслуги в ходе нескольких военных компаний и одной мировой войны в середине своей карьеры ему было пожаловано поместное дворянство вместо титульного. После этого он какое-то время преподавал в Военной Академии и был инструктором — консультантом у нескольких военных подразделений. На сколотое состояние и увольнительные выплаты открыл небольшой бизнес в виде сети небольших магазинчиков в Новосибирске и занимался организацией поставок некоторых «народных рецептов сибирского здоровья» в центральную часть страны, за счёт чего наша небольшая семья и жила. В вассалах ни у кого из князей или бояр не ходил, и к вассалитету, в принципе, никогда не стремился.

— Скажем так, деда, я кардинально пересмотрел свои взгляды на жизнь. Да и Покровители мои дали это понять очень быстро. — Улыбнулся я, подходя ближе к столу.

Из воспоминаний прошлого Матвея я точно знал, что Небесные Покровители иногда общаются со своими последователями на земле, и очень часто дают напутственное слово именно во время обряда Небесного Покровительства. Я точно знал, что Небесным Покровителем Аристарха был Велес — он сам об этом рассказывал мне — Матвею. Тогда я не придавал этому значению. А сейчас уже считал странным — Велес не то чтобы прям Небесный Покровитель для военного — Перун, Сварог, Индра, Симаргл, Чернобог опять же не Велес... Хозяин всех знаний и покровитель сказителей, колдунов и пастухов мало вязался в моей голове с военным ремеслом...

— При обряде Небесного Покровительства к тебе пришли два жеребца — белый и черный. Я всё правильно понимаю? — правая бровь деда изогнулась, когда я опустил в

кресло напротив рабочего стола.

— Да, моими Небесными Покровителями стали Белобог и Чернобог. — Ответил я на невысказанный вопрос.

— И кто из них к тебе пришел?

— Оба.

Дед кивнул:

— Теперь я понимаю, почему ты потерял сознание. Явление подобных существ способно не просто поставить на колени в одно мгновение, как того требует традиция, но и убить одной лишь мыслью.

Я мысленно сделал зарубку про колени. Возможно, именно об этом и говорил мне Белобог в прошлый раз.

— Одно меня смущает — раз у тебя два Небесных Покровителя, это значит, ты обладаешь не стандартным источником, нам стоит проверить его. — Продолжал дед.

— Так зачем, собственно, дело тогда встало? У тебя же есть и сканнер УЕР для Одаренных, ты сам спокойно им пользуешься, да и пара карат мифрила у тебя найдется. — Хитро улыбнулся я.

— Вот пострел везде поспел. Мифрил на дороге просто так не валяется, так сказать. Да и цены ты на него видел нынешние? Так и разориться можно! — начал бурчать дед.

— Деда, я просто уверен, что ты неделю ждал в Новосибирске как раз привоза этих самых двух карат мифрила, который положен тебе бесплатно, как главе рода, для проверки нового Одаренного после обряда Небесного Покровительства. Закон «Воля Государева о Одаренных» я уже успел прочесть. — Улыбнулся я.

Мифрилом назывался метеоритный металл, образовавшийся после падения потока астероидов на землю чуть больше тысячи лет назад. Довольно большая группа мелких метеоритов упала на поверхность земли, досталось, фактически, каждому континенту, но большая часть потока упала на земли ныне существующей Российской Империи. Спустя еще около двух сотен лет появились первые задокументированные данные об Одаренных. Мифрил — единственный металл, способный вступать в резонанс с силами Одаренных. Из этого металла можно было изготавливать оружие и доспехи (и стоимость этих изделий была абсолютно безумной), его использовали как источник энергии. Проблема была лишь в одном — с каждым годом потребление мифрила росло, а его общее количество снижалось, от этого цена на него с каждым годом росла в геометрической прогрессии. В простонародье мифрил получил название «живого металла»- за что, я так и не смог найти ответа.

— Получил, получил, не волнуйся. Проверим мы тебя. — Аристарх Прохорович открыл шкатулку средних размеров, стоящую перед ним на столе.

Из шкатулки на свет появилась каменная пластина черного цвета с бело-серыми разводами, два стальных тросика прикрепленными к пластине кольцами, заканчивались они браслетами на каждой цепи, которые дед одел мне на запястья. На самой пластине была высечена восьмилучевая звезда, замкнутая в правильном круге. Каждый луч означал свою собственную стихию. Те лучи, над которыми проступали искры проявления силы, образовывали Источник Одаренного: огонь, вода, земля, воздух, жизнь, смерть, свет, тьма.

Дед достал маленький металлический футляр из ящика стола и передал мне:

— Положи мифрил на ладонь и накрой его второй ладонью и расслабься — позволь своему телу поглотить энергию частицы, так мы сможем понять — какие стихии в тебе откликнутся на энергию мифрила. Не вырони частицу, и не удивляйся, когда частица

начнет разогреваться между ладонями — это нормальная реакция металла на Одаренного — руки обжечь он не способен при передаче нейтральной энергии.

Я кивнул и открыл футляр — внутри лежала крошечная частичка метеорита темного серебряного цвета. Высыпав частичку на левую ладонь, я поставил футляр на стол и накрыл правой ладонью частицу мифрила и закрыл глаза. Первые мгновения ничего не происходило. Постепенно я начал чувствовать нарастающее тепло от частицы. Когда приятный мягкий жар обволок обе ладони, я открыл глаза. Передо мной сидел дед с широко открытыми глазами, то и дело, переводя взгляд то на меня, то на прибор. И всё бы хорошо, вот только на каменной пластине уже разгорались огоньки. Раз — два — три — треугольник замкнулся. Голубоватый вихрь говорил о стихии воздуха, изумрудно — синий крошечный поток, плескающийся словно в невесомости символизировал воду, микро звезда золотисто — изумрудного цвета символизировала жизнь. И на этом бы и закончить, да вот не тут-то было. Как только один треугольник образовался, второй огонек начал чертить новый треугольник. Выросшая прямо на каменной пластине правильная пирамидка серого гранита символизировала землю. Такая же микро-звезда, как и у Жизни, только испускающая угольно черные лучи говорила о принадлежности к стихии Смерти, а антрацитовая чернильная клякса, которая была чернее самой пластины, символизировала Тьму. Два треугольника Силы. Светлый и Темный. Шестиконечная звезда Силы.

Что там писали в книжках, о невозможности объединить в одном Одаренном стихии — антагонисты? Всё врут. Вот тут вам прямое доказательство обратного сидит, во плоти, так сказать. Хоть сейчас иди в Императорскую Академию Наук и с порога кричи: «Вы все здесь олухи! Вот он я, такой красивый!»

— Деда, я не понимаю... — Начал, было, я, но Аристарх Прохорович меня остановил, властно подняв руку.

— Стоп, Матвей, не сейчас. Во-первых, я тебя поздравляю, твой Дар пробужден, твой Источник действительно не стандартный, и это сможет тебе помочь в будущем. Сейчас мне нужно подумать, очень крепко подумать... Поговорим об этом завтра. Теперь у нас очень много вопросов и очень мало времени. Дай мне всё как следует обдумать, и завтра обо всем этом поговорим. Даю тебе слово, что я постараюсь ответить хотя бы на часть твоих вопросов. А сейчас отправляйся к себе. Об источнике пока ни с кем не говори. Абсолютно ни с кем. Ты меня услышал?

— Да, деда, я всё понял, спасибо. — Я встал из-за стола, поклонился и покинул кабинет.

Странное чувство было внутри. Словно стая мышей бегала по всему скелету, царапая его своими коготками. Пока я шел до своей комнаты, на меня навалилась дикая усталость. По телу катились волны жара, поднимаясь от пят до макушки. Я зашел к себе в комнату на втором этаже, просто рухнул на кровать и очень быстро провалился в глубокий сон.

* * *

Будильник весело затрещал на прикроватной тумбочке. Я сел на кровати и отключил будильник. Было шесть утра, солнце уже ласкало лужайку перед домом. Тело привычно заныло — оно всё никак не хотело привыкать заниматься каждое утро и пока ещё пыталось протестовать, но уже как-то вяло...

Я оделся в спортивный костюм, вышел на улицу, размялся и начал свою утреннюю тренировку. Пробегка на дистанции три километра — подтягивания — отжимания, скручивания на пресс, приседания. Всю утреннюю тренировку в моей голове крутились

мысли вокруг вчерашней проверки. Ранее считалось, что лишь императорская семья имеет нестандартный Источник, при этом дети абсолютно точно наследовали пятиконечную звезду отца из императорского рода, среди женщин императорской фамилии официально зарегистрированных случаев передачи Источника детям не было. В моём случае Источник имел шесть лучей из них две пары стихий — антагонистов. Что-то мне подсказывало, что без божественного вмешательства тут не обошлось...

Я закончил тренировку, принял душ и отправился на кухню, но до Марфы Петровны добраться этим утром мне было не суждено. В столовой меня встретил дед. Аристарх Петрович сидел во главе стола, перед ним стояли несколько блюд, накрытые колпаками. Стол был сервирован на две персоны.

— Доброе утро, Матвей. — Поздоровался дед, с улыбкой глядя на меня.

— Доброе утро, деда. Ты сегодня рано поднялся. — Я подошел к столу, но не сел — меня ещё не пригласили.

— Это не я рано сегодня встал, это ты начал просыпаться также, как и я. Я без малого шестьдесят лет уже так встаю, и привычки уже не поменять — старый я уже слишком. — Отшутился дед, — Присаживайся, позавтракаем, чем Боги послали, как говорится.

Дед лично снял колпаки с блюд. Пахнуло паром и на столе появилось гастрономическое изобилие. Для деда. Под моими колпаками стояли те блюда, которые я расписал в диету Марфе Петровне.

— Марфа Петровна категорически отказалась готовить что-то иное, кроме того, что ты ей дал в списке своей диеты. Я вообще удивился, что ты так решительно менял привычный образ жизни, Матвей. С одной стороны — мне радостно и приятно видеть, что ты больше не болтаешься без дела по усадьбе и округе, а начал делать что-то полезное для себя. Но я не могу и просто принять это — слишком странно это выглядит. Может, объяснишь мне, что случилось с тобой? — Дед смотрел на меня, а руки его уже закидывали на свою тарелку снедь с разных блюд.

— От моего ответа зависит то, что ты мне скажешь по поводу нашего прошлого вечера, я правильно понимаю? — Я взял маленькую чашечку и отпил горячего черного чая — как вообще можно пить из такой маленькой посуды?! Мне кружки четыре нужно, чтобы удовлетворить свои вкусовые потребности!

— В некотором роде это действительно так. Но лучше всего говори то, что считаешь нужным, врать не нужно.

Я задумался на минуту. Ну, что я могу сказать? Прости, дедуля, душа твоего внука уже отправилась в иной мир или на перерождение, а меня в это тело закинула пара Богов, чтобы я выполнил какие-то таинственные поручения для них? А мне на самом деле в прошлом теле было столько лет, сколько могло бы быть сейчас твоему сыну, который погиб? За такую версию, какая бы она правдивая не была, он, скорее всего, меня сдаст в дом «с мягкими стенами», в лучшем случае, в худшем — завалит сразу, чтобы исключить возможность агрессии обезумевшего Одаренного, у которого еще ко всему и не стандартный Источник.

— Я не буду вдаваться в подробности, деда, потому как это не только мои слова, а злить Белобога или Чернобога у меня совсем нет желания. Могу сказать просто — мне помогли увидеть и понять многие мои ошибки и наплевательское отношение ко всему, что мне дано с самого рождения. И мне, можно сказать, дали понять, чего я могу добиться, если возьму себя в руки, а не буду, как старая бабка в сказке, сидеть у разбитого корыта и ждать того «деда», который всё сделает за меня. А тренировки и питание — это просто начало, я приучаю себя

и своё тело к дисциплине. Просто после принятия Небесного Покровительства, я вдруг осознал, насколько отвратительно я выгляжу, а могу быть совершенно другим.

— Хм... Интересная точка зрения. — Аристарх Прохорович выбил барабанную дробь пальцами по столешнице, — Хорошо, я не буду спрашивать, что тебе сказали, эти слова только для тебя, и только твои. Что ты планируешь в будущем?

— Учиться. Вообще я хотел расспросить тебя про Санкт — Петербургскую Военную Академию, ты же там учился в своё время, если я правильно помню?

— И какой факультет?

— А тут без вариантов. Моя мать же Долгорукова в девичестве. Как только это узнают, так меня сразу отправят на медицинский, да я и не оспариваю эту идею — мне и самому это направление интересно.

— Эх, Матвейка, если бы ты раньше интересовался военным делом или историей моей альма — матер, то знал бы, что медицинского факультета в военных училищах и академиях нет. Все Одаренные — медики учатся и выпускаются из Московского Государственного Университета или Санкт — Петербургского Императорского Университета. Другие учебные заведения медиков просто не выпускают, и все студенты в обязательном порядке вне зависимости от пола и положения проходят подготовку на офицерской кафедре. По выпуску всем им присваивается звание поручика и поступает предложение поступить на службу на пять лет в армию. Там уже идет распределение — пехотные части, Воздушный или Морской Флоты... Что ж, мне нравится, как ты мыслишь и как выстроил приоритеты в будущем. Даже скажу больше — меня это весьма и весьма радует. — Аристарх Прохорович замолчал ненадолго, словно бы что-то обдумывая, но спустя пару минут продолжил: — Хорошо, вчерашний твой порог был рассчитан в пределах около 970 УЕР, что уже само по себе чудо, из них около 500 УЕР приходится на светлый треугольник. Твой аспект «Длань Владыки», но о нем говорить пока нет никакого смысла — чтобы прийти к его использованию, для начала нужно научиться очень тонко чувствовать потоки Сил Источника, развить Контроль Дара хотя бы до ступени Магистра, чтобы грамотно им оперировать. Порог по УЕР ты пройдешь свободно, да и основная вершина светлого треугольника у тебя действительно является Жизнь. Мой тебе наказ — никому, запомни, НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ (ВТОРОЙ ЗВЕЗДЕ. Иначе это может привести к очень неприятным последствиям. Для того чтобы нормально пройти аттестацию при проверке источника, тебе нужно научиться оперировать ими обоими, и грамотно показать Светлый Источник, а перед проверкой «слить» энергию Темного Источника практически до нуля. Я не могу тебя этому научить — мне такой навык никогда не был нужен. Но у нас есть немного времени. Для поступления тебе необходимо три вещи. Первое — пройти аттестацию на Источник, второе — сдать один устный входной экзамен, и третье — получить аттестат по итогам домашнего образования. Учеба в Санкт — Петербургском Императорском Университете разрешено с восемнадцати лет, с учетом того, что тебе сейчас исполнилось семнадцать, у тебя есть почти год для подготовки к поступлению. Для этого я могу сделать две вещи: первое — я приглашу к нам своего бывшего подчиненного и хорошего товарища, он не болтлив и умеет хорошо тренировать тех, кто только недавно разбудил свой Источник. Он поможет овладеть первоначальным контролем, а также сможет научить «сливать» энергию, этот навык тебе пригодится, уж поверь мне. Во-вторых, я найму репетитора, который будет приезжать трижды в неделю, чтобы ты смог хорошенько подготовиться к экзаменам. Если ты не будешь лениться, и сможешь получить аттестат на оценки «хорошо» и «отлично» и овладеть

достойным уровнем владения Даром, то я полностью оплачу учебу в Императорском Университете. Согласен?

Получить аттестат за школу, с учетом того, что у меня уже за плечами и школа и военная академия?! Плевое дело! Куда отправляться на сдачу?! Готов хоть сейчас!

Но в слух я сказал совершенно другое.

— Согласен, деда. В следующем году я поеду в Петербург.

Глава 2. Контроль, кулачные бои и гири

Прошел месяц с того самого разговора с Аристархом Прохоровичем. Осень уже вступила в свои права, шла вторая половина сентября. Трижды в неделю ко мне теперь приезжал репетитор из Искитима. Лаврентий Павлович был классическим преподавателем. Лысый полноватый мужчина в очках с пышными усами и густыми бровями, глубоко за пятьдесят, больше всего напоминал мне моржа. С учебой все оказалось не так просто: если с такими предметами как геометрия, алгебра, биология, анатомия, физика, химия всё было просто великолепно, то с русским языком, литературой, этикой и историей всё было несколько сложнее. К примеру, тот же русский язык — те буквы, которые выпали из алфавита в моей прошлой жизни ещё до моего рождения, здесь всё ещё использовались, и достаточно активно. А по истории я мог разве что похвастать знаниями о Древней Руси, до момента метеоритного дождя, который здесь прозвали Днем Гнева Господнего. Спасало одно — взрослое сознание в молодом теле очень быстро усваивало новый материал.

Я всё также продолжал заниматься каждое утро. Тело перестало постоянно ныть, привыкнув к нагрузкам, и уже относилось к ним по-философски. Вот и сейчас, закончив утреннюю тренировку у качелей Софьи, я уже собирался отправиться в душ, но был остановлен редкими хлопками рядом с крыльцом.

— И это всё, на что ты способен? Грустно, что внук Аристарха Волкова оказался таким тюфяком. — Хмыкнул неизвестный мне мужчина, выходящий из полумрака огромной ели рядом с крыльцом.

— Мы знакомы, уважаемый? — Я решил не сориться с незнакомцем и проявить хоть немного воспитания.

— Уважаемый? Мы с тобой не среди воров общаемся, чтобы так разговаривать, ну, да ладно. Мы с тобой не знакомы, и познакомимся только в том случае, если ты покажешь что-то достойное, чтобы меня заинтересовать. Я здесь исключительно по просьбе твоего деда. Но я и не подумаю заниматься тренировкой бездаря. Иди за мной.

Видимо, это был тот человек, о котором дед говорил мне. Тот, кто способен дать основы управления Источником и помочь развить в себе начальный контроль над Даром.

Мужчина быстро прошел мимо меня к качелям, скинул огромный баул на землю рядом с ними, куртку, майку, оставшись с голым торсом.

Он был очень хорошо сложен. Тренированное крепкое тело, сухие мышцы так и перебегают, словно струны под кожей, пока он разминался, отправой ключицы до левого угла верхнего пресса тянулся прямой темно — красный рубец через всю грудь. Под левой ключицей плотной кучей виднелись три круглых рубца от пулевых ранений, правое плечо несло шрамы сильного ожога. Насмешливое выражение на скуластом лице, слегка прищуренные глаза, сломанный нос, разрубленная верхняя губа и белый шрам на подбородке под ней, черные волосы стянуты в конский хвост, в левом ухе серебряная сережка с красным рубином. На взгляд возраст определить не получается, может, тридцать, а, может, и сорок. Такие серьги носили ветераны отрядов свободных наемников, которые вышли из состава Гильдии на пенсию.

— Я тебя долго буду ждать, салага? — Голос его был таким же надменным, как и выражение лица.

— Попрошу без оскорблений. Что будем делать? — Я подошел ближе.

— Уважение ещё нужно заслужить, а ты пока его не заслужил, салага. Дедушкин внучок, в тепле и комфорте выросший. Да ты ни разу в жизни и не дрался, наверное. Так за что тебя уважать-то?!

Он, видимо, пытался вывести меня из себя. С одной стороны, а почему бы и нет? Шестнадцатилетнего парня вполне мог бы. Но мне не шестнадцать, лишь этому телу, а мне-то сорок семь.

— И какого уважения от меня требует наемный головорез, которому плевать что делать — убивать, насильничать или грабить по приказу нанимателя. Не наемнику мне указывать, за что и кого уважать.

Вот тут мне и прилетело. Прямой в лоб раскрытой ладонью, тут же эта же рука обхватила меня за шею и согнула вперед под девяносто градусов в пояснице. Удар коленом пришелся чуть ниже солнечного сплетения, сокращая диафрагму и выбивая весь воздух из легких. Рывок вперед, я начинаю падать, мой противник меня отпускает. Я ещё лечу к земле, а мне на спину опускается удар ногой, придавая дополнительное ускорение, и впечатывает меня в пожелтевшую траву.

— Глупо оскорблять того, чьих сил не знаешь — он ведь может и убить за оскорбление. — Насмешливо сказал мужчина, убирая ногу со спины, — Подъем, салага!

Я поднялся, жадно глотая воздух. Восстановить дыхание было непросто. Удары были жесткими, профессиональными, хорошо поставленными. Я и в прошлой жизни не особо увлекался единоборствами, весь мой спорт заключался в парашютной секции ДОСААФ, в которую я ходил до конца школы, начиная с пятого класса.

— Еще раз! Теперь начинаешь ты. — Сказал мужчина, поднимая руки в классической боксерской стойке.

Пусть я и не занимался в секциях единоборств, но некоторые основы в десанте в нас вколотили, хоть и были мы медиками. Это тело навыков не имело таких, но в моей-то памяти они были.

Я также поднял руки, зеркально отразив стойку противника. Классическая двоекка (очень кривая, стоит признать), шаг навстречу, нырок под удар противника, попытка выйти на бросок через бедро. Но тут меня снова постигла неудача, мужчина, словно вода, вновь перетёк из одной стойки в другую вокруг меня, и вот я уже лечу на землю броском через бедро, которым я сам только что пытался опрокинуть противника. Воздух снова вышибло из груди — правильно падать это тело еще не умело.

— Уже лучше, видимо, подсматривал за курсантами в Искитиме, пытаешься скопировать их приемы, память у тебя хорошая, да вот отработки навыков не хватает. Но неужели это всё? Или может тебя нужно простимулировать? — Ехидная улыбочка так и не сходила с его лица.

А вот то, что было потом мне не понравилось. Черноволосый достал небольшой электрошокер из кармана военных брюк и ударил им мне в бедро. Ногу мгновенно отключило, я взвыл от неожиданности и боли. Да что это за садист в друзьях у деда?! Таких в желтый дом надо сдавать, отрезая от общества нормального!

— Ну что, дворянчик? Так и будешь ныть и выть, да на земле валяться, пока страшный дядька — головорез будет над тобою издеваться, а? А ведь еще только утро, сколько я могу так с тобой развлекаться, пока нас не увидят? — Вот сейчас меня его улыбочка начала уже бесить.

Второй удар пришелся в правую руку. Новая волна боли прошла тело.

— Ну? Что делать будешь, салага?! — Черноволосый уже начал орать мне в лицо.

Третий удар пришелся в пресс. Мышцы свела дикая судорога. Боль прокатывалась по всему торсу, не давая возможности разогнуться. Одновременно внутри, словно по позвоночнику пробежала волна дикого жара. Жар был отдельным ощущением, он не был рожден ударами шокера, это была реакция моего тела на одно единственное желание — убрать этого больного психа подальше от меня. От левой руки, которую я направил в сторону противника, сорвался поток воздушного вихря, который, словно молот, ударил в грудь черноволосого. Его отбросило на пару метров, и он упал на колени, схватившись за грудь. Раздался кашель, и противник сплюнул кровью на траву.

— Неплохо, Матвей. Очень неплохо. А я ведь не поверил деду твоему, про твой первоначальный предел УЕР. Если бы не мой аспект, завязанный на защиту, ты бы и убить меня мог сейчас. — Уже совершенно спокойным голосом сказал черноволосый, усаживаясь на траву.

— И зачем это всё нужно было? Ты больной какой-то! А если бы я тебя действительно убил сейчас?! — Я начал распыляться, жар внутри не проходил, его хотелось выплеснуть наружу. Да вот только один выброс довольно серьезно подточил внутренние силы, и картинка перед глазами слегка «плавала».

— И был бы в своем праве. Тебе никто бы не предъявил обвинений. — Улыбнулся мужчина, вставая с земли. — А что касается вопроса «зачем?» — у каждого своя манера тренировки, у меня все начинают именно с такого входного экзамена. Теперь, я всё же представлюсь — Василий Иванович Конев, на ближайшие десять месяцев у меня подписан контракт с твоим дедом на тренировки тебя в физической и специальной подготовке.

— На хрен такого тренера! — В сердцах сплюнул я.

Иван лишь расхохотался. Смеялся он хорошо, по-настоящему весело.

— Извини, но тут уже не тебе решать. Вот будут свои дети, там и решать будешь, а пока изволь подчиняться главе рода Волковых. Двигай в душ, приводи себя в порядок, встретимся за завтраком.

Иван поднялся с земли, подняв за собой свой баул, забрал куртку с футболкой и отправился ко входу в поместье.

На удаляющейся спине я увидел татуировку: змей Уробороса свернувшийся «восьмеркой», кусающий себя за свой собственный хвост. Татуировка занимала нижнюю треть спины, и была выполнена достаточно качественно.

Что-то я читал о такой татуировке. Но так и не смог вспомнить, пока лежал. Нужно было обновить свои знания в этом вопросе, если не забуду.

* * *

Завтрак начался в расширенном составе. Дед во главе стола, слева от него Софья, справа — я. Следом за Софьей занял место Василий Иванович Конев, мой новый тренер и мучитель. Рядом со мной сидел Лаврентий Павлович Грушин, мой репетитор. После завтрака у нас были намечены занятия на несколько часов.

— Как мне сказал Василий Иванович, ты, Матвей, уже имел удовольствие познакомиться с моим старым товарищем. — С усмешкой сказал дед, когда с основными блюдами были покончено, и все принялись за чай (для Софьи принесли ещё и маленький кусочек бисквитного торта).

— Братика побили сегодня утром, деда, я видела из окна. Когда я вырасту, я побью этого дядьку за братика. — Софья была в своём репертуаре.

Иван Васильевич только ухмыльнулся. Лаврентий Павлович отреагировал в своей педагогической манере, буркнув в свои моржовые усы что-то в стиле: «Софья Александровна, негоже дворянке так выражаться». Дед же только негромко рассмеялся на это:

— Волкова, что тут скажешь ещё?! Волки за свою стаю до смерти стоят, будь то млад или стар, волк или волчица. Мы не овцы, у нас клыки и когти.

Как ни странно, Василий Иванович на это только серьезно кивнул.

— Познакомиться-то мы познакомились, но не могу назвать наше знакомство особо приятным. Манера тренировки у Василия Ивановича несколько... агрессивна. — Я постарался подобрать слово, которое отражала и моё недовольство, и не слишком уж оскорбило друга деда.

— Возможно, Матвей, но я тебе скажу так, если он возьмется тебя тренировать, то третья ступень Контроля Дара тебе обеспечена. А это уже практически входной билет в Императорский Университет. — Дед хитро мне подмигнул, — Но один вопрос у нас все же, остается, ведь, Иван Васильевич нам так и не дал ответа. Ну, так что, Ваня, будешь внука моего тренировать?

Иван Васильевич лишь усмехнулся на «Ваню», с другой стороны, вполне возможно, что дед старше Ивана Васильевича на полсотни лет.

— Возьмусь, Аристарх Прохорович. Толк из парня будет, и характер есть. Полноценный курс не успеем — времени меньше года есть, но третью ступень контроля точно освоим, даже, скорее всего, к четвертой плотно подойдем.

— А можно про ступени Контроля поподробнее. Я нигде особо не встречал данной терминологии... — Я немного прищурился, глядя на двух деревенских интриганов.

— Здесь всё просто, — Начал Василий Иванович после поощрительного кивка деда, — Принято считать восемь ступеней Контроля Дара: Неофит, Аколит, Адепт, Мастер, Магистр, Архимаг, Аргимагистр, Стихия. Каждая ступень Контроля дает возможность более тонко оперировать токами энергии при построении арканов по любой из трех систем с наименьшими потерями энергии из Источника на интуитивном уровне, с определенной ступенью Контроля нельзя родиться, его приходится развивать, здесь все Одаренные в равных условиях, по этому и существуют случаи, когда опытный Одаренный со слабым Источником, но хорошо развитым Контролем Дара побеждает Одаренного с заметно более большим объёмом Источника, но с гораздо худшим уровнем контроля Дара...

— Ваня, не забывай об исключениях из этого правила. — Усмехнулся дед, — Ты, ведь, и сам с ними не раз сталкивался...

— Была голова дурна по молодости, Аристарх Прохорович, не спорю, дурковал изрядно. — Склонил голову Василий Иванович, — Да, есть одно исключение из правил развития ступеней Контроля. Это исключение называется «рыкарь». Но все «рыкари» первоначально также являются Неофитами, просто при определенных обстоятельствах человек может получить такой, скажем так, образ.

— Кто такие «рыкари»? — Тут же спросил я.

— Рыкарь — это Одаренный, который получили способность частично сливаться со своим духом — тотемом, который был дан ему его Небесным Покровителем. Это может отражаться по-разному — появление когтей, изменение глаз, частичное изменение физической формы... Суть в другом, хоть «рыкари» и имеют возможность изменять свою физическую форму, но также они, грубо говоря, «чуют» словно звери энергетические токи в

Одаренных. И свою они чувствуют просто великолепно, у них просто теряется необходимость в развитии контроля, потому что рыкарям их звериное чутье позволяет не открывать дамбу каждый раз, когда они хотят умыться, а просто открыть кран в ванной.

— Звучит всё это, конечно, очень прекрасно и красиво, но сыр бесплатный только в мышеловке, при каких же обстоятельствах становятся «рыкарями»? — Я не верил, что всё просто, как говорят.

— А вот тут самое интересное, — Щелкнул пальцами Василий Иванович, — никто до сих пор не знает алгоритма действий, при которых Одаренные достигают ступени «рыкаря». Кто-то становится таким после сильного эмоционального потрясения. И говоря сильного, я скорее преуменьшаю, чем преувеличиваю. Кто-то становится рыкарем в случае шокового состояния Дара — к примеру, считается, что Андрей Трубецкой стал рыкарем после того, как в бою ему оторвало ноги, но их успели вернуть в течение положенных двадцати четырех часов. Но, ты ведь знаешь, что может произойти с Одаренным при потере конечностей?

— При невосстановимой потере конечности, Источник выжигает сам себя. Цикл восстановления источника Одаренного неизвестен, считается, что звезда источника начинает источать Жар, чтобы восстановить повреждения, не справляется и выгорает, хотя если найти оторванную конечность и иметь возможность хотя бы минимального хирургического вмешательства, Источник в состоянии прирастить конечность, и Источник сохраниться. Если же Источник выгорит, гарантированно в течение от шести месяцев до трех лет Одаренный, либо потеряет рассудок, либо закончит жизнь самоубийством.

— Всё верно, поэтому целителей и вербуют в армию и оба флота с огромным усердием — работа тяжелая, сложная, а лекарей всегда не хватает — в большинстве, кроме Долгоруковых и пары вассальных родов, все представители княжеских и боярских родов, да и Одаренные среди дворянства предпочитают развитие тех лучей источника, которые являются «боевыми». Долгоруковы развили свою «жизнь» до такого уровня, что у них не осталось конкурентов в этой области, пара — тройка целительских дворянских родов не в счет, тем более, что все целительские дворянские рода в вассальном положении у Долгоруковых. Все знают одну простую истину на всей русской земле, и не только на ней, если уж быть предельно честным — хочешь жить долго и счастливо — дружи с Долгоруковыми. Они тебя достанут даже с того света, если им это будет выгодно. В настоящее время, Долгоруковы считаются вторыми по богатству в Российской Империи после императорской династии Рюриковых. И не думай, что раз они целители, то больше их ничего не интересует. Их интересы охватывают огромные сферы — производство двигателей для витязей на основе мифрила, целительство, фармацевтика, транспортные перевозки как внутри страны и за её пределами. Пригород Москвы они вообще смогли превратить в огромный логистический центр. Ну да ладно, я несколько отошел от темы...

От темы Василий Иванович конечно отошел, и не намного, а совершенно в другую сторону, но мне его монолог был полезен. Всё-таки Долгоруковым я приходился родственником, и это со счетов списывать не нужно — в нужный момент и при подходящих обстоятельствах это могло сыграть мне на руку.

— В общем, будем работать, Аристарх Прохорович. Мы согласуем с Лаврентием Павловичем время, удобное нам обоим. С Матвеем у нас будет пять утренних тренировок и три вечерних в неделю. Суббота и воскресенье — отдых. Список необходимых снарядах я вам набросаю, жду их в течение недели в пользование.

— Хорошо, Василий Иванович, я куплю всё необходимое. А тренировки можете

начинать в ближайшее время.

— Разумеется, Аристарх Прохорович, разумеется. — Василий Иванович очень хищно оскалился и посмотрел на меня.

И тут я понял, что вся моя курсантская жизнь в прошлом покажется мне просто раем по сравнению с тем, что меня ждет в следующие десять месяцев.

* * *

РИ, Сибирский Край, предместья Искитима, поместье Волковых

После того разговора началась моя экзекуция.

Последние девять месяцев для меня слились в одно сплошное истязание тела, разума и духа. Я понял две вещи: первое — моя первая мысль о том, что я спокойно вновь получу аттестат о школьном образовании, оказалась немного поспешной. Нет, аттестат я всё равно получу, вот только, это оказалось не так просто, как выглядело на первый взгляд; второе — Василий Иванович Конев — профессиональный садист и изверг, но его методы тренировки действительно работают. За полгода я перевалил уже за вторую ступень Аколита и уверенно приближался к ступени Адепта. Хотя, как я выяснил, в среднем рост от первой ступени ко второй занимал два — три года, и переход от ступени к ступени рост в геометрической прогрессии. Так что дойти до ступени Адепта за год считалось практически невозможным.

Но лишь развитием контроля Конев не ограничился. Рукопашный бой, общая физическая подготовка, навыки владения холодным оружием (Дворянин и без клинка, юноша, какой ужас! Что?! Винтовки?! Ваши винтовки только для вульгарного убийства годятся, никакой красоты и искусства схватки!) Вот только и здесь Василий Иванович оставался верен себе — он не учил какой-либо классической школе фехтования, а рапиры и сабли вообще признавал только в роли шампуров для шашлыка и зубочисток после его же поедания. Нет, этот человек был просто ярким фанатом рубки один против всех. Общая свалка, словно на поле боя, где ты не знаешь, кто у тебя за спиной, кто по бокам, видишь лишь перед собой, и, чтобы выжить, ты должен постоянно двигаться. В принципе, у господина Конева был лишь один девиз: «Пока бежишь — жив!» При этом и сторонников особо тяжелого оружия он не был — ни топоры, ни молоты не признавал. А вот короткие клинки: ножи, кинжалы, стилеты, индийские катары, мизерекордия, габона, чора, кукри, чинкуэда, даже гладиус — все они были просто неземной любовью Василия Ивановича Конева. Парное использование разных или одинаковых клинков, смешение разных стилей, сам он называл свой стиль боя «солянка туриста». Как бы смешно это не звучало — толк от его тренировок был. А ещё он очень любил гири. Поэтому четыре пары гирь разного веса стали моими лучшими друзьями — двенадцать, шестнадцать, двадцать четыре и тридцать два килограмма. Мало мне было бегать три километра вокруг поместья, так теперь я еще и выпадами проходил такой же круг, как пробегал, в выпадах с парой тридцати двух килограммовых друзей, Лёвы и Лёни. Гири, кстати, подписал Василий Иванович, все гири. Двенадцати килограммовые стали Гошей и Тошей, шестнадцатые — Соней и Тоней, двадцать четвертые — Моней и Зоей. Если я ронял какую-нибудь гирю во время тренировки, то всегда слышал что-то в стиле: «Матвей, ты Моню уронил, Моня обиделся, подними Моню и толкни в небо двадцать раз правой, чтобы помириться.» А когда я заканчивал упражнение, то слышал вторую фразу: «А теперь Зоя обижается, возьми Зою и толкни левой в небо, как и Моню двадцать раз!». В итоге, за последние полгода я просто возненавидел такие имена как Лев, Леонид, Моисей, Зоя, Соня, Антонина, Антон и, конечно, Георгий.

За всеми этими тренировками, с которых иногда меня просто утаскивал Гаврила без

сознания, очень быстро пролетели остаток осени, зима, весна и начало лета. Я даже новый год и рождество не праздновал, проспал обе ночи.

Однако, не могу не признать результативность его занятий со мной — сейчас, стоя перед зеркалом я видел вполне себе спортивного парня с достаточно развитой мускулатурой (пара синяков и ссадин не в счет).

Хорошо сложен, крепок, подстричься не мешало бы, но здесь уже включилась курсантская привычка из прошлой жизни — перед экзаменами стричься было плохой приметой.

Система образования не слишком отличалась здесь от той, по которой я учился — я, в прошлой жизни, при выпуске сдавал семь экзаменов, четыре обязательных, три выбирал сам. Здесь было немного иначе — пять обязательных экзаменов — грамматика русского языка, литература, общий экзамен по математике, история и философия. Остальное количество зависело только от желания выпускника, для поступления на медицинский факультет в Санкт-Петербургском Императорском Университете мне было необходимо сдать три дополнительных экзамена: биологию, химию и анатомию.

Экзамены шли в адском порядке: один день проходила консультация перед экзаменом, на второй день проводился сам экзамен. Дворянских отпрысков, которые, как и я проходили домашнее обучение, было не так уж и много — около двадцати человек на всю губернию. Все происходило по классике — двадцать билетов, в алфавитном порядке вызывались люди и брали билеты, в билете два вопроса, экзаменатор имел право задать три дополнительных вопроса, и ни один из них не упустил эту возможность.

В итоге, результаты были следующими: математика — «отлично» — экзаменатор сказал, что мне нужно идти на математический факультет с такой интуицией (ну не объяснишь ему, что решать можешь больше школьника); грамматика русского языка — «хорошо» — забыл указать «АЗЪ» в оформлении бланка официального прошения; литература — «отлично» — долго беседовали и даже спорили с преподавателем о становлении Пьера Безухова в ходе отечественной войны (да, русско — французская война, также именуемая Отечественной, была и здесь, со своими особенностями при участии Одаренных в боях, а также здесь жил и здравствовал Лев Николаевич Толстой, который и написал свою версию «Войны и Мира»); философия — «отлично» — самый легкий экзамен, почти час с экзаменатором обсуждали теорию сверхчеловека, эх был бы по старше лет на десять, точно предложил был мужику продолжить такую интересную беседу за бутылочкой адмиральского чая, но не в том положении я сейчас, не в том... Биология, химия и анатомия были сданы на одном дыхании и все на «отлично». Хоть и учился я достаточно давно, так и хочется отдать дань уважения преподавателям моей Военно — Медицинской Академии в Ленинграде — учили там на совесть.

В конце июля аттестат я получил торжественно из рук губернатора Новосибирска, дед был этим весьма доволен, сказав, что данное слово я сдержал, и теперь дело уже за ним. Письмо с прошением и копией аттестата он отправил в тот же день особой курьерской почтой. Уже спустя неделю пришло ответное письмо из Санкт — Петербурга.

Дорогой белоснежный конверт с золотыми вензелями по центру «СПб Имп У»

Внутри было письмо следующего содержания:

'Господинъ Аристархъ Прохоровичъ Волковъ.

Мы были рады узнать, что ваш наследникъ, Матвей Александровичъ Волковъ, окончивший начальное образование, изъявил желание продолжить своё обучение в стенах

Санкт-Петербургского Университета его Императорского Величества Константина V «Багрянородного». Высланный вами аттестат полностью удовлетворяет нашу приемную комиссию, по этому уведомляем вас, что Матвею Александровичу Волкову надлежит явиться на территорию третьего кампуса Университета по адресу улица Льва Толстого, дом 6, 21 августа, к 09.00, в кабинете 215 состоится проведение устного экзамена господина Волкова. В случае удовлетворительной оценки, ему предстоит в трехдневный срок пройти обязательную аттестацию Одаренного для выявления способностей для обучения на врачебном факультете. Списки зачисленных на обучение будут представлены двадцать восьмого августа в первом административном кампусе по адресу Менделеевская улица, дом 2, с 11.00. Занятия начнутся с первого сентября'.

И благодаря всему этому у нас с дедом сейчас шел уже второй час непростого разговора.

— Экзамен ты пройдешь без проблем, в этом я уверен. Единственное, за что я опасаясь — это аттестация Одаренного. Она так просто не пройдет. Как ваши Успехи с Василием Ивановичем?

— Деда, всё хорошо, мы уже давно освоили вторую ступень контроля и вплотную подошли к третьей, я уже могу полностью опустошать Источник Темной Звезды, остается лишь жар от Светлого Источника. Простейшие манипуляции мы освоили, так что какие-то мелочи я уже могу...

— Мелочи... — Усмехнулся дед, — А кто в начале мая Илюшке — механику открытый перелом ноги срастил меньше, чем за минуту?

— Тут не столько навыки использования источника, сколько выброс адреналина, молодой источник и аспект, который впервые сработал. «Длань Владыки» очень сильно усиливает способности Одаренного, хоть аспект и считается пассивным, но его возможности для меня до сих пор не понятны: он словно проснулся после того случая, и теперь я не просто вкачиваю свою энергию в тело раненного, а «повелеваю» своей энергии исцелить травму, рану или болезнь, и одновременно отдаю приказ телу больного исцеляться. Единственное, я не могу похвастать ни чем из базовых навыков целителя, лишь управление жизненной силой освоил, у меня опыт большую часть посвящен травмам и ранениям, за этот год Василий Иванович протащил меня по всем травмированным в округе, чтобы я опыта набрался, как он сказал тогда, «на земле». — Ответил я.

— Не одобряешь его методы?

— Нет, почему же, в плане развития Источника и контроля скорее наоборот — полностью поддерживаю, лучшее обучение-это практика, а уж практикой он меня обеспечил, благодаря этому контроль и развивался семимильными шагами. Просто иногда мне кажется, что он отмороженный садист, который только и стремится к нанесению увечий и травм своим оппонентам, и ему безразлично кто перед ним — юнец, которого он должен обучать, или враг на поле боя, которого ему приказали убить.

— Возможно, ты и в чем-то прав, Матвей. Но мы с тобой никогда до этого не говорили о Василии, дабы ты относился к нему только как к тренеру. Василий Иванович Конев, в прошлом Василий Иванович Коневский, русский титульный дворянин в пятом колене. Бывший офицер, капитан войсковой разведки нашей армии. После одного инцидента когда его группа погибла, а его обвинили в халатном руководстве, он вызвал на дуэль офицера — куратора, который его в этом обвинил. Вначале офицер согласился, но в день дуэли напал на Василия со спины при обсуждении условий. Василий выжил благодаря высокому уровню контроля, он тогда уже был на ступени Мастера, и прикончил офицера — куратора от

Тайного Приказа. И всё бы ничего, да вот только офицер Тайного Приказа оказался с боярской фамилией, и в итоге Василий вылетел из армии с потерей офицерского чина, чтобы семья не попала в опалу у царских людей, Василий отрекся от фамилии, передав главенство в роде младшему брату Егору, а сам взял фамилию Конев, превратившись в простого русского подданного. Дальше его жизнь связала с наемниками, и он прокатался по всему свету, выполняя заказы, как князей и бояр, так и того же Тайного приказа — деньги ведь не пахнут, а роду нужно было помогать. Но дворянства он так и не заслужил. Однако сам прорвался на ступень Магистра к сорока годам и учился драться и выживать везде, где только мог найти новые навыки, которые считал полезными для себя. В общем, Василий Иванович Конев, — человек «война», и, даже имея светлую звезду с тремя лучами и общей суммой в 320 УЕР, он побеждал и убивал Одаренных силой выше 500 УЕР, его уровни контроля просто запределен, возможно, уже на уровне Архимага. а работа с арканами всегда напоминала работу опытного ювелира. Он ведь обучил тебя всем трем техникам арканов?

— Да, и в плане построения арканов, я с тобой согласен, Конев — просто чудовище.

Существовало три техники построения арканов — словесная, жестовая и узловая. Самая стабильная считалась словесная — правильно произнеси, энергия откликнется, и, если Контроля и Силы Источника хватит, получишь конкретный результат. Вторая техника жестовая или, как её называли на Востоке, техника печатей — огромное количество фигур для складывания руками — какие-то действия требовали одной руки, другие — двух, достаточно медленная в освоении, но гораздо результативнее для скрытых атак — нет голоса — сложи печати и ударь из укрытия. Третья техника была самой сложной в освоении — узловая. Каждый Одаренный видел рисунок узлов, который формируется при построении арканов словом или жестом и, если его Воли и Контроля над Источником хватало, он мог своей волей плести эти узлы из энергий. Обычно на этой технике осваивали два-три аркана, как говорится «последнего шанса», и на этом останавливались. Василий Иванович же настаивал на освоении всех арканов именно на основе узловой техники, мотивируя это всегда несколькими аргументами: во-первых, узловая техника всегда незаметна, она не имела никаких внешних физических проявлений до того момента, пока Одаренный не активирует аркан, во-вторых, освоение любого аркана в стиле узловой техники действительно серьезно укрепляло ступень Контроля над Источником, в-третьих, это было джокером в рукаве у любого Одаренного, вне зависимости от того, какие лучи образуют его Источник. Что боец, что защитник, что целитель — просто не нужно было тратить время на лишние манипуляции с Даром, чтобы начать действовать.

— Что ж, билеты куплены, завтра ты уже сядешь на поезд. Я очень прошу тебя, Матвей, не показывай никому свой темный Источник, иначе появятся проблемы, очень большие, у тебя и Софьи.

— Деда, ты уже год мне говоришь об этом, но ничего не объясняешь внятно. Может, стоит уже рассказать? — Не выдержал я.

Дед вздохнул, выбил барабанную дробь по столешнице, обдумывая свои, одному ему известные мысли.

— Хорошо, начну издалека. За свою службу я служил не только в армии, точнее, лишь курсантский отрезок моей жизни был действительно в составе императорской армии, после выпуска из Искитимского Военного Училища, меня забрали в Тайный Приказ, и всю свою карьеру я провел там. Так вот, в Тайном Приказе было одно распоряжение, всех Одаренных, обладающих нестандартными Источниками в обязательном порядке вербовать на службу в

Тайный Приказ, в случае отказа при отработке данного вопроса более года, их было необходимо ликвидировать. Одаренные сами по себе — обоюдоострый клинок, а уж те, кто обладает нестандартными Источниками вообще бомбы замедленного действия. Во-первых, если станет понятно, что являешься обладателем такого Источника, у тебя останется всего лишь год нормальной жизни. А потом тебя переведут в Академию Тайного Приказа, и о нормальной жизни ты забудешь, та же судьба ждёт и Софью, её возьмут под наблюдение и, уверяю тебя, еще за неделю до обряда Принятия Небесного Покровительства, сюда к нам в гости пожалуют парочка рыцарей «плаща и кинжала». Я очень долго служил в Приказе, и я люблю свою страну, свою Родину. Но я искренне желаю тебе прожить другую жизнь, без всяких дрязг, интриг, государственных тайн и дворцовых игр. Хочешь идти на медицинский факультет, а затем в армию на службу целителем полковым? Иди. Я буду только рад и горд за внука, который придет в родовое гнездо в погонах поручика. Ты мой наследник, и я хочу, чтобы наш род продолжился, и фамилия Волковых продолжила существовать, как и род сибирских волков.

Пару минут мы оба молчали. Молчание прервал я:

— Всё так плохо с такими, как я?

— Неплохо и нехорошо, Матвей, всё просто рационально и строго по выверенной схеме. Никто не будет оставлять у себя под боком бомбу замедленного действия. Да, это жестоко. Да, по-человечески это неправильно. Но это тот метод, принцип — называй, как хочешь — действий, который себя оправдал.

— Но как мне тренировать в Петербурге и Темный Источник — все лучи должны развиваться равномерно для совершенствования Дара, в противном случае, это приведет к тому, что становиться с Долгоруковыми в зрелом возрасте — «жизнь» прокачена полностью, но и она не дает развиваться двум другим лучам. Живут долго, могут вернуть с того света практически любого, но просто не в состоянии защитить самих себя. А у меня протекции императора нет, я не Долгоруков, я — Волков, а волки уши не прижимают, когда их гонят по лесу, они клыки и когти показывают, ты сам мне об этом говорил частенько...

Дед нахмурился, но не от злости, а от сложного вопроса, которому искал решение.

— Давай я постараюсь решить этот вопрос. Во всяком случае, сброс энергии через разные Лучи темного Источника тоже ведет к некоторой тренировке, пока что можно пользоваться этим, а там уже и я смогу предложить тебе другой вариант. Но оплачивать предложенный мною вариант будешь сам.

— Хорошо, спасибо, деда.

— Иди к сестре, Софья теперь уже вся измоталась, пока мы тут языками чешем, а тебе завтра ехать, считай, полгода теперь не увидитесь.

— Хорошо, еще раз спасибо, деда.

— Доброй ночи, Матвей.

— Доброй ночи, деда.

* * *

Софья. Младшая сестра. Общение у нас сложилось хорошее. За этот год мы сблизились. У меня никогда не было младшей сестры или младшего брата. И старших не было. Да вся семья моя тогда была: бабуля, мать и я. Всё детство я провел в коммуналке на Обводном канале, потом матери дали служебную однушку рядом с Кировским заводом. В раннем детстве у нас была фотография моего деда, Александра, который погиб в Велико — Отечественную Войну, а когда умерла бабуля, добавилась и её фотография. Мать второй раз

замуж так и не вышла. А когда я был на полевом выходе перед третьим курсом академии, умерла и мать. Своей семьи у меня так и не получилось создать, так что жил я потом как волк — одиночка. А сейчас у меня была семья. Был дед, которого никогда не было, и младшая сестра. И я очень быстро к ним привязался за последний год...

Я поднялся на второй этаж и прошел до дальней двери в левом крыле усадьбы. Спальня Софьи выходила окнами на западную сторону. Дед приказал сделать так, чтобы ребенок с детства привыкал подниматься с кровати «вместе с тем, как солнце встало».

Я тихо приоткрыл дверь в комнату сестры и прошел внутрь. Хоть Софье и было уже шесть лет, она всё также говорила, что боится спать в полной темноте, и ей оставляли старый ночной фонарик со свечей внутри, хотя я точно знал, что ей просто нравятся сказочные тени, которые отбрасывают прорези в фонарике. Вот и сейчас по стенам комнаты летела в ступе Баба — Яга, а на Илью Муромца с дуба свистел Соловей Разбойник. Тут и Добрыня Никитич отбивался от Змея Горыныча, а Кощей Бессмертный сидел на сундуке с золотом...

Софья не спала. Она лежала на спине и восхищенными глазами рассматривала плывущие тени. Воистину, для детей мир гораздо более удивителен, чем для взрослого, с возрастом мы теряем эту удивительную способность — удивляться окружающему нас миру.

— Волчонок. — Тихо позвал я Софью, стоя у изголовья кровати.

Клубок одеял взорвался, и на меня прыгнула черноволосая молния. Софья схватила меня за шею маленькими ручками и прошептала, прижимаясь:

— Братик...

Я отнес её на широкий подоконник, сел сам и посадил её к себе на колени.

— Я уже обиделась. — Распушенные черные волосы цвета воронова крыла до пояса, яркие и насыщенные большие голубые глаза — все дети красивы, но Софья уже сейчас обещала вырасти в красотку, достойную царского трона.

— Не обижайся, волчонок, но мне действительно нужно ехать учиться, чтобы мы смогли потом хорошо жить. — Я нежно погладил по волосам младшую сестру.

— А почему ты не хочешь учиться в Искитиме или Новосибирске?

— Я не «не хочу», а «не могу», целителей учат только в Петербурге или в Москве. Деда советует ехать в Петербург. Но я буду приезжать постоянно, как только смогу, каждые каникулы я буду приезжать к нам сюда, если меня будут отпускать.

— Обещаешь?

— Конечно, волчонок.

— Останешься со мной ночевать сегодня? Ты же завтра уедешь и до Новогодних праздников я тебя не увижу...

— Конечно, Софушка.

Я отнес её на кровать, укутал в одеяло и лег рядом. Очень быстро её дыхание выровнялось и стало понятно, что она уснула. А я всё лежал и смотрел на пляшущие по стенам детской спальни сказочные тени и думал о том, что завтра я отправлюсь в Санкт — Петербург. Такой родной, и такой чужой...

* * *

Утром меня разбудили первые лучи солнца, встающего из-за хвойного леса. Я быстро вскочил, тихо выскользнул из своей комнаты и быстрым шагом отправился в свою комнату — сегодня у нас была последняя тренировка с Василием Ивановичем перед моим отъездом.

Спустившись с крыльца усадьбы, я уже привычно подхватил два ведра с порошковой

краской — белой и синей — и пошел к качелям Софы. Краску мы использовали для деревянных муляжей оружия, лезвия которых вываливали в порошковой краске, и при ударе на теле оставались следы каждого попадания. Тренировки были абсолютно разными — с использованием всего доступного арсенала Одаренных, с использованием только одной конкретной стихии, либо вообще без использования Источника — выезжая только на повышенных физических способностях Одаренных.

Сегодня на утро Василий Иванович планировал несколько спаррингов, без пробежек, гирь и работы с собственным весом. Как он сказал прошлым утром: «Пришло время для финальной экзекуции!» И улыбался он при этом как-то плотноядно...

— Ты почти опоздал. — Раздался голос из кроны старого дуба, в тени которого стояли детские качели.

— Но не опоздал же. Белый или синий? — Это уже стало привычным вместо «Доброе утро!».

— Сегодня выбирай ты. Мне лень. — Конев так и не спрыгнул с ветки, было видно лишь болтающуюся ногу.

— Опять всю ночь провел с Анной, тебе, Василий Иванович, не лень, ты просто не выспался. От того и все проблемы. А молодость-то уже прошла, ты уже вступил в тот возраст, когда стоит не то что о детях думать, а внуков требовать начинать... — Я просто не мог упустить шанс «культурно» подколоть бывшего Коневского.

Вот тут Конев, даже уставший и ленивый, не смог стерпеть и спрыгнул с дуба.

— Что я тебе говорил на тему того, кого стоит злить, а кого — нет? — Глаза Василия Ивановича хищно прищурились, на губах появилась легкая ухмылка профессионального душегуба.

Если бы он носил усы и обладал хвостом, я просто уверен, он бы у него сейчас бился по сторонам, словно у барса перед атакой. Именно этого хищника и напоминал Конев — большого снежного кота, мягко и неслышно ступающего, обладающего короткими, но острыми когтями и безумно крепкой хваткой.

— Ладно, салага, поступим так. Если ты три раза успеешь коснуться меня, пока я не нарисую на тебе узор из десяти порезов, то будем считать, что минимальную программу ты освоил удовлетворительно. На том и порешим, количество клинков, как и тип, выбирай сам.

Он забрал у меня ведро с белой краской и пошел к расстеленному на земле тенту. На нем были разложены все клинки, с которыми тренировался сам Конев, и навыки владения которыми он передавал мне почти полный год: кинжалы, стилеты, индийские катары, мизерекордия, габона, чора, кукри, чинкуэда, гладиусы...

Сам Конев взял пару индийских катар, перед этим заткнув за пояс мизерекордию с широкой крестовой гардой и один из трехгранных стилетов.

Я взял пару непальских кукри, один обоюдоострый нож кинжального вида с девятисантиметровым клинком без гарды, мизерекордию — сестру той, что взял себе Василий Иванович. Четыре клинка — это минимальный набор того, что должен иметь при себе в бою человек, который сражается как Конев. И без разницы, что это — тайная операция войсковой разведки, открытое сражение или дуэль между благородными. Рубка не дуэль, в рубке учат максимально быстро устранить стоящую перед тобой угрозу, а не крутить финты перед противником.

— Полный контакт. — Сказал Конев и растворился голубоватой дымкой.

Один из его излюбленных арканов — «Шаг Тени» — благодаря узловой технике и лучу

Воздуха в своей звезде, с Коневым нужно было всегда знать — он всегда готов резко уйти с линии атаки или же наоборот напасть с помощью этого аркана. «Шаг Тени» позволял перемещаться по прямому радиусу от одного до ста метров в зависимости от количества УЕР и ступени Контроля Источника Одаренного, который применил этот аркан. Если объёмом Источника Конев не мог похвастаться, то уж в Контроле он давно превзошел ступень Магистра.

Единственное, что я успел сделать, так это совершить простой прямой рывок, используя тот же Воздух в своём Источнике.

На развороте я увидел росчерк покрашенной белой краской катара по диагонали того места, где ещё мгновение назад была моя спина. Новый рывок вперед и почти параллельно земле, используя всё тот же Воздух, одновременно открывая маленькую трещину под тем местом, где, как я думал, стояла нога Конева. Задумка частично удалась: проскальзывая почти по земле, я лезвием кукри прошёлся по внешней стороне икры Конева, и при этом получил три укола индийскими катарами: один в шею, два в спину.

Кувыркнувшись вперед и влево, тем самым уходя от четвертого удара катаром, я выпустил струю водного потока площадью в сторону Конева, стараясь закрыть обзор, и направил Жар Источника в луч Жизни. Работа с этой стихией требовала немного больше времени и большей концентрации, но и результат того стоил. В ходе наших тренировок я понял, что Жизнью можно не только лечить окружающих, но и её воздействие можно применять к самому себе — направь энергию Жизни в мозг — и мышление становится быстрее, направь в нервные узлы — и скорость реакции вырастает, направишь в мышцы и сухожилия — получишь увеличение всех физических параметров тела, направь в кости — укрепишь весь скелет.

Мне же пришлось использовать почти половину своего резерва и сразу напитать мозг, нервную систему и мышечный каркас. Мир вокруг сразу же стал ярче, объёмнее. А Конев перестал быть уже таким быстрым даже при «Шаге Тени».

Но всё, что я делал, по сути своей, всего лишь прямое влияние собственной силой, без построений даже простейших арканов. Как в самом начале сказал Конев: «Я научу тебя Контролю и построению узловых техник при создании арканов и помогу научиться обращаться с собственным Источником. Арканам вас научат и в Университете, а вот развитию Контроля Источника там отводиться очень мало времени. Лучше прийти с хорошим Контролем и знанием всех возможных Узлов, и осваивать там уже лишь базовые Арканы, а на их основе строить свои собственные наработки, чем плестись в унылой толпе со всеми»...

Выпад катаром почти достал меня, но я свободно откинулся спиной назад, а когда клинок Конева ушел обратно, толкнул себя в спину Землей, помогая выпрямиться. Один катар я заблокировал наверху, второй же обжег мне левый бок, а Конев получил секущий удар кукри вдоль поясницы. Мы вновь отскочили друг от друга.

— Неплохо, Матвей, очень неплохо, счет два — четыре, по сути, в твою пользу, вот только давай немного уравнием шансы. — На лице Василия Ивановича вновь расцвела его хищная ухмылка.

Вся росса на траве и деревьях вокруг нас мгновенно превратилась в пар. Названия этого аркана я не знал, так как он являлся полностью личной разработкой Конева. В сумме с «Шагом Тени» этот бой переходил из схватки в полноценное избиение. Если бы не одно «но» — разгон восприятия хоть и не позволял мне видеть самого Конева в этом тумане, но я

мог видеть движения и колебания самого тумана от его передвижений. Но три удара я всё же пропустил — Василий Иванович бросил в меня катары — за удар у нас в спаррингах это не считалось, но отвлечь внимание таким образом было вполне можно. Я отвлекся на пару катаров, летящих в меня, отбил и получил три удара со спины — два укола пришлось в сердце и правую почку, а третьим ударом в бок с подсечкой под ноги, Конев свалил меня на спину, а сам устроился сверху, выбив кукри из одной руки, а вторую выгнув в болевом приеме.

— Сдавайся, Матвей, ты проиграл. — Зашипел Конев.

— А вот хер тебе моржовый, дедуля. — Я дернул рукой, выпуская воздушный поток в бедро Конева.

Удар выбил его из равновесия, но руки он моей так и не отпустил. Начиная падать, Василий Иванович потянул меня за собой, выгибая руку ещё сильнее. Меня потащило по земле вслед за ним. Но у меня оказалась свободная рука и пара мгновений в запасе. Я успел ими воспользоваться — выхватив нож, который я брал в начале, как только Конев остановился, я аккуратно полоснул его по горлу, оставляя след синей краски.

— Три против семи, Василий Иванович. Три против семи. — Я тяжело дышал, потлился ручьем, тело трясло после потери более половины резерва Источника, — Я победил. Извольте отпустить мою руку.

Пальцы Конева разжались, и моя рука вернулась в естественное состояние. Я упал на спину и пустил волну Жизни по всему телу, если некоторый дискомфорт, пока Источник полностью не восстановится мне был обеспечен, то уж терпеть синяки, вывихи и ссадины у меня желания абсолютно не было.

И было что-то ещё. Какое-то странное чувство внутри меня. Слово ступень Контроля...

— Теперь ты Мастер, поздравляю, юноша. — Услышал я голос Конева.

Минуту мы просто молчали и лежали на земле. Затем Конев поднялся с земли, потирая шею, посмотрел на руку, на которой остались следы от белой краски и поморщился, словно от зубной боли. О, господи, как же это было приятно видеть! Я просто ликовал внутри. Интересно, а в единоборствах спортивных тоже самое испытывают бойцы, которые впервые смогли победить гораздо более опытного противника в рамках спортивного поединка? Не знаю как в спорте, но мне сейчас было очень приятно.

А пока я почитал на лаврах своей маленькой победы, Василий Иванович дошел до дуба, забрал у его ствола небольшой сверток и вернулся ко мне. Сверток упал мне на живот, и я дернулся от неожиданности.

— Будем считать, что начальный курс подготовки ты освоил. А это твой подарок на выпускной. — Улыбнулся Конев.

Я сел и взял в руки черный кожаный сверток. Он был свернут по горизонтали, а на внешнем конце был пришит такого же цвета кожаный шнур, которым сверток и был обвязан. Развязав шнур, я развернул сверток. Внутри, каждый в своём отделении лежал, лежали два прямых обоюдоострых кинжала с небольшой крестовиной, один трехгранный стилет и одна мизерекордия с широкой гардой, на концах которой в разные стороны смотрели миниатюрные оскалившиеся волчьи пасти, и узким вытянутым жалом — лезвием.

— Мизерекордия оформлена по всем правилам дворянского парадного оружия, и ты сможешь повесить его себе на пояс при любом парадном мероприятии, как только получишь право ношения формы. При этом клинок её полностью боевой с частицами мифрила, и ты сможешь проводить через этот клинок часть своей энергии, а также этот клинок сможет

стать якорем при твоей работе с серьезными арканами. А это значит, даже во дворце императора ты никогда не останешься без оружия. Кинжалы же и стилет спокойно смогут выступить как дуэльное оружие в твоих руках. Мой совет на грядущие полгода — начинай осваивать огнестрельное оружие.

— Ты же, Василий Иванович, сам мне говорил прошлой осенью, что огнестрельное оружие — это пошлость, недостойная дворянина. — Улыбнулся я.

Подарок был мне очень приятен. Особенно мизерекордия. Такие клинки на дороге не валяются. Даже с учетом того, что, по словам Конева в нем были лишь частицы мифрила, этот клинок мог стоять столько же, сколько стоило всё наше поместье. Такие подарки просто так не делают каждому, кого ты тренируешь.

— Пошло, но результативно. На дистанции в сотню метров винтовка выступит не хуже аркана, а иногда и быстрее. Наш резерв Источника не бесконечен, а патрон ты с собой можешь взять столько, сколько считаешь нужным. Наши тренировки дали тебе уверенность в себе, своих собственных силах. Мы смогли быстро перескочить вторую ступень контроля, и прорваться на третью. Я уверен, что уже к концу первого курса ты сможешь укрепиться на ней. Я дал тебе основу, как ты поступишь дальше — решать только тебе.

— Я тебя понял, Василий Иванович, и... Спасибо. — Я протянул руку и Конев ответил на рукопожатие.

— Что дальше? Ты уедешь? — Спросил я, когда мы медленно двинулись к крыльцу.

— Нет, — Улыбнулся Василий Иванович, — От меня так просто вам теперь не избавиться. Хотя всё гораздо проще. Аристарх Прохорович похлопотал немного с начальником Искитимского Военного Училища, и меня пригласили внештатным консультантом по боевой подготовке. Контракт заключили на три года, так что быстро я отсюда не уеду. В новом году увидимся, если ты на каникулы приедешь.

— Приеду. Иначе меня с потрохами сожрут. Есть тут одна мелкая волчица... — Задумчиво пробормотал я, глядя, как шторы в комнате Софьи начали колыхаться из стороны в сторону — она опять подсматривала за утренней тренировкой.

— Это верно. Вот подрастет девчушка — веревки из вас обоих с дедом вить будет, уверен, дед всех вокруг будет строить, а она деда, и тебя там, в Петербурге — чтобы не забывал про отчий дом. — Конев весело рассмеялся.

Я лишь спокойно улыбнулся. У Софьи действительно были некоторые характерные черты от Аристарха Прохоровича. Она копировала его повадки и действия, стараясь тем самым выглядеть старше. Сейчас это выглядело достаточно мило. Но такие моменты в столь юном возрасте накладывают свои отпечатки на личность. И в будущем они проявятся.

— Ладно, ступай умываться и переодевайся к завтраку. Дед позавтракает с нами, а потом мы отвезем тебя на вокзал. — Конев хлопнул меня по плечу.

— Увидимся. — Я кивнул в ответ и отправился в свою комнату.

Впереди меня ждал Петербург.

* * *

— Ну, что ж, Матвейка, пора бы и прощаться. Уже в новом году увидимся. — Дед смотрел на меня, и на мгновение мне показалось, что в уголках глаз у него выступили маленькие бисеринки слез. — Помни только: Долгоруковы нам не друзья, избегай их, рано пока тебе с ними кусаться, шавок сутулых и шакалов там много, загрызут и не подавятся. Почернели и загадились главные спасители и врачеватели народов и земли русской, да и прихлебатели их. Но, как только они поймут, что твой дар от них идет, так сразу начнут

стараться тебя к себе привязать.

— Я помню, деда, не волнуйся, не родилась еще та собака, которой волк в услужение пойдет. — Улыбнулся я.

Нас было трое. Я, дед Аристарх и Василий Иванович Конев. Дед не разрешил Софье ехать с нами провожать меня на железнодорожный вокзал в Новосибирске.

Вокруг сновали титулованные и поместные дворяне, их личные слуги, купцы второй и третьей гильдии, приказчики купцов первой гильдии, Охотники, государевы люди, зажиточные крестьяне, даже парочка княжских людей пробежала... Белоснежное здание вокзала словно отражало солнечный свет, солнечные зайчики весело играли по окнам, прыгая с одного окна на другое, рядом со входом в вокзал меланхолично развалился старый здоровенный кот с седыми усами. Ему было безразлично движение людей вокруг него, и он явно считал, что занимается куда более важным делом — спит...

Дед обнял меня на прощание и отошел на два шага, осматривая меня. На мне был серый костюм — тройка, белоснежная сорочка и черный тонкий галстук — селедка.

— Дворянин Волков, слушай мою команду! — Василий Иванович Конев был в своем репертуаре.

Гаркнул Конев во всё свое командирское горло. Народ вокруг шарахнулся в разные стороны. Я же вытянулся во фронт. Старые привычки даже в новом теле работали безотказно.

— Приказываю! Поступить в Санкт — Петербургский Императорский Университет и не посрамить честь рода Волковых! Вольно!

— Есть! — Я расслабился и улыбнулся.

Василий Иванович подошел и обнял меня.

— Не сдавайся, Матвей, никогда и ни перед кем не пресмыкайся. Волки — звери гордые, они даже умирают стоя.

— Я знаю, Василий Иванович. Спасибо вам за всё. Скоро встретимся вновь.

— Встретимся, волчонок, конечно встретимся.

— Внимание пассажирам и провожающим лицам! Пассажирский поезд первого класса «Амур» по маршруту «Хабаровск — Санкт — Петербург» отправляется через две минуты! Просим всех пассажиров занять свои места! — над вокзалом разнесся механический голос дежурного по вокзалу. Что-то остается неизменным во всех мирах.

Я запрыгнул в тамбур своего вагона с чемоданом в одной руке, подняв вторую в прощальном жесте.

— До встречи! Увидимся зимой! — Успел крикнуть я, прежде чем проводник закрыл дверь.

Дед и Василий Иванович махали рукой мне в след, пока поезд уносил меня в Петербург...

Глава 3. Столица, экзамен и первое пари

— Внимание, пассажирский поезд первого класса «Амур» по маршруту «Хабаровск — Санкт — Петербург» прибывает на Николаевский вокзал столицы. Температура в Санкт-Петербурге составляет +17 градусов... Компания «Русские железные дороги» благодарит вас, за то, что вы воспользовались нашими услугами, приятного вам дня. — Механический голос раздался из динамика над окном, и поезд начал сбрасывать и так уже невысокую скорость. Я, спустя три дня пути, наконец-то добрался до столицы. Дорогой я наслаждался и на всякой долгой стоянке выходил из вагона и гулял по вокзалам разных городов. И знаете, они все были гораздо чище и опрятнее их аналогов, которые я помнил по прошлой жизни. Нет, здесь не было идеальной картинке, тут тоже были бездомные алкаши, спящие в подземных переходах, жирные полицейские, которые с трудом-то передвигались, куда им преступников ловить... Но того же мусора вокруг было меньше, здания чище, асфальт под ногами выглядел недавно обновленным, да и просто люди больше улыбались, смеялись и радовались вокруг. А то, как простые люди вели себя, говорили об очень многом...

Николаевский вокзал (в моих старых воспоминаниях он назывался Московским) встретил нас белоснежными стенами, парой подтянутых полицейских (ну, конечно, столица же), внимательно осматривающих вновь прибывших, парой ну просто странно чистых вагончиков — кафешек с вывесками «Шаверма» (ну прям ностальгия пробирает, сразу же захотелось съесть эту гадость), быстро бегущими по синему небу облачками, которые так и норовили спрятать за собой солнышко. Асфальт был еще сырой после ночного дождя. В прошлой жизни я жил в советском Ленинграде, и я помню другие улицы, другой город, в девяностые поступил в академию, куда потом и вернулся преподавать после ранения, а в 2010-ом ушел на пенсию — не вынес курсантов, а потом меня жизнь помотала по самым разным уголкам родины. В итоге, я довольно хорошо знал свой Ленинград, Улан — Удэ, Иркутск, Самару, Псков. Ну, ничего страшного, теперь у нас есть и время, и желание познакомиться с этим огромным северным имперским чудовищем. Именно чудовищем. За счет того, что в этом мире не было революции, и столицу никто не переносил, Санкт — Петербург разрастался колоссальными темпами, и был даже на карте больше своего отражения из моей памяти раза в два, в то же время, как и Москва наоборот не получила такого страшного роста и наплыва населения из дальних регионов страны, как в моей памяти.

Выйдя из здания вокзала, я в очередной раз открыл блокнот с записями. Смартфонов в этом мире ещё не изобрели, да и беспроводная связь была осуществлена пока лишь в принципах работы радиостанций, соответственно, пришлось забыть и о таких вещах как навигатор, фотоаппарат, доступ в сеть, звонки, электронная книга, музыкальный плеер в одном флаконе, который был всегда под рукой.

Вот и пришлось по старинке завести себе маленький блокнотик в черной кожаной обложке, который выполнял у меня роль карманного ежедневника.

Я открыл его на одной из первых страниц и снова прочитал адрес: улица Декабристов, 21/2, квартира № 13.

Да, здесь тоже были события в 26-ого декабря 1825-ого года. Только не такие, какие помнил я из прошлой жизни. Декабристами в этом мире называли защитников престола — два гвардейских полка, которые защищали зимний дворец и пустой престол династии трое

суток, пока из Москвы не прибыл наследник престола, Константин, сын Алексея II, когда его младший брат, Василий, пытался узурпировать власть в Империи и сесть на отцовский трон. Да, дворцовые перевороты были и здесь, вот только их было аж три «эпохи».

Ну, хоть такси здесь было в родной для меня расцветке — желтые машины с черными шашками на боках и крышах. Знакомая до боли ГАЗ-23, которая здесь гордо именовалась «Буревестник». Правда, если внешние черты соответствовали «канону» из моей памяти: пузатые бока, выделенные передние фары, решетка радиатора, словно унылые усы старого прапорщика — вещевика, утопленная внутрь, под тяжелый металлический бампер, то под капотом у данного аппарата были совершенно другие характеристики, которые вызывали уважение, как для автомобиля среднего класса, так и для всего отечественного автопрома. Ну, и главное, чем славилась имперская автомобильная промышленность — надежность. Да, да, вы не ослышались, во всем мире, автомобили Российской империи славилась надежностью, особенно военные машины, но и гражданские не отставали. Если военная техника была на первых строчках мирового рейтинга, то гражданские машины уверенно держали вторую позицию и постепенно начинали покусывать пирог нынешнего лидера — Японский сёгунат, который, фактически выигрывал только за счет уровня роскоши в представительском и дипломатическом классах в настоящее время.

Ну и ладно, вернемся к нашему настоящему. Я подошел к первой в желтой очереди машине с черными шашками.

— В Военную Академию, курсант? — Шофер стоял на улице возле своей «ласточки». Внутри я готов был упасть на асфальт и зайтись истеричным смехом: мне попался типичный «образ» водителя из советского кино в новом мире внутри империи: синяя, немного выгоревшая, форменная фуражка с золотого цвета кокардой в виде автомобильного руля, за которым скрещены два гаечных ключа, кожаная коричневого цвета куртка, которая потрескалась на левом плече и вдоль тыльной стороны всей руки оттого, что чаще всего она была за окном, форменные синие брюки и серая рубашка под кожанкой, черные ботинки, но главное — точно такие же по форме черные обвисшие усы на лице шофера, как и форма решетки радиатора на его автомобиле.

— Улица декабристов, 21, корпус 2? — Я мотнул головой и назвал адрес.

— Тридцать рублей с полтиной. — Шофер назвал цену, выдавая своё псковское происхождение.

— Кому полтина, а кому и ни алтына, — Ответил я ему поговоркой, — Командир, Бога побойся, цены ломись, курсант в академии на первом курсе шестьдесят рублей стипендию имеет, а ты половину от нее за проезд до Декабристов хочешь? Да я по Невскому пройду, и через километр уже возьму такси в три раза дешевле, чтобы мимо двух мостов проехать, да по берегу пару — тройку километров всего-то.

Шофер сморщился как высохший апельсин, снял фуражку, почесал начинающий лысеть затылок, вновь водрузил символ шоферской власти на голову и спросил:

— Местный?

— Не местный, но частый гость. Цены знаем. — Я не стал врать. Зачем? И дураку понятно, что я не петербуржец, а вот то, что я не в первый раз приезжаю в столицу, вычислить практически невозможно. А на этом можно и поиграть. Как я всегда раньше сам себе говорил: сэкономил, значит, заработал. Вот и продолжаю придерживаться этой привычки.

— Двенадцать рублей с полтиной, меньше не возьму. — Ответил капитан желтого

«Буревестника» и приветственно открыл багажник.

— Идет. — Я сложил ручку и закинул чемодан в багажник, а сам запрыгнул на заднее сидение.

Шофер быстро прыгнул на водительское кресло, и машина очень плавно тронулась с места.

— Третий курс Академии? — Таксист был явно не прочь поболтать.

— Так очевидно? — Я решил поддержать беседу, но лишь дать человеку убедительность в его собственных словах. Старая история — подтверди догадку человека, даже если она не верна, он сам уже построит вокруг нее целую теорию. Первые два года Военной Императорской Академии жили на казарменном положении, с третьего курса курсантам, которые были отмечены успехами в учебе и не имели дисциплинарных взысканий, дозволялось жить в городе. Ровно до тех пор, пока учеба была в идеальном состоянии, а дисциплина оставалась безупречной.

— Вашего брата всегда видно — строгие, суровые, подтянутые, даже костюм, словно парадную форму, носите. Эх, молодежь, вам бы жить, а вы все служить рветесь.

— Ваш сын тоже в Академии? — Догадался я.

— Не дорос ещё, но уже бредит. Через пару лет поступать сможет. — Кивнул шофер.

Да, для многих родителей это было больной темой. Военная стезя была популярна среди мужской части молодежи, но также она была весьма и опасна. Мало того, что конкурс в любое армейское учебное заведение был от десяти человек на место, так и большинство молодых офицеров отправлялись набираться опыта в различные дальние регионы, зачастую связанные с риском для жизни, к примеру, на границу с Афганистаном.

— Может, всё еще поменяется. Два года — большой срок. — Я решил встать на сторону шофера.

— Не знаю, посмотрим, я — то не против армии, честь и почет, уважение, жизнь достойная, но уж больно боязно и матери, и мне за него. Порог УЕР он прошел, силенок для поступления хватает, но вот на равных с княжескими сынками и дворянами он не стоит — не та лига.

— Объем УЕР еще не панацея. Мало голой силы, нужны ещё и мозги, чтобы её управлять.

— Ваша правда, господин курсант, ваша правда...

Дальнейший наш путь прошел в тишине, хотя он и не был особенно долгим. Спустя пятнадцать минут мы уже проехали мимо Дворцового и Благовещенского мостов и повернули на улицу Декабристов.

Не знаю, почему, но улица мне сразу же понравилась. Она была зеленой, тихой и очень спокойной, не смотря на то, что до центра столицы здесь было меньше часа пешком. Словно тихая гавань посреди бушующего моря столицы. Я посмотрел на домик № 21, и улыбка сама собой вылезла на моем лице. Я когда-то, очень-очень давно мечтал о собственном отдельном домике. А тут меня ждал, пусть и не весь дом, но второй этаж двухэтажного желтого домика был отдельной квартирой на пять комнат, которая принадлежала деду Аристарху. Еще перед отъездом из Новосибирска, он отдал мне ключи от квартиры, рассказав, что давненько выкупил её у кого-то из дворянских родов — вассалов княжеского рода Юсуповых. Тогда я не предавал этому особого значения — жить есть где — вот и хорошо, жить не в общежитии или казарме — вообще прекрасно! А сейчас понимал, что мне вновь повезло. Дед рассказал, что на первом этаже должна была быть небольшая аптека,

которую держал уже старый, давно овдовевший, еврей Арик Давидович Ейльман, немногим моложе деда. Как говорил дед, половину первого этажа занимала аптека, а вторая половина была его холостяцкой квартирой.

Я прошел в калитку и повернул к внутреннему дворику — вход в квартиру на втором этаже был сзади дома. За домом оказался приятный глазу укрытый в тени трёх огромных дубов скверик с круглой беседкой в центре.

— Цитадель мужского одиночества, не хватает только столика, бутылки вина и бокала. А, еще пепельницы и дымящейся сигареты. — Произнес я свои мысли вслух.

В прошлой жизни я так и не обзавелся семьей, и в таких беседках провел немало времени с ранней весны и до поздней осени за шахматами с кофе и сигаретой. Иногда и с вином и сигаретой. Но чаще с сигаретой и кофе.

— О чем вы говорите, молодой человек, таки, разве в вашм возрасте и при вашей внешности можно говорить о мужском одиночестве-с? — Раздался голос за спиной.

Я развернулся и окинул взглядом нежданного собеседника, и, по всей видимости, моего соседа с первого этажа. Передо мной стоял плотный мужчина в годах, явно за восемьдесят. Ростом он мне был по грудь, и первое, что мне просилось в глаза — черная шапочка — ермолка, полностью седые, даже скорее белые, волосы на голове и борода — было абсолютно непонятно, где заканчиваются пейсы и начинается борода. Тучное, уже состарившееся тело было одето в черные брюки, белоснежную рубашку, черную жилетку, половину рук закрывали такие же черные нарукавники, на ногах блестели идеально чистые лакированные туфли, а на средней пуговице жилетки блестел золотом крючок, к которому через цепочку крепились карманные часы. В одной руке он держал маленький складной столик, во второй — средних размеров фляжка, высокий бокал для вина, под мышкой выглядывал титульный лист газеты «Империя сегодня».

— Господин Арик Давидович Эйльман, я полагаю? — Я обозначил легкий поклон.

— Таки, вы абсолютно правы, молодой человек, но я до сих пор не знаю, хто вы, и по какому праву ворвались на мою утреннюю прогулку? — Арик Давидович обладал пусть и старым телом, но глаза его были моложе всех, кого я выдел. Этот дед явно любил вить веревки из всех, кому не посчастливилось посадить его себе на шею....

— Дворянский недоросль Матвей Александрович Волков, внук Аристарха Волкова. Прибыл для поступления в Петербург. Мой дед сказал, что имел недавно удовольствие побеседовать с вами и сообщил вам об этом заранее.

— А, таки вы, молодой человек, внук господина Волкова! Что же, поздравляю вас с приездом, одну минуту — старый аптекарь приставил к ноге маленький раскладной столик и достал из кармана жилетки связку ключей, — Аристарх Прохорович попросил произвести уборку и закупить необходимые продукты на первое время. Все исполнено, согласно пожеланиям вашего глубокоуважаемого деда. Моя экономка приходит трижды в неделю, понедельник — среда — пятница, для уборки и закупки разных необходимых мелочей, так что можете поймать её и договориться об уборке и закупке для себя. Ну, что же вы стоите с дороги, заселяйтесь, отдыхайте, не забудьте, заявки на экзамен принимают лишь эту неделю.

— Благодарю, Арик Давидович, я обязательно встречу с вашей экономкой, уверен, мы с ней сможем договориться. Благодарю, за оказанные услуги. — Я забрал вторые ключи у аптекаря, как и говорил дед, и отправился к себе.

Когда я уже закрывал за собой входную дверь в квартиру, увидел, что старый аптекарь уселся в беседке. Перед собой он поставил маленький столик, компанию старому еврею

составляли бокал с красным вином, плоская фляжка и свежая газета.

* * *

Квартира оказалась огромной. Да, у меня в памяти самой большой квартирой оказалась моя съемная двушка в Подмоскowie, но пятикомнатная квартира деда Аристарха была просто огромной. Столовая, она же гостиная, со столом на десять персон, не считая хозяина дома и балконом во внутренний дворик, хозяйская спальня была совмещена с комнатой — гардеробной, одна комната была сделана явно как гостевая спальня, четвертая комната была оформлена и обставлена, как и рабочий кабинет деда в поместье под Искитимом, ещё одна комната была полностью пуста, и я сразу же решил, что она станет моим личным спортзалом. Вся квартира, кроме рабочего кабинета, была отделана в едином скандинавском стиле — вся мебель была белого цвета — стол, стулья, шкафы, кровать в спальне, кухня, вешалка, гардеробная группа, в тоже время все шторы, подушки на диване, стульях и покрывало на кровати в спальне были серого цвета, обои по всей квартире были однотонные серо-голубые, создавая ощущение примерно одного уровня освещения в квартире — при солнце не слишком ярко, а без него не съедает весь свет. Просторно, комфортно, в общем, моё новое жилище мне понравилось.

Я очень быстро раскидал свой чемодан в гардеробной группе, понял, что весь он занял меньше одного шкафа.

— Помнится, дед сказал, что переведет на первое время мне деньги на банковский счет, и стоит прикупить пару-тройку хороших костюмов для выхода в свет и учёбу. — Я задумался, стоя рядом со своим гардеробом.

С одной стороны, дед Аристарх будет выделять мне деньги на жизнь — стипендий здесь не платили, как и не было понятия бюджетного образования, кроме как школьного. С другой — на жизнь этого наверняка хватит, а вот на мои личные «хотелочки»?

С обучением в империи всё было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. В военных учебных заведениях курсантам платили с первого курса жалование — первые три курса они получали как солдаты, два курса как прапорщики, а на пятом они уже получали жалование поручика. Но по выпуску каждый молодой офицер был обязан отслужить Отечеству и Императору десять лет, в чем они клялись перед боевым знаменем императорского рода.

В гражданских всё было интереснее — если ты проходил вступительные испытания, то тебя принимали на дальнейшее обучение, а твоим родным отправлялось письмо с благодарностью о воспитании достойного отпрыска и рекомендацией ежегодных сумм пожертвований в фонд университета. И это считалось абсолютно нормальным. Потому как список семей, которым Университет и, соответственно, Император выражает свою личную благодарность за вклад в просвещение и развитие молодого поколения Российской Империи, ежегодно зачитывался в полном объеме на балу, посвященному Летнему Солнцестоянию, который завершал учебный год.

Соответственно, раз у меня не будет стипендии от Университета, а будет, так сказать, «дедовская стипендия», стоит подумать и о работе. Скорее, подработке. Дополнительный заработок никогда не помешает. И у меня была идея реализовать что-нибудь из моего прошлого, возможно, это тоже сможет принести свои плоды.

В любом случае, первая задача — поступление, потом уже с заработком разберемся.

С этой мыслью я не стал откладывать дела в долгий ящик, подхватил сумку с документами, отправился в главный корпус Санкт — Петербургского Императорского

Университета. Сегодня был первый день приема документов.

Дорога до главного корпуса заняла меньше получаса. Фактически, я прошел меньше трех километров — от дома через Благовещенский мост и по Университетской набережной.

И вот у здания университета начались проблемы. Во-первых, у входа в Университет стояла полиция, которая сортировала абитуриентов и следила за порядком в очередях. А очередей было девять! И восемь из них длились не меньше полукилометра. Лишь одна была абсолютно пустая, но вход на неё также контролировали полицейские. Подойдя ближе, я понял, что каждая очередь соответствовала своему краю: Сибирь, Кавказ, Север, Урал, Дальний Восток, Средняя Азия и степные области, центральная часть России. Отдельный вход был для княжеских и боярских родов. Как я понял, что отдельный вход для очень короткого списка имперских фамилий? Все просто, у каждой очереди стояла табличка. И на княжеском — боярском входе были строго перечислены именно что фамилии, а не губернии или области.

Пришлось занять место в сибирской очереди. Почему шло такое деление — мне было абсолютно непонятно. Сама очередь двигалась, хоть и медленно. Пока я стоял в очереди, слушал разговоры вокруг.

— Говорят, в этом году набор будет ещё меньше, чем в прошлом...

— Да я за аттестат вообще не волнуюсь, страшнее испытание на источник, вот где провалиться можно на раз...

— А вы слышали, что в нашем году будет поступать старшая дочь императора? Говорят, она уже прошла испытание источника, даже ей никто не делал послаблений...

— Нет, ты представляешь?! Как можно так нас заставлять ждать, моя семья обладает дворянским титулом больше двадцати поколений, да мы по родословной можем с княжескими родами потягаться в старшинстве...

Народ говорил о чем угодно, чувствовался общий мандраж перед неизвестностью испытания источника. Ведь мало было показать достойный объем УЕР, нужно было ещё показать и достойный уровень контроля сил.

Проверка заключалась в двух этапах. Первый этап проходил при подаче документов на поступление. Во время подачи документов, в зависимости от того, каким источником обладал абитуриент, ему выдавался либо кусок кварца, либо янтаря, размером с кулак взрослого мужчины. Кварц отлично принимал энергию темного Источника, а янтарь соответственно, светлого. В среднем, было принято считать, что камень подобного размера мог впитать в себя около одной тысячи УЕР. Абитуриент опустошал свой резерв, в идеале до полного нуля, чтобы, впоследствии, количество УЕР можно было проверить с помощью сканирования камня. Минимальным порогом было три сотни УЕР. Стоит ли говорить, что все заполненные камни, вне зависимости от того, поступит или нет конкретный абитуриент, оставались во владении Университета? Таким образом, Университет пополняет запас магической энергии дважды в год — один раз в начале года, при поступлении и проверке студентов после летних каникул и практики, второй раз — в конце учебного года перед летней сессией, официально — чтобы проверить прогресс в развитии студентов...

Спустя почти час я прошел через арку главного корпуса Университета и попал в зал приемной комиссии. Каждая очередь вела в свой зал комиссии, в соответствии с табличками у начала очередей. Меня, в составе десяти абитуриентов пригласили в Сибирский зал.

Сибирский зал представлял из себя круглую комнату, словно бальную залу, диаметром около ста метров. У противоположной от входа стены по половине окружности

располагалось десять столов с секретарями комиссии, в центре был расположен постамент высотой в половину человеческого роста с простеньким цифровым экраном — сканер камней, заполненных энергией.

Меня проводили к седьмому по счету столу.

— Присаживайтесь, молодой человек. — Кивнула женщина лет тридцати на вид, — Меня зовут Анна Алексеевна Комарова, секретарь — делопроизводитель приемной комиссии Санкт — Петербургского Университета его Императорского Величества Константина Пятого. Я приму ваши документы и прошение на поступление, а также вместе с вами проведу первоочередную проверку вашего Источника.

— Доброе утро, госпожа секретарь, — Я сел в кресло перед секретарем, — Дворянский недоросоль Матвей Александрович Волков. Прибыл к вам из Сибирской губернии.

— Давайте ваши документы, молодой человек, и добро пожаловать в столицу. Кто действующий глава вашего рода?

— Аристарх Прохорович Волков, поместный дворянин в первом поколении, титульный дворянин в шестом поколении Российской империи.

— А ваши родители?

— Мои родители давно почили, госпожа секретарь. Отец — Волков Александр Аристархович. Мать — Волкова Елизавета Игоревна.

— Примите мои соболезнования, Матвей Александрович. Но я вынуждена задать еще несколько вопросов по вашим родителям.

— Конечно, я постараюсь ответить на них как можно более полно.

— К какому роду относилась ваша матушка в девичестве?

— К боярскому роду Долгоруковых, Анна Алексеевна.

Тут секретарь подняла на меня заинтересованный взгляд. Боярский род, ну как еще, хоть я и носил фамилию Волкова, родство оспорить было невозможно, и кто знал — в каких отношениях я состою со своими родственниками.

— Ваше поступление идет под шефством рода Волковых или Долгоруковых?

— Под шефством рода моего отца — Волковых.

— Хорошо, какой факультет хотите выбрать для дальнейшего обучения?

— Лекарское дело, госпожа секретарь.

Тут она вовсе отложила ручку, связала кисти в замок и посмотрела на меня.

— Вы должны меня правильно понимать, Матвей Александрович, лекарское дело — отдельная кафедра внутри врачебного факультета. Но это элита среди всех медиков империи, и конкурс даже на первом этапе отбора очень высок, если вы покажете результат меньше 300 УЕР, то вас не допустят до второго этапа испытания. В тоже время, на врачебном деле, порог составляет 150 УЕР, что уже является более реальным результатом. И да, возможность повторного выбора не предоставляется до следующего года. Открою вам небольшую тайну, Матвей Александрович, второй этап заключается в высвобождении целительной силы на живой объект, это индивидуальная замена устного экзамена исключительно для кандидатов в Лекари. Разумеется, сразу же вас никто не допустит до человека, это будет животное, но в случае провала — ваши действия навредили объекту воздействия или же вы не смогли высвободить силу Источника на объект, вы провалите второй этап, и, соответственно, не сможете поступить в наше учебное заведение в этом году. Вы уверены в своем желании?

— Да, Анна Алексеевна, я смогу показать необходимый результат.

Секретарь кивнула и сделала последнюю отметку в анкете абитуриента. Из стола она достала крупный кусок янтаря размером с мой кулак и передала мне.

— Сейчас нам немного нужно подождать, пока не настанет наша очередь.

— Госпожа секретарь, я могу сразу же наполнить и отдать вам янтарь, если вы не будете против.

Она лишь покачала головой:

— Это запрещено, Матвей Александрович. Вы должны наполнить янтарь лишь рядом с постаментом. Наполнение и сканирование снимается на видео, чтобы, впоследствии, иметь возможность проверить ваши действия более детально, так наши сотрудники исключают случаи жульничества и подмены.

— Не уже ли, кто-то смеет так опорочить дворянское имя своего рода?! — Я действительно удивился сказанному. За прошедший год я убедился, что дворянская честь в этом мире — не пустые слова.

— Бывало и такое. — Улыбнулась Анна Алексеевна.

Ждать, в итоге пришлось недолго. Шесть человек передо мной показали результаты от семи десятков до двух сотен УЕР на сканере. Четыре светлых и два темных источника. Подошла и моя очередь.

Вместе с Комаровой мы подошли к постаменту сканера.

— Прошу вас, Матвей Александрович, теперь вы можете заполнить янтарь, и мы проведем сканирование.

Я кивнул и взялся за янтарь двумя руками и закрыл глаза. Уже привычный жар из центра груди волной поднялся по телу до головы, перетек в руки и начал погружаться в янтарь. Сырая сила светлого источника. По сути, это было подтверждением минимального или, как еще говорили, начального уровня контроля источника — ступени Неофита. Спустя минут пять я понял — энергии почти не осталось — словно остаток в несколько капель на дне кружки. Я открыл глаза и передал янтарь, который испускал теплое золотистое, схожее с солнечным светом, сияние, которое согревало всех окружающих, в руки секретаря. Словно единственную драгоценность, Анна Алексеевна возложила янтарь на постамент.

Сканер характерно щелкнул, и цифры на табло начали свой бег. Высветился светлый треугольник, указывающий на светлый источник, а сканер повторно щелкнул, остановившись на отметке «472 УЕР».

— Итоговый результат «472 УЕР». Поздравляю, Матвей Александрович, первый этап вступительного испытания вы сдали. — Анна Алексеевна подняла на меня удивленный взгляд.

Тут я понял, что вокруг меня царит тишина — секретари остановились и не делали записи, охрана и абитуриенты смотрели на меня чуть ли не разинув рты.

Черт, перестарался. Можно было остановиться пораньше.

— Прошу за мой стол. — Анна Алексеевна указала на свое рабочее место.

Также в полной тишине мы вернулись за стол. Секретарь поставила последнюю отметку в бланке и анкете абитуриента и передала мне копию бланка.

— В бланке стоит отметка о показанном результате. Также, там адрес и время второго этапа испытания. Второй этап пройдет через три дня. Желаю успехов в поступлении и учебе, уверена, вы с легкостью пройдете второе испытание.

Я лишь кивнул и поднялся со своего места. Сибирский зал я так и покинул в полной тишине.

— Быстро пролетели три дня, однако. — Сказал я, наливая себе в кружку горячий терпкий кофе. Шикарный запах с нотками фруктов, ванили и горячего шоколада распространялся по всей квартире. Завтрак был просто великолепен. Яичница из двух яиц с кусочками ветчины и помидорами, горячий кофе и пара тостов. С кофе отдельная история.

За три дня я всего-то и успел, что встретиться с экономкой Арика Давидовича Эйльмана, заказать один костюм, да найти достойный кофе. С экономкой мы договорились на уборку в понедельник и пятницу, за это я должен был платить ей тридцать рублей в месяц. Недорого и недешево, средний ценник по Петербургу, как я узнал. Зато дед говорил, что старому аптекарю можно доверять, и плохого он не посоветует. А, раз экономка убиралась и закупала продукты для Арика Давидовича уже более семи лет, значит, у старого еврея к ней не было претензий.

С кофе ситуация в Петербурге оказалась плачевной — народ не распробовал этот напиток, и его редко где подавали и продавали. Но мне удалось найти достойную кофейню на Университетской набережной, и там же, о чудо, продавали и зерно, подходящее для турки или воронки. В итоге, не смотря на указания Аристарха Прохоровича, я купил сразу запас кофе, воронку и кофемолку. В итоге, денег для приобретения сразу двух костюмов у меня сейчас не было, или я мог купить сразу два костюма, но жить следующий месяц мне было бы не на что. Но я решил, что душевное спокойствие и маленькая радость каждое утро дороже одного костюма в моем гардеробе, и решил себя порадовать. И докупил себе пару гирь по двадцать четыре килограмма каждая.

Завтрак я умял быстро, аппетит проснулся во время утренней тренировки. Пробежка, турники и брусья в соседнем дворе, возвращение домой, комплекс упражнений с гирями, душ и завтрак. Впереди было вторая часть испытания источника.

Позавтракав, я вернулся в спальню — встал я рано, около шести утра, на часах было около девяти утра, и до начала второго этапа экзаменов оставалось три часа — он был назначен на полдень на Крестовском острове.

Я взял бланк в руки и вновь прочитал адрес: Крестовский остров, Императорская аллея, дом 11 «А».

Я уже успел узнать, что по адресу располагалось столичное управление конной полиции. Видимо, объектами второй части испытания станут лошади.

— Ну, начнем готовиться. — Сказал я сам себе и полез в чемодан под кроватью.

Первым делом я достал крупный камень необработанного кварца. Этот минерал прекрасно принимал энергию темного Источника, как и янтарь превосходно принимал и сохранял в себе энергию светлого Источника. Я сел на кровать в спальне и взялся за камень двумя руками. Если при использовании светлого источника я испытывал приятное и мягкое тепло, которое словно бы обволакивало меня, то с темным было несколько иначе. Темная энергия походила на слабые разряды электричества, она была более резкой, бурной. Теплая энергия давала ощущение покоя и умиротворения, в тоже время темная разжигала азарт, побуждала к действию, даже к некоторой агрессии. Темный источник был у меня несколько меньше, чем светлый, и через несколько минут вся энергия перетекла в кварц. Он приобрел антрацитовый цвет с черными прожилками, даже солнечный свет на его гранях не отражался. Аккуратно убрав его обратно в чемодан, я начал собираться.

Прямые светло — серые брюки, темно-синяя водолазка, темно — синий пиджак в крупную серую полоску — клетку, тёмно-коричневые полуботинки. Образ завершен. Всё-

таки погода во второй половине августа в Петербурге уже напоминала осень.

Я вышел из дома, закрыл квартиру и быстрым шагом добрался до остановки троллейбусов. Спустя десять минут я сидел внутри троллейбуса и наслаждался видами Невы, Петропавловской крепости на Заячьем острове и Петроградской стороной. Троллейбус медленно и уверенно полз по своему маршруту. Хотя общественный транспорт и считался довольно медленным, и пользовались им, в основном, люди, которые не носили благородных фамилий, мне на всё это было глубоко плевать. Я не кичился дворянским званием, а мой внутренний хомяк просто требовал от меня экономии бюджета после последних трат. А на такси можно и потом покататься.

Спустя почти час (маршрут троллейбуса оказался очень извилистым, как меня и предупредил старый аптекарь) я вышел на остановке около Императорского парка «Крестовский остров». Подойдя к карте парка, я нашел Императорскую аллею. Для того, чтобы на ней оказаться, мне было нужно пройти сквозь весь парк и выйти через противоположные ворота, фактически к берегу острова, который смотрел на Финский залив. Прогулка спокойным шагом отняла у меня ещё около сорока минут, в волосах гулял северный ветер, солнышко приятно грело, выглядывая из-за облаков, и я просто наслаждался тем, что костыли и трости мне были больше не нужны. Обычно, в такую погоду я без костылей из дома выйти не мог — слишком сильную боль причиняли раздробленные суставы в ноге...

Выйдя на Императорскую аллею, я повернул направо и направился к комплексу зданий в самом конце с одинаковыми синими крышами, окруженными трехметровым забором с четырьмя вышками по периметру.

Дойдя до пропускного пункта, я позвонил в звонок у двери. Никто не открывал. Подождав пару минут, я вдавил звонок и держал его, пока не услышал брань с противоположной стороны.

Тяжелая металлическая дверь, покрашенная серой краской, приоткрылась, и на меня хмуро смотрел страж порядка с седыми усами и бакенбардами. Форменная фуражка была лихо сдвинута на бок, а на щеке еще были видны следы вмятин после сна на столе.

— Чего надо? На службу наниматься — это через первое КПП. — Страж порядка явно был недоволен молодому посетителю.

— Добрый день. Матвей Александрович Волков, прибыл на второй этап экзамена по поступлению в Санкт — Петербургский Императорский Университет.

— А. Бланк и паспорт для проверки.

Я протянул бланк и паспорт в раскрытом виде. Данные сверили и вернули мне.

— Ждите, я должен связаться с дежурным и доложить о прибытии.

Дверь резко захлопнулась прямо перед моим носом.

Я немного опешил, если честно, но решил дождаться. Спустя еще десять минут дверь вновь открылась:

— Проходите.

Я прошел следом за дежурным в тамбур пропускного пункта. Тот вернулся на свое служебное место, закрыв дверь за мной, открыл небольшое окошко и протянул руку:

— Паспорт дайте, пропуск выпишу.

Я молча протянул паспорт. Дежурный записал меня в свой журнал, выписал временный пропуск и нажал клавишу на пульте управления турникетом.

— Проходите, вам нужно здание с табличкой «11А», на обратном пути сдадите пропуск

мне.

Я кивнул и прошел через турникет. Выйдя из КПП, я оказался на плацу перед штабом конного управления, о чем меня оповестила огромное табло, которое висело между вторым и третьим этажами здания напротив меня.

— Ну-с, начнем. — Сказал я сам себе и двинулся вглубь комплекса.

Благодаря схеме на плакате рядом со входом в штаб управления, я быстро нашел здание «11 А». Это действительно оказалась конюшня. Только не основная, а госпитальная. Сама конюшня оказалась открыта, внутри сновали люди в рабочих комбинезонах. Я не стал им мешать и решил подождать снаружи.

Ждать пришлось недолго. Спустя минут двадцать появилась явная группа преподавателей из Императорского Университета, которую сопровождал дежурный офицер. Двое мужчин и женщина. Один мужчина был уже преклонного возраста, уверенно за семьдесят, хотя с целителями этот момент не стоило брать во внимание — именно целители жили дольше остальных. Если средний преклонный возраст в империи среди одаренных был около 90 — 100 лет, то целители могли перешагнуть этот порог лет на двадцать — тридцать смело. В его волосах и бороде не было и намека на былой цвет волос, но глаза были яркого насыщенного зеленого цвета, снег седины полностью его сожрал, сам он был средней комплекции, чуть ниже меня по росту, но крепкие руки держали трость скорее для статуса, чем из-за необходимости, одет мужчина был в темно — синюю тройку с голубой рубашкой и галстук цвета ограненного сапфира. На горле, из-под седой бороды и до ворота рубашки выглядывал тонкий багровый шрам не шире толщины монеты. Второй мужчина был гораздо моложе — лет сорок — сорок пять, одет он был в ту же классическую тройку, только полностью черную, того же цвета были рубашка и галстук, гладковыбритое лицо с высоким лбом, копна черных волос и серые прищуренные глаза. Он мне сразу не понравился. А вот их спутница заслуживала отдельного внимания: Русые прямые волосы падали вниз ниже поясицы свободным водопадом, тонкая фигура, я уверен, что смог бы обхватить её за талию двумя руками сейчас так, что указательные и большие пальцы будут соприкасаться, которая скорее подошла бы профессиональной балерине. Темно — зеленая свободная юбка волнами морской бури поднималась при каждом движении, салатная же блузка была настолько прозрачная, что на солнце было видно контуры идеального тела под ней, при этом была максимально закрыта и не давала никаких пошлых намеков. Тонкие черты лица, тонкая шея, на которой было надето витое серебряное кольцо с зелеными камнями, холодное, но очень сильно подчеркивающие цвет её глаз. И безумно жадные до жизни зеленые, цвета молодой травы, веселые глаза. Если бы я действительно был сейчас мальчишкой семнадцати лет, то точно бы влюбился с первого взгляда, а так, мой внутренний довольно циничный хомяк сразу сделал вывод, что передо мной красивый, но сугубо комнатный цветок, который не знал и не знает сложностей и трудностей в этой жизни.

— Добрый день, юноша. Не думал, что кто-то окажется на месте раньше нас. — Подойдя, первым заговорил седовласый.

— Добрый день, — Я поклонился, протягивая лист бланка из приемной комиссии, — Позвольте представиться — Матвей Александрович Волков, прибыл для прохождения второго этапа экзамена.

— О, да, всё верно, в моём списке кандидатов вы значитесь, моё же имя, Андрей Владиславович Золотой, я — глава кафедры «лекарского дела» на врачебном факультете и, по совместительству, декан врачебного факультета. — Мужчина протянул руку в сторону

дежурного офицера.

Тот быстро поднял и открыл портфель, который он нес всю дорогу.

Было вполне понятно данное поведение по отношению к целителю. Во-первых, среди одаренных их было достаточно мало — все старались развивать боевые навыки, а не «мирные», как называли целительское дело, а для простых солдат и служивых людей, да и для простого народа целители были проявлением божественного милосердия. Именно целители могли спасти с помощью своей силы именно там, где нужно было сложное оборудование, именно целители спасали людей тогда, когда уже не могли помочь обычные способы медицины, сильные и опытные целители были способны даже прирастить оторванные или отрезанные конечности, если положенный срок еще не прошел, и не требовалась после этого долгая реабилитация...

— Это Сергей Александрович Скворцов и Анна Андреевна Золотая, преподаватели нашей кафедры. — Глава кафедры целителей представил своих спутников. Дочь и подчиненный.

— Волков, Волков, Волков... Что-то знакомое... Не могу вспомнить... Кто ваш отец, юноша? — Скворцов говорил через губу.

— Александр Аристархович Волков, его давно уже нет среди живых, господин Скворцов. — Я старался отвечать без эмоций, с такими людьми, как Скворцов лучше не связываться — пока не связываться...

— А... Ну, тогда ладно. — Он моментально потерял интерес ко мне.

— Матвей, я видела ваши результаты на первом этапе, это очень достойный результат для вашего юного возраста. Кто занимался вашей подготовкой? — Анна Андреевна явно была не против поболтать.

— Моей подготовкой занимался мой дед, Анна Андреевна, это полностью его заслуга.

— Если луч Лизни вашей звезды сможет выдать хотя бы двести единиц, то мы с вами встретимся уже на занятиях.

— С огромным удовольствием прибуду в вашу аудиторию, Анна Андреевна.

Она удовлетворенно кивнула.

— Знаете, ваше лицо мне кого-то напоминает, определенно, я ранее видела схожие черты. Но я уверена, что никогда раньше не встречалась с родом Волковых...

— Возможно, Анна Андреевна, у нас есть несколько родственных связей с другими дворянскими родами.

Она вновь кивнула:

— Да, да, конечно, видимо, я встречалась с кем-то из ваших родственников...

Эх, красавица, если бы ты только знала, кто в родственничках у этого тела, то явно не относилась ко мне так тепло — Долгоруковых не любили именно женщины именно за жесткий патриархат в роду.

Но тут меня спасло от дальнейших расспросов поток абитуриентов, которые начали прибывать к госпитальной конюшне.

Один, два, ещё трое, еще двое — почти восемьдесят человек! Хорошо, что я пришел первым и по спискам у меня фамилия в третьей очереди, а то так можно на весь день здесь застрять.

По итогу, нас оказалось семьдесят семь абитуриентов.

Когда все отметились у Золотого, он вышел вперед и встал перед воротами конюшни.

— Дамы и господа, я рад видеть всех вас здесь. Я уверен, что каждый из вас желает

спасать и защищать жизнь каждого подданного нашей империи, именно по этой причине я вижу всех вас перед собой. Сразу хочу сказать вам, что ваш экзамен здесь уже доказывает, что каждый из вас самоотвержен и преисполнен настоящей чести и достоинства, потому как нет более смелого поступка, как быть готовым каждый день вступать в схватку с самым опасным противником — самой Смертью. Независимо от того, какой результат вы покажите здесь — я лично обещаю вам, что по каждому я напишу рекомендательное письмо о зачислении на кафедру врачебного дела всех, кто не пройдет второй этап испытания нашей кафедры.

Все присутствующие, молча, поаплодировали Золотому. Глава кафедры целителей развернулся к воротам конюшни и толкнул их внутрь, открывая вход.

Мы вошли внутрь. Здесь было восемьдесят стойл, и в каждом стояла лошадь полиции.

— Здесь находятся лошади после операций или болезней. Все они уже здоровы, но им требуется большой отпуск от службы, чтобы восстановиться после травм и болезней. Ваша задача проста — вам нужно оказать общий укрепляющий эффект на вашего сегодняшнего пациента, помочь ему ускорить своё восстановление. Нам важно отследить ваш уровень контроля вашей звезды — Источника. На основе данного результата и будет принято решение о вашей оценке в рамках данного испытания. Пример для вас покажет Анна Андреевна.

Анна Андреевна мило улыбнулась всему строю абитуриентов и подошла к первому стойлу. Красивый, цвета вороньего крыла, конь протянул морду к целительнице. Понюхав руки девушки, он позволил себя погладить и положить девушке руки по бокам от головы. Я, стоя в первом ряду, почувствовал волну тепла, которая начала исходить от целительницы. Волосы немного приподнялись от спины, словно их поднимал легкий ветерок. Волна тепла потекла на коня, обволакивая его словно в кокон, заворачивая в теплую энергию, которая будто бы впитывалась в кожу животного. Явный показатель, как минимум, уровня Мастера, с явной заявкой на Магистра. Но главное было в другом — я ВИДЕЛ, как энергия от рук Золотой растекается по телу коня! Теплая белоснежно — золотая энергия, словно кровь, бежала по венам и артериям, расходилась по мелким сосудам, проникала в ткани и кости... Но, видеть работу с энергиями другого Одаренного невозможно, как писали во всех книгах, и это же утверждали преподаватели. Но я точно видел течение энергии Одаренного от субъекта к объекту, как и видел «Звезду Дара» Золотой — яркую точку с тремя лучами в районе мечевидного отростка грудной клетки. И тут до меня дошло — я не видел Звезду Конева, пока он не выпускал её «жар» во внешний мир, также было и с Золотой — она выпустила «жар», и мне стала видна ее Звезда. Конев в основном учил меня воздействию «сырой силы» на собственное тело, и жар звезды уходил внутрь его самого, отчего внешнего проявления особо и не было видно, а Золотая целенаправленно вливает энергию в коня, и она становится видна мне. Так это же имба! Я имею небольшой запас времени, чтобы увидеть, что меня атакуют, а также вижу — какое воздействие моя энергия оказала на раненного или больного!

Всё действие заняло буквально пару минут. И конь уже радостно бил копытом, словно стремился пробежаться.

— Он полностью здоров, стоит вывести его на воздух и дать размяться. — С улыбкой Анна Андреевна повернулась к офицеру конной полиции, и тот сделал отметку в своем планшете.

— А теперь каждый из вас должен будет повторить то, что сделала Анна Андреевна,

господа абитуриенты. — Андрей Владиславович достал список абитуриентов и открыл папку в синей обложке, — Первой у нас сегодня будет Абрамова Анастасия Владимировна.

Девушка моего нового возраста вышла из строя и приблизилась ко второму коню. Тот также понюхал протянутые руки и фыркнул убрав голову обратно в стоило.

— Подай энергию звезды через каналы рук и протяни руки к нему — животные чувствуют энергию Жизни от Одаренного и хорошо идут на контакт. — Всё также, через губу, с легким презрением сказал Скворцов.

Девушка нервно кивнула и повторила жест — тепло от нее исходило намного слабее, чем от Анны Андреевны. Максимум на уровне Адепта начальной стадии.

Конь на этот раз дал себя погладить и оставил морду в руках Абрамовой.

Ей потребовалось уже гораздо больший временной отрезок — почти десять минут она стояла с конем, а энергия тонким ручейком через кисти перетекала в коня.

— Я закончила. — Сказала девушка, опуская руки.

— Отлично, вставайте обратно к ребятам. Следующий...

Так продолжалось следующие ещё десять человек. Почти два часа я наблюдал за абитуриентами, пока они выходили к лошадям и делились своей энергией. Я заметил, что после каждого абитуриента Скворцов или Золотая незаметно кивали или отрицательно покачивали головами на невысказанный вопрос главы кафедры целителей.

Чаще отрицательно качали, кивнули всего дважды. Именно когда энергия Одаренных смогла выйти из тела и проникнуть в тела животных, оказав при этом хоть какое-то лечебное воздействие.

— Следующий — Волков Матвей Александрович. — Сказал Андрей Владиславович, и вышел вперед.

Конь в тринадцатом стойле оказался ярко — рыжего окраса, словно яркое пламя. Он постоянно фыркал и грозно потрясал своей роскошной вычесанной гривой.

— Будьте поаккуратнее — он у нас с характером. — Это была первая реплика от офицера конной полиции, который всё это время присутствовал на экзамене.

Я кивнул и подошел к стойлу. От груди разлилось приятное тепло, поднялось до головы и скользнуло по рукам в мои кисти. Конь повернул голову и с интересом смотрел на меня. Я протянул руки, держа на открытой кисти заранее взятое яблоко из бочки у входа в конюшню. Конь понюхал сперва яблоко, взял его губами и с удовольствием захрустел. После понюхал мои кисти и дал себя погладить. Я положил руки по бокам от морды и начал вливать в него свою энергию, закрыв глаза — сейчас они не были нужны. Я не силен в анатомии лошадей, но раньше читал много и усердно, просто из интереса, и основы животной анатомии знал. Своим теплом Жизни я постепенно обволакивал все органы животного, укрепляя каждый, наполнял силой каждую мышцу, энергия подсказывала сама, я просто знал те органы, в которые нужно «дать» больше энергии, чтобы ускорить их восстановление.

«Да, крепко тебя потрепали» — Подумал я, когда понял, что конь имел три огнестрельных ранения, которые ему и оперировали.

В какой-то момент я понял, что больше подавать и не нужно. Конь полностью здоров. Я отнял руки и улыбнулся. Конь словно преобразился. Шикарная, но блеклая грива заиграла новыми красками, отражая солнечными лучи, стало медно — золотистой. Глаза стали ярче, конь начал гарцевать на месте и тихо фырчать, требуя движения.

— Его тоже нужно вывести и дать хорошенько размяться. — Сказал я с улыбкой, поглаживая потянувшуюся ко мне голову коня.

Мне ничего не ответили. Я развернулся к преподавателям и абитуриентам. Андрей Владиславович смотрел на меня с явным интересом, Анна Андреевна улыбалась и кивала, Скворцов лишь нахмурился и смотрел сверху вниз, приподняв голову, по его скулам гуляли желваки (вот что я ему сделал?!), а абитуриенты смотрели на меня во все глаза. Кто-то даже рот открыл.

Ну, вот как так-то?! Я опять перестарался!

— Прекрасно, Матвей Александрович, просто прекрасно. А теперь следующий... — Андрей Владиславович поставил отметку у себя в планшете и продолжил прием экзамена...

* * *

Я шел по Императорской аллее к выходу из парка на острове. Всех прошедших на кафедру обещали обзвонить уже завтра, остальных же направят на врачебное дело. Я был уверен, что второй этап экзамена я прошел. Стоило только вспомнить взгляд Золотого... Он явно расценивал меня уже в качестве своей собственности. Если бы мне было сейчас действительно семнадцать лет, я бы этого даже не заметил, но только вот в этом юном теле душа взрослого мужика, который уже почти закрыл пятый десяток. Таких профессоров мы уже встречали в прошлом, умеем обходиться, на прошлые грабли наступать не будем...

Пока шел по боковой аллее парка и размышлял о своем, я даже не заметил как дошел до тупика в углу парка, границей которого выступал кованый черный забор, обвитый зеленью. В углу четверо парней зажимали одного. Четверо явно были просто типичной «гопотой», хотя, в этом мире такого слова и не существовало, надо привыкнуть их всех называть просто хулиганами. Одеты они были неброско — серые куртки, выцветшие синие рубашки, одинаковые фуражки восьмиклинки, явно элемент формы какого-то профессионального училища, грубые ботинки из черной кожи и спортивные трико. Пятый был гораздо интереснее — неброский, но явно хороший костюм темно-серого цвета, белая рубашка, черный галстук, черные лакированные туфли. Стройный и высокий, с прямыми черными волосами, зачесанными назад, тонкие скулы и тонкий прямой нос, карие, почти что черные глаза, узкий подбородок, узкие бледные губы, да и сам слегка бледный, словно недавно отболел, тонкие кисти с длинными тонкими пальцами сейчас сжаты в кулаки, гораздо лучше бы смотрелись на клавишах рояля или струнах гитары. Явный представитель благородного сословия. Брюки уже были испачканы, нижняя губа разбита, а под правым глазом наливался яркий «фонарик». Но рук парень не опускал, стоял в классической боксерской стойке и ухмылялся. Он не боялся.

— Ну, что, дворянчик? Сливу вторую тебе вlepить, чтобы смотрелось ровно? — Спросил стоящий крайний правый из хулиганов.

— А ты попробуй, обезьянка! — Задорно ответил парень, смахивая кровь с подбородка, которая сочилась из разбитой губы, большим пальцем левой руки.

Все хулиганы стояли ко мне спиной и меня не видели, а парень был слишком занят четверкой, чтобы обратить на меня больше внимания, чем один быстрый взгляд.

Только момент вытирания крови с подбородка стал стартовым сигналом. Все четверо бросились на парня.

«Ну как можно вчетвером на одного... Эх, десант детей в беде не бросает!» — Подумал я и бросился на выручку парню. Меня вдруг захлестнуло то самое чувство хорошей драки, словно слегка подвыпивший, я бросился на спины четверки. А, нет, уже тройки. Тому самому борзому, единственного которого я слышал, парень выщелкнул хорошей тройкой. И явно не одним боксом он занимался. Расслабляющий удар пяткой в сустав стопы

противника, который отвлекается на боль и опускает руки, и четкая тройка — корпус, голова, голова. Крайний правый заваливается на землю, всё аут! Вне игры. Но на этом первоначальный запас удачи парня и закончился. Крайний левый воспользовался ситуацией и ударил парня по затылку и повалил на землю. Двое других начали просто запинывать лежащего противника.

Эх, спасибо Коневу за науку. Натренировал он меня знатно и лишил всяческих предрассудков по поводу чести в бою. Я без зазрений совести подлетел к двоим любителям попинать противника на земле. Первому пришёлся удар ногой в сустав колена со спины, второй не успел среагировать — моя рука хватает его за подбородок, сжимает в двух точках давя на челюсть — это больно, я сам прекрасно знаю, Конев тоже самое со мной самым делал, поворот противника вокруг своей оси, сгибаю его в поясе в девяносто градусов — первый, второй удар коленом по лицу, характерный хруст хряща в носу, хватаю его за пояс и с хэканьем отправляю его в полет через бедро, вышибая воздух из груди ударом об землю.

«Запомни, есть три пояса в теле человека, которые отвечают за равновесие тела — нарушишь два — и противник гарантированно твой и на лопатках...» — Почему-то в голове всплывают слова Конева.

Третий уже среагировать на меня успел. Из кармана выскочил дешёвенький складной нож.

— Чё, сука! Подходи, я тебя здесь же за пацанов порежу! Чё вылупился?! — Парень очень сильно нервничал и махал ножом перед собой без всякого порядка.

Я поднял бровь. Seriously? Обнажить оружие или предмет, схожий с ним, и угрожать дворянину? Да за это и на казнь можно отправиться. Вот дурак. Парень на земле уже начал оправляться и подниматься с земли, тяжело дыша и держась за бок. Ладно, не вижу смысла ломать комедию дальше. Я поднял правую руку. На ней заплясал небольшой воздушный смерч.

— Нападение на дворян группой лиц, нападение на Одаренного группой лиц с оружием. Парниша, я тебя прямо здесь могу кончить, и всех дружков твоих, и по закону я буду прав, меня никто не осудит, более того, мне даже спасибо скажут за то, что парк очистил от таких мразей, как вы. У тебя два варианта — первый: ты пытаешься меня зарезать, я в ответ пробиваю дыру у тебя в груди размером с кулак, и ты не очень долго, но очень неприятно подыхаешь, второй: ты бросаешь нож на землю и уволакиваешь своих дружков, а я заберу своего — всё, разбегаемся, времени на решение у тебя три секунды! Готов поспорить, что дыра будет у тебя по центру...

— Да х*ли ты тут рулить решил! Спорит он! Да я...

— Один!

— Бл*ть, сука, заре...

— Два!

— Ладно, я согласен! Бросаю!

Он бросил нож, но упасть он не успел — я спустил смерч с руки, и тот поймал нож в свою хватку. Вы видели когда-нибудь, как металл проходит через мясорубку? И я до этого момента не видел. Металлическое лезвие и бакелитовые накладки на рукоятке просто разорвало ветром на куски за пару секунд. На землю уже упали просто крошки бесполезного мусора. От увиденного парень только сильнее побледнел, поднял руки и начал отходить спиной вперед. Не справился, запнулся ватными ногами и упал на спину. Тут уже, видимо, адреналин у него спал и началась истерика — он истошно завизжал, вскочил и умчался от

нас подальше, даже не вспомнив о своих коллегах «по цеху».

Я же подошел к парню в костюме. Положил свои руки ему на лоб и грудь.

— Ты кто? — Спросил он.

— Вот тебе и «здрасьте!», не «привет», не «спасибо», а, ладно, я — Лекарь... будущий, а сейчас потерпи чуть-чуть и помолчи... — Я сосредоточился и выдал волну Жизни в тело парня.

Лечить четкими арканами я пока не умею, а вот дать общую волну укрепления уже могу, правда, без обезболивания пока что. Ребра ему действительно сломали. Парень скривился. Да, лечение, как правило, всегда не особо приятно. Я снял темно-синий пиджак и сложил руки лодочкой. Лед — это проявление воды и воздуха. И его простое созидание с Коневым я освоил. Руки наполнялись водой, а та мгновенно замерзала — крупный кусок размером с три моих кулака я положил в пиджак и завернул, передав своеобразный компресс парню.

— Приложи к правому боку, это компресс. Я — Матвей Волков.

— Спасибо. — Парень с благодарностью принял помощь и приложил лед к правому боку. — Я — Александр Кобылин.

Я присвистнул. Кобылины — княжеский род.

— И что здесь забыл в одиночестве один из княжичей Кобылиных?

— Да вот прогуляться решил, воздухом подышать, а тут они — дворянчик, иди сюда, пообщаемся, ну, и так далее по списку. Двоих ещё на аллее вырубил, попытался свалить от них, так не получилось — догнали. А дальше уже ты присоединился. — Улыбнулся он.

Я протянул руку, Александр взялся за нее, и я помог ему подняться.

Я перекинул его руку себе через плечо, подхватил его под мышку и повел к выходу из парка.

— Ты на общественном? — Спросил я его.

— Неа, машина у входа в парк стоит. Волков, знакомая фамилия. Не помню, где слышал, вроде бы от деда...

— Сибирский дворянский род. Просто дворянский, без высокого титула.

— А, понял, значит, в реестре дворянских фамилий видел. Ты учиться приехал?

— Ага, дед отправил в Петербург на поступление.

— И как?

— Сегодня второй этап экзамена проход здесь, на Крестовском. Думаю, что прошел.

— В Императорскую Академию?

— Ага.

— А факультет или кафедра у тебя какая?

— Кафедра лекарского дела.

— О, поздравляю. Там всегда небольшой набор, поэтому и конкурс высокий. А я на юридический факультет поступил в этом году. В одном месте учиться будем.

— Почему в одном?

— Так факультеты юриспруденции и врачебного дела в одном корпусе. Нужно как-нибудь потом отметить наше «боевое крещение», ты как, не против?

— Буду только «ЗА!», я, в принципе, за любое движение, кроме необоснованной голодовки...

— Фи, Матвей, вы выражаетесь так, как не подобает аристократу Российской Империи!

— Фи, Александр, ваши внешний вид не подобает княжичу Российской Империи.

Мы оба тихо рассмеялись. Да, действительно, нет лучшего момента для заведения хорошего знакомства, чем хорошая драка... Я довел Александра до выхода из парка.

У выхода из черного внедорожника модели «Катран». Моментально выскочили двое «пиджаков». Явно охрана. Подскочили к нам, меня просто оттолкнули от Сашки. Один схватил молодого Кобылина, второй схватил меня за руку.

— За нападение на княжича Кобылина вы будете задержаны и доставлены в полицию! — Выпалил «пиджак», схвативший меня за запястье.

— Игорь, остановись! Матвей не нападал на меня, он мне помогал отбиваться и оказал первую помощь! — Рыкнул Александр.

«Пиджак» моментально меня отпустил:

— Прошу прощения, представьтесь, пожалуйста.

Я убрал руку и достоинством отдал короткий поклон:

— Дворянский недоросоль Матвей Александрович Волков, из Сибирской губернии.

— Благодарю за помощь, Матвей Александрович, сообщаю вам, что об оказанной помощи будет доложено главе рода Кобылиных.

Я лишь кивнул. Запретить им я этого не мог — это не подчиненные моего рода.

— Александр Алексеевич, прошу Вас сесть в машину, мы отправляемся в поместье. Я вынужден немедленно сообщить о происшествии вашему отцу и деду.

Сашка лишь печально вздохнул.

— Прости, Матвей, надеюсь, увидимся на учебе. — Он протянул руку, и я её пожал.

— Конечно, нам еще отпраздновать нужно такое знакомство.

Сашка улыбнулся и сел в машину. Внедорожник сорвался с места и быстро скрылся из виду.

А я отправился на остановку общественного транспорта.

«Стоит о произошедшем сообщить Аристарху. Вдруг, это окажется полезным для меня, или наоборот... не очень» — Подумал я, двигаясь к остановке.

* * *

РИ, пригород Санкт-Петербурга, поместье рода Кобылиных, 20:00

Владимир Александрович Кобылин был старым, уже очень старым даже по меркам Империи, девяносто семь лет, это действительно возраст. Его старший сын и наследник, Алексей Владимирович, хоть и был поздним ребенком, воспитывался в соответствии с родовым укладом, ему было сорок семь, и уже сейчас он занимал пост главы розыскного крыла Тайной Канцелярии Российской Империи, а сам Владимир Александрович являлся главой всех «Царских постельничих» Его Императорского Величества. Он строил схемы, плел интриги, казнил и шантажировал дворян, князей и бояр, следил за благородными родами чужих королевств и империй. Всячески оберегал свой род, и уже успел позабыть о юношеской глупости.

И кто же мог подумать, что его внука, первого наследника его рода после сына, попытаются не убить и не похитить агенты иностранных спецслужб или враждебно настроенных родов, а попытаются взять «на понт» простые хулиганы на Крестовском острове, а поможет ему «отбиться» внук Аристарха Прохоровича Волкова, с которым его, самого князя Кобылина, связывали долгие годы службы.

«Да, чудны дела ваши, Боги...» — Подумал старый князь, рассматривая стоящего перед его столом внука.

Целители и врачи рода уже полностью восстановили внука. Александр стоял прямо и

смотрел деду в глаза, вины за собой он не чувствовал, а потому вид имел воинственный и слегка нагловатый.

Внука Владимир Александрович любил. И воспитанием его занимался с раннего детства и принимал участие в его подготовке. Родовая звезда проявилась в Александре ярко, как и в его отце, как и в деде. Звезда с тремя лучами «тьма — смерть — земля», и Аспект Дара «Дурной Глаз». Год назад Вий, небесный покровитель рода принял потомка рода Кобылиных, лишь ещё раз подтвердив благостное расположение к древнему роду...

В общем-то, Владимир и не видел вины Александра, но просто так оставить этот случай не мог. Как минимум, потому что в парк внук отправился без охраны.

Его сын, Алексей Владимирович Кобылин, который сейчас также находился в рабочем кабинете князя, был того же мнения, что и дед.

— Второго такого случая, что был вчера, не должно повториться, Александр. Я доволен тем, как ты себя проявил, но не допущу повторения, как минимум, двое охранителей должны тебя сопровождать всегда, если ты в общественных местах. Я запрещаю тебе двигаться без них. Ты меня понял? — Дед говорил сурово, продолжая «дуэль взглядов» с внуком.

— Да.

— Что скажешь про своего нового знакомого? — Уже более мягко спросил князь.

— На первый взгляд, человек достойный. Про род его ничего сказать не могу. Не обсуждали мы с ним семьи. А там впереди ещё «будем посмотреть», как говорится.

— Я скажу тебе так, Александр, про семью лучше тему не поднимай. Про его деда могу сказать — человек достойный и решительный, весьма целеустремленный. Не раз за годы службы вместе с ним работал, всегда достойно себя проявлял. Если внук хотя бы в половину такой же как дед, то человек он наверняка достойный.

— Деда, можешь рассказать — почему не стоит про семью с ним разговаривать? — прищурился Александр.

— Потому что нет их среди живых. Весь род Волковых сейчас — дед, внук и внучка. Отца Матвея убили в приграничном конфликте перед началом последней войны, мать его на новостях таких рожать начала, да померла сразу после родов, не вынесла горя. Тогда дед его, Аристарх Прохорович со службой завязал, ушел на пенсию да уехал в родовые земли в Искитим, внуков воспитывать.

— А так присмотрись к нему, Саша, присмотрись. Волковская порода интересная. За близких рвать шкуру любому готовы. Куда он поступал ты, случаем, не спросил?

— На кафедру Лекарей, деда.

Старый князь снова улыбнулся. Удивленным он не выглядел.

— Надо бы юношу отблагодарить за помощь. Что думаешь, Александр?

Внук подобрался. Всякий раз, когда дед переходил на полное имя, это означало, что он говорить о серьезных делах.

— Возможно, стоит отблагодарить его новой одеждой?

— Он так плохо выглядел? Я понимаю, Волковы не богаты, но не настолько же всё плохо... — Удивился князь.

— Александр, а это не будет оскорблением? — Впервые за всю беседу раздался голос отца Александра, Алексея Владимировича.

— Нет, вы не так поняли. Я согласен, что отблагодарить за помощь нужно. Просто оружие не подарить — не в бою он меня спас, так, потасовка, на большее это не тянет. Машину нельзя — мы управлять не можем ещё по закону, да и слишком это опять же —

повод не тот. Деньгами точно не возьмет, это я из твоих слов, деда, делаю вывод. Волковы — род старый и гордый.

— Тут ты прав. А почему тогда одеждой? — Старый князь до сих пор не мог понять предложения внука.

— Встречают, как у нас говорится, по одежке, а провожают — по уму. Я предлагаю подарить два костюма из ателье моей матери — один — повседневный, один — для вечернего выхода в свет. Это и статусная вещь, и покажет нашу благодарность. Всё-таки, в дочернем бизнесе матушки очередь на пару лет вперед на индивидуальный пошив стоит, и стоит услуга такая безумных денег, не только для дворян, но и для некоторых бояр. От такой вещи не откажется, ещё письмо благодарственное, матушкой заверенное, отправим с ними, тогда точно примет.

Алексей Владимирович весело рассмеялся.

— Хорошо, предложение стоящее, быть посему. Алексей, будь добр, с Марией договорись, чтобы до конца недели два костюма и письмо были отправлены внуку Аристарха Прохоровича.

— Сделаю, отец. — Кивнул наследник княжеского рода.

Глава 4. Осеннее равноденствие

РИ, Санкт-Петербург, улица Декабристов, 21/2, квартира № 13, неделю спустя, 06:00

Я спокойно тягал гири в своей уютной квартирке и размышлял о жизни. В подарок за помощь Александру я получил от его матери письмо с благодарностью и два костюма по последней моде столицы. Отказаться от подарка не было возможности, особенно, если учитывать, как было составлено письмо. Но в такой мелочи я и не собирался. Это не деньги, которые я бы не принял просто из принципа — ну, какой гвардии офицер возьмет деньги у матери за защиту её ребенка?! И не квартира, которая по стоимости просто вопит о чрезмерном награждении. А костюмы — нормально, и недорого и со вкусом, тем более, что мой размер (как же я ошибался!).

Как раз один из них я собирался надеть на себя сегодня на день Торжеств, посвященных началу учебного года в Санкт-Петербургского Императорского Университета.

Торжество перед началом учебного года проводилось двадцать восьмого августа, за три дня до начала учебного года. Первого сентября уже начинались первые занятия.

После испытания мне позвонили на второй день и с радостью сообщили, что я зачислен в третью группу «ЛД-01–03». Ну, в результате своём я не сомневался. Когда я спросил, сколько всего сформировали групп, мне сказали, что их всего три и есть. Если я правильно помнил, то в группе примерно около двадцати человек, а значит, набрали около шестидесяти из тех, кто пришёл на испытание. Честно говоря, я думал, что нас будет гораздо меньше...

Спустя двадцать минут я закончил тренировку и после душа достал один из подаренных костюмов. Это была приталенная темно-серая тройка с крупной светло-серой клеткой, светло-светло-серой сорочкой и черным узким галстуком с орнаментом из бордовых ромбиком и белых точек, рисунок на галстуке повторялся и на карманном платке.

Облачившись в новый костюм, я с улыбкой посмотрел в зеркало — молод, крепок, красив, ну все преимущества на лицо — можно и жениться! И сам себя одернул на такой мысли — какой жениться — впереди такое время!

Сегодня я сам себе позволил заказать для себя любимого такси. На улице царило солнышко, Арика Давидовича видно еще не было, а аптека была ещё закрыта. Уже зная пунктуальность старого еврея, я был уверен, что через двадцать минут, ровно в десять утра аптекарь отщелкнет замки и откроет аптеку для народа.

Я сел в такси, стоящее у входа в аптеку и отправился в главный корпус Императорского Университета.

Доехал очень быстро — меньше десяти минут, как мне и обещал оператор таксопарка.

Народу сегодня здесь было еще больше, чем при подаче документов. Сегодня уже не было отдельных входов для разных регионов. Все проходили через главные ворота, отдельный вход я видел с правой стороны здания — там висели флажки княжеских и боярских родов империи.

«Ну, а мы и не гордые!» — с улыбкой подумал я и отправился через Главные ворота.

Минут пятнадцать я потратил на то, чтобы найти указание о своем факультете и актовый зал, который предназначался для него.

В главном корпусе Санкт — Петербургского Императорского Университета всего было тринадцать актовых залов. С учетом обширного количества факультетов, день Торжеств проводился в три смены. Первая смена — это встреча первокурсников, она проходила с

самого утра, вторая смена — встреча третьего курса и сообщение о дате их первой государственной аттестации в сентябре, третья — торжественный бал вечером для четвертых курсов — выпускников первой ученой степени, бакалавров. Второкурсников не приглашали в главный корпус в день Торжеств по причине практики — практика после первого курса продолжалась обязательные два месяца и заканчивалась тридцатого августа. Считалось, что два дня достаточно, чтобы вернуться из любого уголка империи для продолжения обучения...

Да, была возможность продолжить обучение и дальше согласно очереди — магистратура, аспирантура, соискательство, научная работа — и дойти до звания «профессора наук», но этим редко кто занимался.

Большинство выпускников останавливалось на бакалавриате.

В военных училищах срок обучения был больше — курсанты учились обязательные пять лет, а по некоторым специальностям — все семь...

Я добрался до седьмого актового зала. Именно в нем встречали первокурсников факультета врачебного дела, едва не опоздав.

Актовый зал был наполнен почти полностью. Я смог занять место на предпоследнем ряду, спрятавшись в тени от любопытных глаз родителей, которые высматривали родовитых наследников старших родов — бояр и князей, чтобы понять, с кем из старших родов их детям может повезти познакомиться.

«Да. Вот она — суть любого общества. Без разницы что — должность, родовитость, богатство, сила Дара, положение в обществе — люди всегда найдут, по какому критерию самих себя оценить и кого поставить на верхушку пищевой пирамиды...» — Подумал я, глядя как мамочки и папочки указывали на отдельных подростков своим детям, осторожно кидая на них взгляды и нашептывая в уши. Особенно это касалось девочек — здесь была возможность выхватить прекрасную партию.

Только я вот не был уверен, что представители аристократии спокойно согласятся на подобный брак. Это должна быть либо очень хорошая сделка, либо очень большая ошибка — как в моем — Матвея случае. Я — состоявшийся взрослый циник, не верю я уже в большую любовь... Или верю? Сложный вопрос...

Тем временем, зал окончательно наполнился, и входные двери закрылись. Основной свет погас, и на сцену, словно актер, вышел Андрей Владиславович Золотой — декан факультета врачебного дела и глава моей кафедры. Как я уже узнал, Золотой пришел в профессуру после серьезной полевой практики — он уволился со службы в чине ротмистра, почти двадцать лет проведя на границе с Афганистаном. И хоть силы и Контроля его Дара не хватило для поступления на кафедру лекарского дела, врачебный он закончил с отличием и быстро отправился на службу, где смог набраться опыта. Сейчас он вел у всех курсов полевую медицину, практику по хирургии, а также практику по развитию Контроля Дара. Ведь, Дар — это то, что с чем мы рождаемся. Он либо есть, либо его нет, а количество УЕФ практически невозможно изменить — исключение, наверное, составляют лишь «рыкари», но их очень мало. А вот Контроль Дара — это же то, что полностью зависит от самого Одаренного. И человек, который не относился к древним родам — боярам или князьям — а значит, и не имел какой-то «основной» стихии и Атрибута, но смог развить свой Контроль до уровня Архимага, заслуживал уважения.

— Доброе утро, господа. Поздравляю вас с поступлением в Санкт-Петербургский Университет Его Императорского Величества Константина V «Багрянородного». Я

достаточно консервативен, так что прошу не обращать внимание на то, что я называю наш факультет на старый манер. С сегодняшнего дня все вы зачислены на первый курс различных кафедр нашего факультета. Ближайшие два года вы будете осваивать базовый курс специалиста медицинской службы. После второй практики, вы пройдете обязательную аттестацию на звание младшего специалиста, и вновь два года будут посвящены вашей подготовке уже по профильному направлению, которое вы выберете. Мое напутственное слово для вас — продолжайте учиться всю жизнь. Именно ваши знания смогут спасти жизни тысячи людей. Всегда стремитесь к большему, ибо только ваше стремление к развитию и самосовершенствованию сможет расширить границы ваших возможностей. Я благодарю каждого из вас за сделанный вами выбор и искренне верю, что спустя четыре года смогу с гордостью каждому из вас вручить диплом об окончании нашего учебного заведения.

Зал проводил декана аплодисментами. Вслед за ним выступили главы шести кафедр с более короткими речами. Всё сводилось к тому, что у нас осталось не так много времени на подготовку, и первого сентября уже во всю начнутся занятия. Отдельно, как глава кафедры, Золотой не выступал.

Он лишь отметил, что все первокурсники его кафедры должны прибыть на час раньше первого сентября, до начала занятий. В девять утра у нас будет встреча с руководителями учебных групп, которые являлись нашими кураторами по основной специальности. За час нас представят друг другу, а информация, в какой аудитории будет собираться каждая группа уже должна быть вывешена вместе с расписанием на первый месяц занятий.

После выступления Золотого и глав кафедр нас отпустили по домам. Я отправился в холл первого этажа в поисках расписания. Здесь уже толпились студенты с юридического факультета. Пробежавшись глазами по толпе и не найдя Александра Кобылина, я решил, что его уже увезли домой и принялся искать расписание своей группы. Расписание нашлось быстро, и стало понятно, что первого сентября занятия у нас начинаются в десять утра, с учетом указания Золотого, мы должны прибыть в девять утра в триста пятую аудиторию.

Я отправился домой, бродить по университету я не хотел...

* * *

— Сбор студентов второго курса юриспруденции, кафедра уголовного права! — Девушка стояла у входа в главный корпус и зазывала своих одноклассников.

Осень началась с приятной погоды. Солнце на улицах Города — на — Неве, народ такой погодой явно наслаждался и выбирался на прогулки с явным удовольствием. Легкий ветерок с залива был действительно прохладным, и все стремились скрыться в лабиринте домов и поскорее добраться до уютных скверов и парков, где деревья спрячут от ветра.

Я спокойно прошел мимо девушки — юриста в главный корпус. Поднявшись на третий этаж, я быстро прошел до пятой аудитории. Войдя в аудиторию номер триста пять, я остановился. В ней было всего девять студентов. Все повернулись на меня. Семь девушек, из которых две близняшки, и два парня. Каждый расселся отдельно от остальных, кроме близняшек, занявших первый стол центрального ряда. А это значит, что нас всего десять человек в группе, если никто не опаздывает, потому что я зашел без двух минут девять. Спустя семь минут в аудиторию влетела, словно метеор, Анна Андреевна Золотая.

Счастливая девушка просто дышала жизнью и активностью. Сегодня она отдала предпочтение строгому черному брючному костюму с белоснежной блузкой, а волосы собрала в простой хвост.

— Доброе утро, группа «ЛД-01-03», поздравляю вас с поступлением на кафедру

лекарского дела. Для тех, кто неожиданно забыл меня, я напоминаю — Анна Андреевна Золотая, преподаватель кафедры. С сегодняшнего дня я официально являюсь куратором вашей группы до момента освоения ступени бакалавра. Также, лично я у вас буду проводить занятия по основам лекарского дела на первом курсе, простейшие операционные вмешательства с помощью лекарского дела на втором, сложные вмешательства на третьем и неотложные хирургические мероприятия в полевых условиях на четвертом. Напоминаю вам, что первые два года весь факультет посещает общие лекции в составе общих потоков без разделения на различные кафедры. Наша кафедра относится ко второму потоку, так что ориентируйтесь на расписание номер два. Ваши отдельные занятия по своей специальности будут проходить в составе группы, они проходят в свободное время от основного потока. Также спешу напомнить — на территории Университета запрещено требовать соблюдения придворного этикета, все ученики здесь лишь ученики, бояр, князей, дворян, купцов и крестьян здесь нет, вы все приняты на учебу за талант, а не семью. А сейчас прошу всех по очереди представиться и кратко рассказать о себе и своих увлечениях. После мы обсудим вопросы, которые у вас останутся. — Золотая улыбнулась и повернулась к первому столу по левой стороне аудитории. — И пойдём мы слева направо. Прошу вас!

Из-за стола поднялась миниатюрная хрупка брюнеточка. Черные прямые волосы как крыло ворона, тонкие кисти рук и предплечья, детское личико с карими глазами, миниатюрным носиком и милой улыбкой. Если бы я не знал, что в Императорский Университет нельзя поступить раньше семнадцати, то сказал бы что ей не больше тринадцати.

— Доброе утро, меня зовут Тоболова Анастасия Сергеевна, 17 лет. Родом из города Тобольск, Сибирь. Люблю кулинарное дело. — Девушка явно переволновалась и очень быстро убежала обратно на стол.

Вторым вышел парень. Блондин с синими глазами, примерно моего роста и крепкого телосложения. Лицо — ну хоть сейчас на обложку патриотического журнала или плакат «А ты готов послужить Империи?!». Да, я уже третий циник, так что извините...

— Добрый день, меня зовут Егоров Антон Владимирович, 19 лет. Родом из Нижнего Новгорода. Увлекаюсь тренировками, стрельбой и военно — прикладными науками. После завершения обучения хочу продолжить службу в войсках Империи! — Парень не рассказывал, а рапортовал, вытянувшись по струнке, после чего уселся обратно.

Этот молодой человек явно был призван в войска, там уже прошел Инициацию, что и привело его в Университет — отцы-командиры не смогли потерять столь ценный кадр, вот и отправили учиться за счет армии, а потом уже молодой Лекарь будет обязан отслужить десять лет в войсках или на флоте.

— Моя очередь. Здравствуйте все, меня зовут Ольга Комаровская, 17 лет, родом из Гатчины. Увлекаюсь плаванием. — Веселая рыженькая кудрявая девушка ниже среднего роста улыбалась всем вокруг, словно маленькое солнышко.

— Добрый день, я — Никита Добров, 18 лет, родом из Москвы, мои увлечения — легкая атлетика, теннис. — Крепкий, высокий блондин с зелеными глазами ростом около двух метров.

— Добрый день всем, меня зовут Екатерина Ольховская, 17 лет, родом из Пскова, мои увлечения — шитье, кулинария. — Высокая девушка с русыми волосами и фигурой балерины.

— Добрый день, мы — Соколовы Мария и Светлана, нам 17 лет, родом из

Архангельска, у нас общее увлечение — медицина. — Две русые близняшки встали одновременно и одновременно представились.

— Добрый день, я — Елизавета Скуратова, 17 лет, родом из Ростова — на — Дону. Особых увлечений не имею. В зимнее время увлекаюсь горными лыжами. — Первая знаменитая фамилия первого сословия заставила всех напрячься. Девушка с белыми волосами, словно холодный свет и яркими глазами цвета индиго.

— Здравствуйте, меня зовут Ольга Милорадович, родом из Владивостока, увлечений нет. — Девушка с русыми волосами и приятной сложившейся фигурой просто радовала мой взор.

«А парни-то все старше девчонок» — Подумал я и поднялся, оставшись последним из всех:

— Всем, добрый день. Меня зовут Матвей Александрович Волков, мне 18 лет, мое главное увлечение — развитие себя в боевых искусствах.

Анна Андреевна Золотая с удовольствием кивнула после того, как я сел обратно на свое место, и вновь взяла слово:

— Благодарю вас, господа. Надеюсь, наше общение будет крайне продуктивным все следующие четыре года. А теперь прошу вас ознакомиться с расписанием и напомню — двадцать первого сентября на территории Университета будет проходить первый в этом учебном году бал, посвященный Осеннему Равноденствию. Все студенты обязаны на нем присутствовать. А теперь вы отправляетесь на учебу. Встретимся четвертого сентября на занятии!..

* * *

Санкт — Петербургский Императорский Университет, факультет врачебного дела

— И так, дамы и господа, продолжим. К основным физиологическим системам жизнедеятельности человека относятся... — Юрий Геннадьевич Винокуров, самый старый из преподавателей нашего факультета спокойным менторским тоном читал лекцию по физиологии человеческого организма. Вся аудитория по типу греческого амфитеатра в полной тишине внимала мудрости лектора — единственным звуком, кроме голоса Юрия Геннадьевича, был скрежет ручек по бумаге. Писали все быстро, по этому времени на болтовню не оставалось.

Я не был исключением. Как оказалось, за годы без практики я очень сильно просел в своих знаниях. И если практические навыки восстанавливались очень быстро, что отмечали преподаватели на практических занятиях, то вот в теории я «плавал».

Что я старался очень быстро восполнить. Очень быстро я понял, что для комфортной жизни в Петербурге мне нужен дополнительный заработок. И лучшим вариантом для меня будет работа по профилю, чтобы оттачивать свои навыки, а для этого нужно сдать на «отлично» всю первую сессию, тогда меня допустят до практики в госпитале университета. Где нарабатывали практику преподаватели и тренировались многие наши студенты с разных курсов.

Сентябрь уже шел к концу, и уже завтра должен был пройти первый бал в этом году, посвященный Осеннему Равноденствию, благо, к нему я был полностью готов благодаря стараниям матери Александра Кобылина.

С Сашкой мы виделись пару раз, один раз даже немного прогулялись по городу, но особо свободным он пока не был после того случая в парке. Его мать с отцом, с его слов, поставили ему условие для свободного посещения публичных мест. Он должен был показать

уровень контроля Дара не ниже Аколита, а пока он был лишь на уровне твердого Адепта.

Хоть и не было принято в обществе узнавать сильные и слабые стороны Дара, как и его ступени Контроля своих сил, я уже выяснил, что мой уровень Мастера был несколько выше среднего. Такой уровень был характерен для потомственных родов военных и силовиков, ну и Долгоруковых. Что тут сказать, с наследственностью у меня было всё хорошо...

Главным было то, что меня пока никто с ними не связывал. В данный момент в Университете обучались трое Долгоруковых, но с ними мне пока везло не сталкиваться — один был на четвертом курсе, второй — в магистратуре, а третья — заканчивала аспирантуру в этом году.

И я старался сам ни с кем из них не сталкиваться. Пока что у меня это получалось — просто не хотел попадать в поле зрения родственничков, особенно, после того, как узнал, как к ним относятся другие люди — их просто — на просто терпели как лейб — Лекарей императорской династии. Но при этом люто ненавидела одна половина Империи, а вторая — боялась.

Долгоруковы смогли воспользоваться всем потенциалом, что им достался — никто не хотел ссориться с сильнейшими Лекарями мира, если хотел прожить долгую жизнь и обеспечить долгую жизнь своим потомкам...

А такого, как я, они могли бы взять в оборот, что мне было не выгодно. У меня уже сложился план моего будущего развития... Благо, уже пошли слухи о такой вещи, как Всемирная Сеть...

Но о её презентации говорили пока лишь шепотом, и запланирована она была на начало будущего года. О, сколько идей у меня было на этот счет... Но пока главным было мое обучение.

И я учился. За три прошедшие недели я успел попасть в категорию любимчиков, что заметила вся группа, а юная Скуратова за это меня не влюбила, о чем не забывала напомнить всякий раз, когда появлялся шанс... Ну, не привыкла девочка, что к ней относятся не как к королеве бала, явно не привыкла. А вот быть центром вселенной явно было для неё привычно.

«Ну, ничего, мы и не с такими справлялись. Да и серьезного конфликта у нас нет, простая неприязнь. Ничем серьезным это мне не грозит.» — Подумал я, продолжая записывать лекцию.

Последний час занятий пролетел быстро, и около пяти вечера я оказался дома.

Завтра занятий не было, и я решил, что после вечерней тренировки могу просто отдохнуть — завтрашний день обещал быть очень долгим...

* * *

Главный корпус Санкт — Петербургского Университета его Императорского Величества сиял в закатных лучах. Студенты и курсанты разных учебных заведений столицы прибыли сегодня сюда. И руководство Университета не забыло напомнить всем — кто является первым среди равных.

Я прошел через главную арку, которая впускала через себя всех гостей вечера во внутренний дворик, через который, в свою очередь, все приглашенные могли войти в первый бальный зал. За вечер должно было смениться три зала, во втором должен был выступить кто-то из представителей императорского рода. Через полчаса, после открытия третьего зала, бал Осеннего Равноденствия можно было покидать, не нанеся оскорбления.

Я оправил манжеты пиджака, отворачиваясь от вспышки древнего фотоаппарата на

треноге, и в очередной раз мысленно поблагодарил мать Александра — святая женщина! Видимо, подарок был сделан с пониманием ситуации в столице: как я недавно выяснил — заказать пошив костюма сейчас было невозможно — весь сентябрь шили заказы на Бал Осеннего Равноденствия, потом будет небольшой перерыв до третьей декады октября, а там уже начнутся заказы к Зимнему Солнцестоянию, Рождеству, Новому Году, старому Новому Году...

Короче, чтобы заказать костюм вне лета к определенному мероприятию, то вставать в очередь на пошив следовало за год до самого мероприятия.

И тут мир для меня застыл. Буквально. Потерял краски. Я моргнул, убедившись, что это не сон, и повернулся на голос.

— А ты неплохо устроился, Андрей. Или уже все-таки Матвей? — на обычном стуле, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, с легкой ухмылкой сидел Белобог.

Я поклонился, приложив правую руку раскрытой ладонью к сердцу.

В ответ раздались аплодисменты. Я встал в полный рост.

— Неплохо, очень неплохо, у тебя начинают появляться манеры. Но ты так и не ответил на мой вопрос? — Поднял бровь с усмешкой.

— Уже привык к тому, что меня называют Матвеем.

Белобог лишь кивнул на это и продолжил меня рассматривать. Спустя пару минут он продолжил.

— Тут небольшая потасовка произойдет в ближайшие пару часов. С о-о-о-очень неприятными последствиями, как для твоего друга, так и для Империи в будущем. Так что у меня для тебя есть просьба.

— Лишь просьба? — Здесь уже я позволил себе ухмылку.

— Ну, воспринимай её как просьбу — и — приказ. — Вернул ухмылку Белобог, — Спаси своего друга, Матвей. Иначе дом может разрушиться, так и не возводясь. Только никого не убей. И да, последнее — возможность Видеть — это наш с братом подарок. Не советую его афишировать, если не хочешь оказаться на хирургическом столе.

Белобог пропал, и в мир вернулись краски.

Я мысленно выругался: ' А ведь хотел просто отдохнуть! И какого друга мне надо спасти?! Сашку что ли решили прибить?!'

И как найти одного студента юридического факультета среди почти трех тысяч студентов и курсантов всего Петербурга?!

Пока весь народ находился на площади внутреннего двора, в ожидании кого-то из правящей династии, я ходил между группами студентов и курсантов в надежде найти будущую «жертву».

— Его Императорское Высочество, Великий князь Сибирский Михаил Васильевич! — Голос из динамиков прокричал нам о прибытии Светлейшего князя.

Зал замер. Буквально весь зал погрузился в тишину, и единственный звук, который пронесся мимо нас — открывающиеся двери парадного входа.

В той же полной тишине в бальный зал вступил Великий князь. Встречал его лично ректор Университета — Петр Александрович Задунайский. Все сто тридцать пять шагов он прошел в полной тишине и занял место за трибуной ректора в центре зала. Михаил Васильевич оказался крепким мужчиной в возрасте за сорок, ростом около двух метров и фигурой матерого культуриста. Он возвышался над всеми присутствующими, и даже с края зала его было видно. Самое подходящее описание для этого человека — «Богатырь». Седые

волосы короткой стрижки и ухоженной бороды цвета вулканического пепла сливались с серыми глазами, в которых вместо обычных зрачков плескались язычки черного пламени...

— Добрый вечер, господа студенты и курсанты. В этот прекрасный вечер Дня Осеннего Равноденствия Мы от лица рода Рюриковых приветствую вас в наших стенах. Вы — будущее нашей Империи, и Мы с гордостью смотрим на вас.

Оркестр моментально начал игру, как только Великий князь взмахнул рукой и отправился к группе преподавателей во главе с ректором.

И нужно было именно в этот момент произойти тому, что случилось дальше.

— Да ты просто кусок конского навоза, который никогда не добьется успеха! — Раздался крик из правого дальнего угла зала одновременно с грохотом рухнувшего на пол подноса, полного бокалов шампанского.

И весь зал вновь погрузился в тишину. Лишь Великий князь заинтересованно обернулся на этот крик.

Я быстро приблизился к углу. В нем, схватив друг друга за грудки, стояли двое. Один из спорщиков оказался Александр Кобылин (ну, кто бы сомневался?!), вторым был курсант третьего курса Военной Императорской Академии в белоснежном парадном мундире с краповыми погонами на плечах.

Общекомандный факультет. Явно выходец из боярского или княжеского рода.

— Вы ничего не можете, что от вас толку, никто из вас никогда не сражался на передовой, а значит, и слово честь вашему роду не знакомо! — Продолжил рычать курсант.

— А за свои слова ответить сможешь, Лешенька?! — Голос Александра звучал, словно шипение змеи.

— А ты попробуй сам и узнаешь. — Рычал в ответ Алексей.

— Что здесь происходит, господа? — Громом разнесся голос Великого князя Михаила Васильевича.

Парни мигом отпустили друг друга и склонились в поклоне перед Великим князем.

— Молодость горяча, но каждое слово имеет свой вес, княжич Кутузов, — Произнес задумчиво Великий князь после минуты молчания, — и что же в ответ скажет княжич Кобылин, ведь честь требует ответа?

— Ваше Высочество, прошу Вашего разрешения разрешить наш спор на дуэли! — Выпалил Александр, так и не распрямляясь.

Михаил Васильевич медленно кивнул:

— Ну, что ж. Дозволяю провести в десять вечера дуэль между княжичами Кобылиным и Кутузовым до сдачи для решения возникшего спора.

Оба княжича лишь еще ниже склонились перед Великим князем, а я повернулся к часам — до начала дуэли было пятнадцать минут.

Михаил Васильевич вновь кивнул и вернулся обратно.

Я подскочил к Александру:

— Ну и зачем тебе это нужно?!

— О, Матвей, привет!

— Саня, ну на кой оно тебе надо?! — Я продолжил наседавать на княжича.

— Матвей, ну а как можно такое спустить?! Мой род обвиняют в трусости!

— И теперь нужно драться из-за пустых обвинений, которые ничем не подкреплены, кроме пары бокалов игристого у него в животе? Над его словами только в нужнике подтереться!

— Можно и подтереться, но только после того, как я его землю жрать заставлю! —

Последние слова Александр прорычал как зверь.

— Так! Ладно! Что делать-то хоть знаешь?

— Знаю! Будешь моим секундантом?

— Нормальный такой поворот событий! — Я поднял брови.

Саша опустил взгляд в пол.

— Так мне и попросить-то больше некого. А хотя бы один секундант должен представлять меня.

Я лишь покачал головой:

— Ну и что с тобой делать?! Буду, конечно, а что делать-то нужно.

Саша воодушевленно начал рассказывать:

— Ну, по дуэльному уложению ты встречаешься на арене с секундантами противника и спрашиваешь о готовности принести извинения моего противника. Они отказываются, ты тоже отказываешься, а потом начинается дуэль по причине отказа от примирения. Всё. Твоя работа закончена. Правда, если бы это была полноценная дуэль, тогда ты должен был бы ещё доставить меня к лекарю или мое тело в мой род. Но нам разрешили лишь до сдачи сражаться, так что не в этот раз. Да, и не забудь полностью представиться в начале!

Я кивнул, и мы вместе отправились в зал для магической практики. Вместе с нами туда шла толпа народа. Зал был достаточно большим, по двум сторонам тянулись трибуны для зрителей, потому что в этом зале проходили отборочные испытания на Фестиваль Искусств всей империи.

В зале мы ждали недолго. Спустя десять минут весь народ расселся по местам для зрителей, часть осталась стоять в проходах, а на балконе для судей появился ректор и Великий князь.

Михаил Васильевич повелительно кивнул.

Я вышел навстречу двум курсантам, сопровождавшим Алексея Кутузова. Мы встретились на середине зоны для учебных поединков, которая была высыпана песком.

— Дворянский недоросль Матвей Александрович Волков, с кем имею честь, господа?

Курсанты переглянулись и вновь уставились на меня.

— Княжич Воронцов Алексей Юрьевич, к вашим услугам.

— Дворянский недоросль Тимофеев Андрей Александрович, к вашим услугам.

— Господа, готов ли ваш подопечный принести официальные извинения роду Кобылиных?

— Извинений не будет, дуэль состоится, княжич Кутузов настаивает на своих словах. Но княжич Кобылин может отказаться от вызова. Это устроит княжича Кутузова. — Ответил княжич Воронцов.

— Отказа не будет. Мы готовы к дуэли.

— Мы готовы к дуэли. — Подтвердил Воронцов.

Мы поклонились друг другу и разошлись обратно.

Я кивнул Александру, и он отправился к центру круга, с другой стороны также, навстречу Кобылину пошел Кутузов.

Они встали на дистанции двадцати шагов и повернулись к балкону. Великий князь поднялся со своего места, рядом с ним встал ректор. Великий князь повелительно кивнул, и ректор взмахнул рукой.

Вокруг княжичей. По границе песочной арены возник купол, переливающийся всеми

цветами радуги.

— НАЧИНАЙТЕ! — Рык Великого князя разнесся по залу, словно медвежий рёв.

И тут НАЧАЛОСЬ. Я сразу подал жар Звезды Источника на луч Жизни. Восприятие ускорило, и я затаил дыхание.

Кутузовы специализировались на Воздухе, хоть и не упускали развитие их двух других лучей — Жизни и Воды. Но Воздух — это была по-настоящему их стихия.

Кутузов сорвался с места, ускорившись за счет Ветра и Жизни, и начал отправлять куски льда в сторону Кобылина. При этом за доли секунды до атаки от него протягивалась тонкая линия в сторону Александра, а на руках горели синие конструкты силового каркаса печати аркана. Но и Александр не отставал. Кобылины специализировались на темных Источниках. В хрониках им приписывали три основные стихии: Смерть — Тьма — Земля. И если свой главный аргумент — Смерть — Александр использовать не мог, то Тьму и Землю он использовал на полную. Сам Александр окутался плащом из Тьмы, словно оделся в саван, который поглощал все куски льда, которые до него долетали, а в руках крутились силовые каркасы арканов коричневого цвета, уходящие в песок. Под песком эти линии бежали вслед за постоянно маневрирующим Кутузовым, выстреливая каменными копьями с тупыми наконечниками, лишь самую малость, не поспевая за княжичем. Это было сражение на истощение. У кого быстрее Источник быстрее потускнеет, тот и проиграет...

Но Кутузов, видимо, понял, что его надолго не хватит — все-таки, он двигался, а не стоял в обороне. Он на секунду остановился, на раскрасневшемся лице вздулись вены, он на мгновение свел руки вместе и быстро развел их в стороны — между ними вспыхнул новый силовой каркас — и княжич выпустил небольшое Цунами на волю. Плащ Саши мгновенно поднялся и ударил по волне, разрубая её и разнося на стенки радужного щита. Наступило затишье. Саша стоял практически в центре арены с гордо поднятой головой, вновь укутавшись в свой саван из живой Тьмы, но теперь уже от савана в его полный рост по бокам поднялись два черных щупальца, мелко подрагивающих, словно от напряжения.

Кутузов выглядел хуже — красный, со вздутыми венами на висках, по его лицу катились градины пота, а руки мелко дрожали от напряжения. Явный признак того, что добрые три четверти резерва своего он уже исчерпал. Мне на мгновение показалось, что я слышу, как скрипят его зубы. Молодой княжич проигрывал и понимал это. Ярость — всегда не самый лучший советчик.

Кутузов сорвался. И крик Великого князя его не оставил.

— ПРЕКРАТИТЬ!

Но было поздно. С рук молодого Кутузова сорвались воздушные серпы, которые выглядели словно стекло под электрическим светом. Саван Тьмы Кобылина сдержал три из пяти серпов, и он развеялся. Четвертый серп прорубил защиту и завяз в корпусе Александра, а пятый перерубил ногу. Кобылин завалился на спину. Кутузов застыл на месте, открыв рот, весь зал замер. Купол моргнул и пропал.

Я рванул к Саше. Тот еще дышал. Воздушный серп до сих пор не был развеян.

— Развей серп! — Крикнул я, повернувшись к Кутузову.

Тот никак не реагировал.

— РАЗВЕЙ СЕРП! — Мой голос усилился. Вслед за командой я выпустил жар Источника в луч Воздуха, направив ладонь на Кутузова, и сжал средний палец в суставе. Эта фигура образовывала простейший каркас в пять силовых точек аркана Воздушного Кулака. Удар пришелся в грудь Кутузова, и того выбило с арены, и серп развеялся.

Руки быстро легли на первую рану на поясе — волна жара ушла в луч Жизни. Указательный и безымянный пальцы на обеих руках сжаты в суставах — десять фокусирующих точек и одна центральная на пересечении всех лучей — Жизнь растекается по ране Саши, и края раны закрываются, кровь перестает идти. Теперь нога — те же десять точек фокусирующих, одна — центральная, но здесь сложнее, хоть срез и ровный и чистый, но песок уже успел налипнуть на обрубок. На чистой воле выпускаю волну свежей воды и промываю рану и начинаю накачивать тело Саши Жизнью. Тут я уже почувствовал, что выдыхаюсь. Жар уже не шел полноводной рекой по лучу. Энергии оставалось все меньше, а до полного исцеления оставалось ещё далеко.

Я уже почти выдохся, когда на рану Александра легли чужие руки.

— Все хорошо, отпуская аркан. Я помогу. — Андрей Владиславович Золотой стоял на коленях рядом со мной.

Я с выдохом отпустил аркан, а Золотой начал плести свой. О, с каким удовольствием я смотрел на работу Мастера. Тонкие золотистые линии, словно нити, связывали сосуды, нервы, ткани мышц, сращивали кость, и всё выполнялось одновременно, быстро и четко, словно мазки кистью...

Спустя всего пару минут все было кончено. Ткани восстановились, и нога вновь была на своем месте.

— Все, теперь ему нужен лишь покой, питание и хороший отдых. — Выдохнул Золотой, — Вы — молодец, Волков. Ваши действия позволили спасти жизнь княжичу Кобылину. Иначе мы бы могли и не успеть, была бы слишком большая кровопотеря...

И тут ко мне пришла тьма.

Глава 5. Мы вас приглашаем...

«Волк, это третий пост, нужна помощь, Скиф — триста!»

«Третий пост, это Волк, бегу!»

Я видел самого себя. Вот я отвечаю по рации, вот делаю первый шаг от медицинской палатки к машине. Вижу, как граната падает рядом, падает рядом с машиной, и огненный цветок раскрывается в замедленной съемке. Всё, занавес.

Я резко проснулся и сел на кровати. Я снова на больничной койке. Один из датчиков в изголовье кровати противно запищал. Меньше чем за минуту, в палату прибежал дежурный врач и медсестра.

— Матвей Александрович, слава Богу! Вы наконец-то очнулись. — Врач тут же начал проверять датчики, смотреть на общие данные. Затем на руках его вспыхнули силовые конструкты знакомого мне аркана общей диагностики, и теплое свечение золотистого цвета окутал моё тело.

— Сколько? — Мой голос прозвучал хрипло.

— Что, простите? — Врач наклонился ко мне.

— Сколько времени я был без сознания?

— Почти месяц. Сегодня двадцатое октября. Ваш дед здесь. Дежурит уже двадцатый день. Ваше состояние стабильно. Так что сейчас приглашу.

— Постойте. Что со мной случилось? И дайте, пожалуйста, воды.

Врач протянул бокал воды:

— У вас был малый срыв Источника. Мы использовали слишком большое количество Жара, проводя его через Луч Жизни. К счастью, у вас очень хорошо развит уровень Контроля. Это помогло «закупорить» прорыв, так что, думаю, вы прорвались на следующий ранг, простите уж за тавтологию. Так что, после выписки, настоятельно советую проверить свои силы.

— Благодарю Вас.

Врач кивнул и, взяв медсестру под руку, покинул палату. Дверь не успела закрыться, и вошел дед. Аристарх Прохорович был облачен в черную классическую тройку с белоснежной сорочкой и серым галстуком. За два месяца старик сильно сдал.

— Привет, деда. Что-то ты не очень выглядишь. — Улыбнулся я.

— Здравствуй, Матвей. Да и ты не очень. В гроб краше кладут. — Улыбнулся дед.

— Ну, спасибо на добром слове. Что с тобой случилось? Я могу помочь чем-то?

— Мне уже ничего, Матвей, не поможет. Уже в клинику Долгоруковых в Новосибирске был. Даже они отказались.

— Деда, ты меня пугаешь...

— Тут нечего пугаться, Матвейка, у меня констатировали Затухание Звезды.

Я оторопел. Про Затухание Звезды я уже успел почитать. Это не считалось болезнью, и данный феномен не был изучен до сих пор. Никакой системы до сих пор не было выявлено, просто в один момент Жар Звезды начинал снижаться, и ладно, если это проходило в молодом возрасте — Одаренный мог адаптироваться и жить жизнь простого смертного человека, но в преклонном возраст это было равносильно смертному приговору. Вместе с потерей Жара Источника, его Затуханием, тухла и сама жизнь Одаренного. словно Источник сам и поддерживал жизнь в теле Одаренного. И сроков никто дать не мог, как и прогнозов

по скорости Затухания. Иногда Затухание не было окончательным, и Одаренный лишь терял часть магических сил. Иногда Затухание было полным, и в таком случае Одаренный умирал вместе с потухшим Источником. У некоторых этот период занимал годы, у других — месяцы...

— Они что-нибудь сказали?

Дед лишь усмехнулся:

— Посоветовали привести дела в порядок и подготовить завещание. А, да, еще пособолезновали горю рода Волковых.

— Твари...

— Да нет, просто здоровый цинизм, без него выгоришь, если будешь убиваться по каждому неизлечимому.

— И что ты планируешь делать?

— Ну, по Судебнику Константина ты не можешь быть главой рода, пока не закончишь учебу. Про Софьюшку я вообще молчу. Так что мне нужно избрать регента для рода на то время, пока ты не закончишь учебу. Есть идеи?

Я задумался. Вопрос действительно был серьезным.

— У меня есть вопрос. — Я повернулся к деду.

— Слушаю.

— Насколько ты доверяешь Коневу?

— Как себе.

— Тогда попроси его взять регентство.

Дед откинулся на спинку стула и задумался.

— Деда, ну, это самый адекватный вариант из всех твоих знакомых, о которых я знаю. Конев для тебя близкий человек, я с ним знаком, Софья — тоже. Мы с ним ладим.

— Хорошо, я подумаю. Тут мне, кстати, старый товарищ и друг позвонил, поблагодарил за внука и пригласил меня вместе с внуком заехать в гости, хочет лично поблагодарить за спасение второго наследника.

— И что за друг? — Я вначале не понял, к чему было это сказано, а дед продолжил улыбаться. И тут до меня дошло.

— Постой, ты только что сказал, что князь Кобылин твой друг? Деда, а ты особо не распространялся о годах службы в армии...

— Так ты никогда и не спрашивал. — Улыбнулся дед, — А с Владимиром Александровичем мы знакомы уже больше сорока лет. Так что можно считать нас старыми друзьями. А чтобы нам посетить вместе поместье Кобылиных, нужно узнать, когда тебя выпишут. ДОКТОР!!!

М-да, не смотря на солидный возраст деда, командирский голос он не потерял. Рев его, мне кажется, слышало все госпитальное крыло Университета. И врач примчался тут же.

— Да, Аристарх Прохорович.

— Подскажите мне, любезный, когда вы выпишите моего внука. А то у нас тут приглашение, на которые вы должны откликнуться.

— Я думаю, что через две недели уже точно выпишем. Недельку понаблюдаем, на второй протестируем новые показатели Источника, и все, отпустим на волю, так сказать.

— Отлично. Тогда отдыхай, Матвей, я сообщу Владимиру Александровичу, что мы скоро посетим его поместье. О внешнем виде не волнуйся, я обо всем позабочусь.

— Спасибо, деда.

Дед кивнул на прощание и покинул палату.

— Отдыхайте, Матвей Александрович. Вам нужно сил набраться. Вскоре к вам вернусь. — Врач тоже оставил меня в покое.

Я откинулся на подушку и быстро провалился в сон.

* * *

РИ, пригород Санкт-Петербурга, поместье рода Кобылиных

Две недели пролетели быстро. На второй неделе меня протестировали, и спасибо деду, который накануне тестирования притащил мне кусок кварца. Темную Звезду я опустошил прямо перед тестированием. А тестирование показало занятный результат. Объем светлого Источника вырос почти до полных шести сотен — 592 УЕР. В сумме с темным Источником это давало мне почти тысячу УЕР. Контроль тоже изменился — благодаря произошедшему я прорвался на ступень Магистра. Это был действительно высокий уровень для моего возраста. Неофит — Адепт — Аколит — Мастер — Магистр — Архимаг — Архимагистр — Стихия. По логике магической науки, я стоял на пятой ступени пьедестала в параметрах развития Контроля Источника.

А это означало одно — я мог начать учиться использованию Атрибута. Начиная со ступени Магистра, при наличии Атрибута, Одаренные могли начать их осваивать. Каждый Атрибут был индивидуален. Один мог давать возможность наложить моментальное проклятие в обход большинства щитов. Другой предоставлял возможность летать, третий — искать полезные ископаемые, четвертый — оперировать любым природным пламенем... Мой же Атрибут «Длань Владыки», как сказал дед, предоставлял возможность контролировать Источники Одаренных, копировать силовые конструкторы их арканов, восстанавливать нарушения в работе Источника, купировать прорывы в Лучах... В сумме с техникой воли, которой обучил меня Конев, и возможностью видеть силовые конструкторы, это превращалось в смертельное оружие...

Но как бы мне не хотелось начать тренировки, сейчас я собирался в поместье Кобылиных. И хоть мероприятие было не совсем официальным, князю Кобылину я представлен ранее не был, а это значило одно — официальной части быть.

По этому поводу я вновь облачился в серую тройку, заменив прошлый галстук на темно-бордовый, закрепив его золотой заколкой, на лацкане пиджака появился общий дворянский герб Российской Империи. Наследник небольшого, но гордого сибирского рода.

Дед Аристарх был облачен в черную тройку с белой рубашкой и черным галстуком, на котором была такая же заколка, что и у меня, в лацкане тот же герб, что и у меня. Разница между нами была лишь в том, что на его правой руке был браслет из тонкой серебряной цепочки с одной узкой пластинкой, на которой было выгравировано «Азь». Символ главы дворянского рода, который был вручен ещё его пра — пра — пра — пра — деду...

— Прибыли. — Это было первое слово деда с того момента, как мы покинули нашу уютную квартирку.

Машина такси остановилась у въезда на территорию поместья Кобылиных. Мы вышли из машины и двинулись по пешеходной дорожке парка, дед шел спокойно и уверенно, даже не обратив внимания на сотрудника службы безопасности рода Кобылиных, который раскрыл калитку и пропускал нас с низким поклоном.

Впереди стоял четырехэтажный огромный особняк с внешней отделкой из белого мрамора. Дорого, богато и со вкусом. На крыльце нас встречали четверо хозяев. Александр, его отец и мать, и, конечно же, сам князь Кобылин, дед Александра.

Владимир Александрович и Алексей Владимирович Кобылины были двумя версиями одного и того же человека с разницей в полвека.

«С таким устойчивым генетическим наследованием можно практически со стопроцентной гарантией сказать, как через двадцать лет будет выглядеть и Сашка.» — Подумал я, перевода взгляд на мать Александра.

Да, все-таки наличие источника сказывалось не только на силе человека, но и его внешности. Мать Александра — женщина, которая в прошлом году отметила четвертый юбилей, родила пятерых детей, выглядела в лучшем случае лет на двадцать семь. Высока, черноброва, черноока, свободные черные волосы спускались до пояса за спиной, а фигура песочных часов явно проглядывалась сквозь легкое платье, но при этом это не выглядело вульгарно, а взгляд принадлежал как минимум королеве. Сестер Александра не было видно. Видимо, их на эту встречу не пригласили.

— Аристарх Прохорович! Старый ты плут! — Владимир Александрович Кобылин явно был рад встрече с дедом.

— Не старше тебя, Володя, уж точно не старше. — Улыбнулся дед, поднявшись по ступеням к семейству Кобылиных.

Два старика крепко обнялись. Как и полагались по этикету, я стоял позади деда, а семья Кобылиных стояла за спиной главы рода.

— Позволь представить тебе моего внука, Матвей Александрович Волков, студент, будущий Доктор.

— Добрый день, Владимир Александрович, рад знакомству с вами. — Я низко поклонился, после чего протянул руку князю.

— Добрый день, молодой человек, рад знакомству с вами, я давно знаком с вашим дедом, и мне выпала честь быть знакомым с вашим отцом. Искренне верю, что вы унаследовали их характер. — Улыбнулся князь, отвечая на рукопожатие.

— Мой дед для меня — лучший пример того, как должен вести себя дворянин Российской Империи, Ваше Сиятельство.

— Прекрасное выражение, надеюсь, и мои потомки могут сказать также, когда к ним обратятся с подобным вопросом. Господа Волковы, позвольте представить вам мои родных, сына — Алексея Владимировича, его любимую супругу — Евгению Борисовну, и их сына моего внука — Александра Алексеевича.

И тут у меня случился диссонанс — Алексей Владимирович поклонился деду! Наследник княжеского рода поклонился помещику, что означало только одно — он признавал его старшинство! Да кто такой мой дед?! Мне становится всё более интересно...

— Рад вновь встрече с вами, Аристарх Прохорович. Давненько вы не выбирались в Петербург. — Улыбнулся деду Алексей Владимирович, и мужчины пожали друг другу руки.

— Да дел здесь особо не было, Алексей, а тут и повод вроде бы как появился столицу посетить. — Улыбнулся дед.

— Рада вновь встретиться с вами, Аристарх Прохорович. — Поклонилась Евгения Борисовна вслед за супругом.

— Взаимно, Евгения Борисовна. Вы расцвели. Последний раз я видел вас лет двадцать назад. Надеюсь, мы не закопали свой талант в семейном быту? — Улыбнулся дед.

— Не волнуйтесь, Аристарх Прохорович, пусть я и ушла со службы, но долг жены — помогать мужу по мере сил. И мой талант всегда готов оказать помощь Алексею.

— И сколько языков вы освоили сейчас? — Поинтересовался дед.

— Около сорока, Аристарх Прохорович.

Я мысленно присвистнул. Вот реальный полиглот! Помнится мне, в моей прошлой жизни был такой научный деятель Дмитрий Юрьевич Петров, который изучал за свою жизнь более ста языков в различной степени, мог читать на пятидесяти языка и свободно работать на восьми языках, не считая русского. А тут около сорока!

— Рад знакомству с вами, Аристарх Прохорович. — Саша вслед за родителями склонился в поклоне, и ответил на рукопожатие деда.

— Взаимно, Александр Алексеевич. Также рад тому, что с Матвеем у вас сложились дружеские отношения.

— Ну, раз все познакомились — прошу в дом. Время отдать должное нашему повару, который обещал просто волшебную трапезу в честь твоего приезда, Аристарх Прохорович. — Улыбнулся Владимир Александрович.

— Алексашка до сих пор на тебя работает? — Обратился к князю дед.

— А куда он денется? — Хохотнул князь.

— Действительно, он у тебя, как у Христа за пазухой... — Ответил с улыбкой дед.

Главы родов вошли в дом первыми, следом за ними вошли родители Сашки, и последними замкнули процессию я и Александр.

Пока мы шли в столовую — гостиную, он шутливо ткнул меня локтем в бок и одними губами прошептал:

— Спасибо, друг!

Я молча кивнул и улыбнулся. Да, друзей не бросают в беде. А Саша мой единственный друг. И это стоит ценить...

Мы прошли по просторному холлу, прошли парой коридоров и вышли в гостиную, которая окнами в два человеческих выходила на внутренний сад, который сейчас, в ноябре был усыпан различными цветами, которые просто не могли сосуществовать в одной фауне.

— Евгения Борисовна, а ваше хобби лишь растет! — Улыбнулся дед, подходя к огромному окну и вглядываясь в разнообразные клумбы. — Да и сила геоманта, как и Контроль Источника явно на более высоком уровне, чем был в последние годы моей службы, я отсюда чувствую, как минимум восемь разных центров силы, замкнутых на различные печати контроля.

Дед был не совсем прав — силовых печатей было не восемь, а тринадцать — по числу клумб во внутреннем саду, и каждая печать силового каркаса несла свою магию на конкретную клумбу.

— Тринадцать печатей, Аристарх Прохорович, по числу клумб. У каждой — замкнутый контур силовой линии, а энергетика подпитки выведена на светильники поместья, которые аккумулируют природную энергию и перенаправляют в накопители, которые выполнены в виде оградок каждой клумбы, я сейчас лишь слежу за целостностью структуры и иногда подправляю рисунок печати аркана на ограде. Я придумала себе такое хобби, чтобы продолжать заниматься развитием своего Дара, даже не смотря на уход со службы, и знаете, это дало очень хорошие плоды. Сейчас я уже могу спокойно пройти Испытание на звание Магистра — Улыбнулась мать Саши, подходя к деду.

— Весьма похвально. Вы весьма талантливы, Евгения Борисовна. Прошу Вас к столу. — Дед развернулся и подал руку, за которую Евгения Борисовна с удовольствием взялась.

Я же пихнул Сашку в бок и шепнул:

— У тебя какой Ранг сейчас?

— Аколит, через пару лет буду сдавать на Мастера, как сказал отец.

— А у отца?

— Твердый Магистр, но до Архимага ему ой как далеко.

Тут я впал в ступор. Я так привык всех вокруг считать сильными Одаренными, потому что вокруг меня постоянно были сильные Одаренные — тот же Конев или дед. И у меня сложилось стереотипное мышление, что все вокруг такие же сильные. А вот тут передо мной род княжеский, древний и сильный, с устоявшейся цепочкой Наследия, обладающие Божественным Покровительством, а в итоге, дед — скорее всего Архимаг с темным Источником, судя по всполохам ауры, отец и мать — Магистры с разницей в полступени с темным и светлым Источниками соответственно, сын — Аколит с потенциалом Магистра темного Источника, судя по ауре. А мне ведь и двадцати нет, а я уже на ступени Магистра. Хотя, если подумать, мой душевный возраст явно старше даже отца Александра — возможно, это тоже несет свой отпечаток на развитии Контроля? Ведь, по сути своей, что есть Контроль Одаренного? Контроль — это способность Одаренного использовать определенное количество энергии с минимально возможными потерями в процессе трансформации в иную форму. Если Архимагу достаточно щелкнуть пальцами, и бокал наполнится чистой водой, то Неофит не будет способен даже наполнить его — просто разобьет стекло общей водной массой, которую на него опрокинет... Да, Магистров было не особо много, но их было достаточно в Империи, Архимагов — ещё меньше, про Одаренных Ранга Стихия я вообще молчу — меньше десяти, двое из которых были представителями императорского рода.

Мы расселись за столом. Деды стали болтать о своем житье — бытье, поколение родителей слушало старшее поколение, иногда поддерживая беседу редкими фразами, а мы с Сашкой оказались предоставлены сами себе.

— Пойдем, прогуляемся по поместью? — Предложил младший Кобылин.

— Пошли. — Согласился я.

— Отец, — Саша привстал на своем месте, — Мы с Матвеем прогуляемся по поместью, если вы не будете против? Обещаю, к первому блюду, мы вернемся.

— Хорошо, — кивнул Алексей Владимирович и вернулся к разговору дедов.

А мы вышли из-за стола и двинулись вглубь поместья Кобылиных.

— Пойдем в Оружейный Зал. Там много интересного добра есть. — Улыбнулся Сашка и припустил как мальчишка. Пришлось ускориться вслед за ним.

Мы пролетели пару-тройку коридоров и залов и вышли к двум высоким дверям.

Саша обернулся, подмигнул и распахнул двери.

— Да, Василий Иванович здесь бы и умер от счастья, прямо в дверях. — Усмехнулся я.

— Кто такой Василий Иванович? — Спросил Саша, заходя в зал.

— Мой наставник. Он обучал меня основам владения Дара и владению оружием. — Ответил я, проходя вслед за ним.

А посмотреть тут было на что. Клинки, сабли, мечи, несколько катан, бастарды и двуручные длинные клинки, шпаги и рапиры, топоры, палицы, кистени, копья и секиры, даже протазан, глефа и боевой хлыст имелись в различных стеклянных шкафах и стеллажах. И каждый клинок или древко отдавал мелкой дрожью в кончиках пальцев даже с такого расстояния — всё оружие, собранное здесь, являлось артефактным.

— Все это оружие либо добыто на войне, либо взято как трофеи из личных поединков и

дуэлей представителями рода Кобылиных.

Я шел мимо стеллажей и рассматривал все экспонаты этого домашнего музея. И в середине я встал как вкопанный перед застекленным столиком.

В нем, под стеклом с напылением мифрила лежала пара широких изогнутых кинжалов восточной работы. Два молочно белых лезвия были сделаны явно не из металла и являлись цельной конструкцией к рукояткам, которые были обвиты простой темно-коричневой кожей, навершие обоих кинжалов было выполнено в форме клыков диких зверей.

— Саша, а это что за клинки? — Я указал другу на пару кинжалов.

— О, это очень старые клинки. Дед говорил, что они изготовлены ещё во времена Гипербореи, до Гнева Господня. Они вырезаны из бивней последнего мамонта, который жил на этом свете. Первоначально их использовали языческие жрецы, но потом их забрали бояре из старого сословья. Вначале они просто пылились как трофеи, но после Дня Господня их смогли зачаровать, так как через них прошло просто безумное количество некротической энергии. Они принадлежали кому-то из бояр, но мой прадед получил их как компенсацию после победы в поединке за жизнь боярина. Никому из нас с ними не совладать, так как для овладения ими нужно быть либо рыкарем, либо Одаренным с Контролем Источника на уровне Стихии, причем сразу по двум лучам Звезды — Смерти и Тьмы. Если уровень Контроля Дара ниже Стихии, то к ним даже прикоснуться нельзя — моментально убьют новоявленного владельца. Поэтому наша семья их хранит просто как трофей.

— М-да, жуткая вещь.

— И не говори, от этих клинков несколько наших родичей погибли.

— Жуть, а что с боярами, которые ими владели?

— Их род давно угас вроде бы. Еще до нашего с тобой рождения вроде бы...

— Видимо, это было не единственное их сокровище...

БА-БАХ! БА-БАХ! БА-БАХ!!!

Три оглушительных взрыва встряхнули поместье Кобылиных. Было ощущение, что стреляют с танка. Дом содрогнулся, и мы упали на пол.

— Что за черт?! — Взревел Саша, явно ничего не понимая.

А мое тело моментально переключилось в режим «война». Жар луча Жизни разлился по телу, увеличивая мои физические показатели раза в три и выводя его на предел физических возможностей. Болевые рецепторы оказались заблокированы, и ближайшие пару часов, благодаря магической анестезии, я мог не бояться почувствовать боль или слабость в самый неподходящий момент схватки, если она вдруг затянется.

— Нужно двигаться к старшим родичам! Немедленно! — Прокричал я, и мы бегом помчались к лестнице.

Уже спускаясь в главный зал — гостиную мы увидели двух человек в балаклавах и черном камуфляже без опознавательных знаков различия на форме. Черные шлема с поднятыми забралами, черные бронежилеты тяжелого штурмового типа, штурмовые винтовки немецкого образца, под сумки на груди с магазинами и гранатами. Ребята явно пришли не с благородным визитом к князю Кобылину.

— Я — третий, неизвестные, подростки, беру живыми. — Раздался голос одного из неизвестных, и оба вскинули винтовки в нашу сторону. — Поднять руки и медленно подойти ко мне!

Мы медленно пошли на встречу этим двоим.

— Не смотри мне в глаза. — Шепнул одними губами Саша, и я кивнул.

Тот, что назвался третьим приблизился ко мне, а его напарник к Саше.

— Кто такие? — Винтовка противника смотрела мне в лицо.

— Слуги рода Кобылиных, а вы кто? Почему вторглись в поместье князя?! Вас за это на виселицу отправят!

— Заткнись, парень! — Ствол винтовки уперся мне в лоб.

— Эй! Открой глаза! — Рыкнул второй на Сашу.

Саша открыл глаза. Вот только напарник явно не был этому рад.

— Посмотри мне в глаза! — Прошептал тихим змеиным шепотом Александр, и я услышал хрип и падение тела.

— Маг! — Крикнул «третий» и вскинул винтовку в сторону Саши, а я увидел открытый подсумок с гранатой, у которой уже были заботливо отжаты усики на кольцо.

Я схватил противника на предплечье. Простейший конструктор паралича вспыхнул на тыльной стороне моей ладони, и противник застыл на несколько секунд. Вторая рука рванула чеку на себя, моментально отпуская, и открытая ладонь пропустила жар источника по лучу Воздуха по каналам руки, перед которой всплыл силовой каркас простого Воздушного Тарана. Да, воздух не давал особо крепкой защиты, но для нападения он подходил довольно хорошо. Уже тело противника оторвалось от пола и полете в распахнутые двери поместья, как мое сознание отметило звук сработавшего рычага. Блеснул металл в искусственном свете люстры, за порогом показались еще две головы в черных шлемах, бегущие навстречу своим подельникам, а я лишь повалился на пол и крикнул:

— ЛОЖИСЬ!

Для нас с Сашей все сложилось более чем удачно. Младший Кобылин успел упасть на пол, а «третий» вылетел за двери, сшибая своих товарищей, и граната в его подсумке сработала, разрывая его и калеча товарищей на лестнице. Но на этом действие не закончилось.

После взрыва зазвучали быстрые тяжелые металлические шаги, и меньше, чем за минуту в дверях стояла огромная металлическая машина человеческого силуэта под два с половиной метра ростом. Лицом ему служило забрало выполненное в виде мужской улыбающейся маски с лихими завитыми усами. К левой руке у него был примонтирован пулемет с лентой, уходящей за спину, а во второй исполин держал короткий топорик. Ну, как короткий. Для него он был коротким, а нам с Сашей хватило бы по одному удару, чтобы нас расчленили пополам в поясице.

— Вот, бл***! — Выругался я и рыбкой нырнул за огромную мраморную лестницу, ведущую на второй этаж поместья вслед за Сашей.

Пулемет начал свою безумную работу, опустошая запас патронов.

— Что это хренотень?! — Крикнул я Сашей.

— Это малый пехотный доспех витязя! Модель «Ратиборец»! Уже устаревшая, но вполне рабочая! Ты, что никогда витязей не видел!? — Прокричал удивленно он.

— Нет! Они по Новосибирску не разгуливают! — Ответил я ошарашено.

Неприятный сюрприз. Я о таком вооружении даже от Конева не слышал. Поэтому сделал себе зарубку в памяти разобраться в этом вопросе.

— У него слабости есть?

— Огнем его жечь надо по хорошему! Чтобы щиты перегрузить и отключить! Хотя, если он без генератора щита, то можно через глазницу пробить череп пилота выстрелом! У этой модели глаза открытые еще были, как в обычных доспехах!

— Огня у нас нет! И ружья тоже! — Крикнул я.

А витязь начал медленно приближаться к нашему укрытию, продолжая стрелять.

Что же делать?! Что же делать?! Что же делать?!!!

— Придумал! Не высовывайся! — Крикнул я и сложил руки вместе.

Вода с воздухом становилась льдом, но для совмещения двух стихий и придания их гибриду возможности экстремально быстрого роста мне нужно было сосредоточиться. Первая печать... Вторая печать... Третья печать... Четвертая печать... Пятая печать... Шестая печать... Седьмая печать... Восьмая печать...

Пулемет перестал изрыгать пули и защелкал в холостую, сообщая, что запасов больше нет. Витязь прыгнул, моментально оказался перед нами, заноса свой топор. А я поймал взглядом глазницу на шлеме с вполне обычным человеческим глазом внутри и просто немного развел ладони в стороны. От центра между ними моментально вспыхнул и вытянулся сперва тонкий синий луч, и моментально выросшая, словно бы выстрелившая сосулька пробила глазницу, вошла в мозг пилота и полноценно проморозила его. Доспех задергался, и начал заваливаться на нас.

— В сторону! — Рыкнул Саша, и мы прыгнули в разные стороны от малого пехотного доспеха.

Витязь свалился на разбитую лестницу. В доме наступила тишина.

— В столовую! БЫСТРО! БЫСТРО! БЫСТРО! — Скомандовал я, пока не появились новые противники, и мы оба сорвались в бег по коридорам поместья.

Мы пролетели по коридорам и застыли у входа в столовую, где остались дед и старшие Кобылины.

На входе лежало пять тел в черной форме. Одно тело было разрублено воздушным лезвием, еще два разворотило каменной крошкой, словно по ним выстрелили из дробовика. А еще двое представляли из себя более неприятную картину. Их тела словно потеряли все жизненные соки — кожа посерела и сморщилась, истончилась так, что стали видны острые скулы и углы подбородка. Глаза потеряли зрачок и радужку, а белки приняли мутный желтый оттенок. Еще один малый пехотный доспех витязя «Ратиборец» стоял на коленях прямо посреди входа в столовую, перекрывая обзор, признаков жизни он не подавал.

— Это ваш родовой Атрибут? — Спросил я Сашу, формируя в руках печать аркана лечебной диагностики и отправляя его в витязя. Как я и думал, пилот был мертв.

— Да. Атрибут «Дурной глаз», основанный на Стихии Смерти. Великий Предок Виѳ наградил им первого из Кобылиных, еще до княжества, с тех пор все Кобылины по крови, обладают подобным Атрибутом. Погибшие от него, как нам говорили в детстве, не достаиваются посмертия. Их души идут на службу к Великому Предку.

— М — да, не хочу с тобой никогда ссориться. — Усмехнулся я. — В рабство, тем более божественное, мне попадать как-то не хочется.

— Это будет моим последним аргументом в наших спорах в будущем. — Нервно усмехнулся Саша.

Мы медленно вошли в столовую. Тут картина была не лучше. Почти десяток тел были изрублены, переломаны и раскиданы по всем сторонам зала, оставив кровавые разводы на полу и стенах, два доспеха стояли без движения — одного снизу вверх просто пробил мраморное копьё, которое выросло из пола, а второй явно попал под действие Атрибута кого-то из Кобылиных.

— Матвей! Саша! — Из-за поваленного стола выглянула Евгения Борисовна.

— Мама! — Саша поспешил к матери. Я же просто прыгнул вслед за ним.

Тут картина была не очень приятная. Если мать Саши оказалась цела и невредима, то с мужчинами дела шли хуже. Особенно с двумя. Алексей Владимирович поймал две пули, одна вошла в плечо, что было не страшно, а вот вторая явно пробила легкое, судя по кровавым пузырькам. Деду и Владимиру Александровичу по паре пуль крупного калибра зашли в животы, порвали кишечник и застряли в спине. И хоть все Одаренные гораздо выносливее обычных людей, резерв каждого старика серьезно опустился вниз из-за отражения нападения, плюсом шла потеря крови.

Я скинул пиджак и начал закатывать рукава рубашки. Сил без последствий их исцелить у меня в принципе было вполне достаточно, да вот только обучения пока не хватало. Но я мог их придержать в этом мире до прихода квалифицированной помощи уже сейчас. А это дорогого стоило.

— Евгения Борисовна, я смогу удержать их час, может быть, полтора, на большее меня не хватит с тремя пациентами. Знаний на большее пока не хватает. Нам срочно нужна помощь.

— Она уже в пути, Матвей, Владимир Александрович сразу же активировал тревожный маяк, как только началось нападение.

— Отлично, а теперь прошу мне не мешать.

Мои руки заплясали по воздуху. Силовые печати арканов сменяли друг друга. Все-таки Коневу нужно в ноги поклониться за то, что смог так быстро развить мой Контроль до такого уровня и заставил меня освоить «узловую» технику. Первым была анестезия на всех троих, затем — общее укрепление, следом — общее поддерживающее воздействие, четвертый аркан — связь с целителем, пятый — перелив праны или, как её еще называли, жизненной силы. И хоть мне это потом аукнется — головной болью и слабостью, сейчас все мое существо кричало об одном — их нужно спасти. Старые привычки перешли вместе с душой в новое тело — отметил я краем сознания, все глубже уходя в установленную связь с тремя пациентами.

В какой-то момент я потерял счет времени. Главным стало поддержание арканов, которые я наложил на троицу. Все трое уже открыли глаза и смотрели только на меня, не произнося ни слова, Евгения Борисовна и Саша тоже молчали, лишь бы не сбить мок концентрацию.

— ВСЕМ СТОЯТЬ НА МЕСТЕ!!! РАБОТАЕТ ИСБ! — Крик из-за спины чуть не сб всю концентрацию. По мрамору застучали шаги тяжелых ботинок. В затылок уперся ствол, но я смог удержать концентрацию и не разорвать связь с пациентами.

— А ну-ка отошел от него, иначе я тебя сама зарублю, ублюдок! — Голос Евгении Борисовны был похож на рык дикого барса.

За моей спиной послышались шаги, и ствол перестал упираться мне в затылок.

— Прошу прощения, княжина. — Буркнули за моей спиной, и боец сделал три шага назад.

— Нам нужен врач или целитель. У нас трое пострадавших. — Уже более сдержанно сказала мать Саши.

— Вертолет готов доставить всех пострадавших в «Зимний Госпиталь». С нами три медика, они помогут. — Снова раздался голос за спиной.

Трое подошли ближе. Рядом со мной присел боец спецназа Императорской Службы Безопасности. Я увидел карие глаза и с трудом разлепил губы:

— Алексей Владимирович Кобылин. Два огнестрельных ранения — одно в плечо, второе в левое легкое, анестезия, общее укрепление, общее поддерживающее, связь с целителем. Аристарх Прохорович Волков и Владимир Александрович Кобылин — ранения однотипные — огнестрельное в области живота, повреждены желудок и кишечник, анестезия, общее укрепление, общее поддерживающее, связь с целителем. Ставьте капельницы, и я разорву связь последнего аркана.

Боец молча кивнул и подошел к отцу Саши. Двое других отправились к деду и князю Кобылину. Быстро и четко вставили капельницы, вкололи какие-то препараты и уложили на эвакуационные носилки. Силы у меня еще были. Я поднялся с места:

— Идем до вертолета, если мне помогут, я смогу подержать их до вылета.

Еще двое бойцов подхватили меня под руки и повели вблизи от моих пациентов. Нас взяли в «коробочку» походного охранения и вывели наружу. Выйдя из дома, мы споро добрались до полянки сбоку от поместья, где стоял серый вертолет с маркировкой «ИСБ-032».

Вертолет начал подниматься, едва мы все загрузились внутрь. Уже на высоте, когда вертолет мчался в Петербург, я понял, что больше не могу держать аркан.

— Все, больше сил у меня нет. — Я выдохнул, разрывая связь со своими подопечными, — Я спать, разбудить не забудьте.

Я лег прямо на пол вертолета, заворачиваясь в непонятно откуда взявшуюся плащ — палатку. Меня начинала бить крупная дрожь от потери магических и жизненных сил, и я провалился в тревожный сон...

* * *

— Матвей! Матвей, проснись! — Меня кто-то нервно дергал за плечо.

— Да, уже встаю. — Сонно пробормотал я, перевернувшись на другой бок, в надежде урвать хотя бы пять минут дополнительно.

— Матвей! — Взревел дед, и меня окатило ушатом ледяной воды.

Сон как рукой сняла, я вскочил по стойке смирно и замер. Рядом со мной замер дед. Перед нами стоял Великий князь Сибирский, младший брат императора Всероссийского, генерал — губернатор Новосибирска Михаил Васильевич Рюриков.

Великий князь спокойно стоял напротив нас, в глазах его плясали черти, а руки он держал за спиной. Белоснежный мундир резко выделял черную, как смоль бороду Великого князя, а золотисто — карие глаза смотрели с легкой усмешкой. Габаритами он больше всего напоминал взрослого медведя, вставшего на задние лапы.

— Еще не закончилось первое учебное полугодие, молодой человек, а я уже второй раз с вами встречаюсь. Интересный факт, не находите? — Усмешка плясала и в голосе Великого князя.

— Добрый вечер, Ваше Высочество! Прошу меня простить, если разочаровал Вас своим поведением, но смею заверить Вас, что в том нет моей вины, в сложившихся обстоятельствах я действовал как подобает дворянину Российской Империи!

На несколько секунд возникла гробовая тишина. А затем Великий князь рассмеялся словно медведь.

— Да, Аристарх Прохорович, воспитал ты его на совесть. Хвалю!

— Благодарю, Михаил Васильевич. — Дед с достоинством поклонился.

А я вновь немного оторопел, мой дед лично уже был знаком с Великим князем, раз так к нему может обращаться. А чего я еще о нем не знаю?

Мой задумчивый взгляд застыл на деде.

— Видимо, у твоего внука много вопросов, Аристарх. Не будем же терзать юное поколение сомнениями, я вновь благодарю род Волковых за спасение старшей семьи рода Кобылиных. Служба Безопасности дворца доставит вас домой. Прошу вас не распространяться о произошедших событиях.

— Благодарю, Великий князь, я понимаю. — Поклонился дед, и я последовал его примеру.

Великий князь вновь окинул меня взглядом, весело хмыкнул, развернулся и отправился в глубины дворца. На границе доступного слуха я смог услышать: «Интересно, и как это будет...»

— Прошу следовать за мной, господа. — Перед нами словно из-под земли возник мужчина с абсолютно незапоминающимся лицом в классическом черном костюме с белой рубашкой и черным галстуком — селедкой.

Мы с дедом молча отправились за дворцовым. Нас провели по абсолютно пустым коридорам и вывели в подземный паркинг.

Такой же неприметный внедорожник с неприметным водителем на обычных номерах отвез нас домой на улицу Декабристов. До дома я хранил молчание, переваривая полученную информацию.

Что мы, в итоге, имеем? Дед лично знаком с князем Кобылиным, лично знаком с Великим князем, младшим братом императора, общается с наследником Кобылиных словно с бывшим подчиненным и старым знакомым, с которым у него довольно хорошие отношения. С Кобылиным — старшим он знаком уже очень давно, раз уточнял за повара семьи, которого тоже явно знает лично. Судя по форме общения, они не просто знакомы, их можно назвать старыми друзьями, возможно, со времен службы. Но Кобылины никогда не служили в армии, они большей частью рода несли государеву службу как рыцари «плаща и кинжала»...

Когда мы поднялись в квартиру и заперли за собой дверь, я решил начать разговор:

— Деда, я что-то забыл, а где ты в каком подразделении армии ты конкретно служил?

Дед хитро посмотрел на меня, улыбнулся и ответил:

— А я никогда и не говорил, где именно я служил, а что такое?

— Ну, это один шанс на миллион, что простой русский дворянин, пусть и старший офицер будет общаться с князем на «ты», а к великому князю обращается по имени — отчеству. Вот и встает вопрос — кем ты был в армии?

Дед устало упал на стул за столом в гостиной. Вдохнул, поднялся, подошел к бару, достал из него бутылку дагестанского коньяка, молча налил рюмку, выпил, убрал бутылку и вернулся за стол.

— Я никогда не служил в армии, Матвей. Свою службу я начал в Петербургской Императорской Академии Тайного Приказа, которую сейчас именуют Академией Императорской Службы Безопасности. В восемнадцать лет я поступил в нее, в двадцать два выпустился в звании поручика, по выпуску был отправлен в школу контрразведки. С князем Кобылиным мы учились вместе сначала в Академии на одном курсе, а потом и в спецшколе водной группе, там уже окончательно и сдружились, а потом почти двадцать лет вместе ловили шпионов, воров и предателей, уволился я по ранению в чине полковника, а Володя продолжил службу уже как начальник управления по Кавказу, а затем дослужился и до главы ИСБ, когда Тайный Приказ разделили на Дворцовую Стражу и Императорскую Службу

Безопасности, он и возглавил последнюю. А на службе мы довольно быстро отличились в разоблачении, поимке и устранении объектов, которые вели. У нас не было ни одного проваленного дела. Даже мое последнее дело, на котором я получил обширное ранение грудной клетки, мы смогли успешно закончить и уйти. Я и твоего отца хотел поначалу в ИСБ пристроить, да и Володя был непротив. Они, к тому же, с Алексеем очень дружны были в детстве, мы с Володей мечтали о преемственности поколений... А потом твой отец просто заболел небом. Винтокрылы и небо — это всё, о чем он мечтал. И я решил не препятствовать. Он ведь просто светился каждый раз, когда с училища домой приезжал. Все рассказывал, как их учат, какие фигуры осваивают... А потом сам знаешь, что произошло...

Я лишь кивнул.

— Как твои дела с Долгоруковыми? — Дед решил перевести разговор на другую тему, и я решил ему подыграть. Все равно, я не знал, что сейчас спрашивать еще, а полученную информацию нужно было ещё переварить.

— Пока не встречался и всячески избегаю их представителей. У нас на курсе есть пара ребят из вассальных семей рода, но они в других группах, и мы встречаемся лишь на общих лекциях, чтобы они могли обратить на меня внимание. Так что пока все успешно. Лишний раз контактов не было.

— Это хорошо. Лишний раз с ними лучше не встречаться. У меня правда, теперь голова начинает болеть о другом.

— Нападение. — Кивнул я.

— Именно. Нападение на главу ИСБ всей Империи. Спланированное и хорошо организованное. Просто так даже старые доспехи витязей не взять из ниоткуда. Эта группа шла для одной конкретной цели — ликвидировать всю старшую семью Кобылиных. И я уверен полностью — организатор покушения уже в курсе о том, что попытка провалилась. Что из этого следует?

— В ближайшее время, если виновник уже не начал, организатор подчистит все следы, которые могут связывать с ним лично, затаится и начнет готовить новую попытку, если не дурак. Если совсем дурак, то может попытаться убрать князя Кобылина прямо в Зимнем Госпитале.

— Да, вероятность обоих вариантов развития событий есть, но я больше склоняюсь к первому сценарию. И ты забыл об одном факте.

— Каком же? — Удивился я.

— Месть тем, кто помог Кобылиным отбиться. — Дед указал пальцем вначале на себя, а потом на меня.

— Ну, с тобой понятно, а со мной — сомнительно. Кто я? Всего лишь студент — первокурсник, даже как Лекарь лишь недоучка. Кто мне станет мстить?

— Во — первых, через тебя можно мстить мне, во — вторых, просто не имея возможности отомстить мне лично, могут выйти на тебя, в — третьих, как говорится «Что знают двое — знает и свинья». Кому нужно — узнают, что мы были в поместье на момент покушения, и, если поступят по-умному — постараются проверить твои силы, вначале косвенно, достав документы из Университета, а затем уже напрямую, к примеру, устроят нападение под видом ограбления. Так что будет настороже. Забирать тебя из Петербурга не вижу смысла, такие достать и в Новосибирске смогут. А тут хотя бы те же Кобылины довольно рядом. Они никого из Волковых в беде не оставят, запомни это. В случае чего, беги в их поместье. Володя тебя никому не выдаст, скорее своим Дурным Глазом всех перебьет.

— Я понял, деда.

— Тогда на сегодня все, давай спать ложиться, день сегодня был насыщенный, а я человек старый уже, мне отдых по расписанию требуется. Доброй ночи. Матвей. — Дед поднялся со своего места и отправился в спальню.

— Доброй ночи, деда. — Попрощался я и пошел к себе.

Глава 6. Пациенты, деньги, два ствола

— И так, дамы и господа, давайте продолжим, связь тела физического и духовного уже давно доказана, но до конца так и не изучена. Благословление Богов способно исцелить как тела, так и души, в то же время, если есть Боги, есть и их главные антагонисты — демоны. И хоть их проявленного появления в нашем мире официально зарегистрировано не было, некоторые косвенные признаки в нашем мире присутствуют. Кто сможет сказать — какие?

Мы сидели в большой лекционной аудитории, которая представляла из себя огромный амфитеатр, и слушали лекции по философии и концепции современного естествознания. Оба предмета вел у нас один преподаватель — Парфенов Павел Петрович, крепкий старичок лет за шестьдесят без какого-либо намека на Дар. И рассказывал он достаточно интересно, по крайней мере, для меня, хотя многие вокруг откровенно спали, явно не услышав ничего нового...

— Стихийные проклятия которые, возникли после Дня Гнева Господня. — Сказала одна из девушек из второй врачебной группы, с которыми мы ходили на все лекции, так как кафедра врачей просто физически не могла заполнить такие большие аудитории.

— Верно, мадам, абсолютно верно, — Павел Петрович, кивая студентке, — Стихийные проклятия, которые проявились вместе с первым Божьим приходом в наш мир. От этих проклятий так и не смогли избавиться. Все известные проклятые места в настоящее время находятся под охраной государственных служб стран, на территории которых их обнаружили, а проклятые вещи опечатаны и находятся в специальных хранилищах. Кто может назвать мне самые известные проклятые места в Российской Империи?

— Елою Черкечех, или, как еще ее называют, якутская Долина Смерти на правом берегу реки Виллой, Саамский Лабиринт на севере Карелии, Пьяный лес или Танцующий лес на Куршской косе недалеко от Калининграда, озеро Лабынкар в Якутии, остров Чамп в Архангельской губернии, Чертово Кладбище в сибирской тайге, бухта Бечевинская на Камчатке. — Вновь ответила та же девушка.

— Прекрасно, а чем известны Елою Черкечех и озеро Лабынкар, мадам?

— Все, кто посещал якутскую Долину Смерти, умерли в течении года после отъезда оттуда, никто не перешагнул отметку в триста шестьдесят пять дней, при этом отмечается что первыми погибают Светлые Одаренные, потом простые смертные, дольше всего могут держаться Одаренные с Темным Источником. Озеро Лабынкар прославилось тем, что по неподтвержденным данным в нем живет демоническая тварь, которая пожирает людей. Пропажи людей происходили на берегах озера достаточно регулярно, но исследования так ничего и не дали, тварь найти не смогли, рыбаки продолжали идти к озеру, так как улов всегда был хорош. В итоге, озеро пришлось закрыть, когда там пропал маленький ребенок.

— А что сможете сказать о бухте Бечевинской на Камчатке?

— Самое экономически невыгодное место для расположения наших морских частей. После возведения на территории бухты военно — морской базы Императорского флота, туда на постоянное место дислоцирования отправили третью морскую флотилию, корабли которой проржавели за два месяца, потом ситуация повторилась с седьмой морской флотилией, затем с одиннадцатой. Хотя на людей никакого негативного влияния вода не оказывала.

— Верно, и это доказывает гипотезу о том, что стихийные проклятия могут оказывать

воздействие не только на живые организмы и души, но и на определенные группы материалов. Что наводит нас на мысль о том, что в магии проклятий возможно применение различных стихий, а наши знания о Темных и Светлых Стихиях является весьма ограниченным.

— Профессор, по вашим словам у меня складывается впечатление, что будь возможен приход демонов, если они действительно существуют, в наш мир также, как в него приходят боги, вы были бы этому только рады.

— Это не совсем так, барышня. Я точно могу сказать, что я не буду рад подобному событию, ведь не зря наши предки описывали демонов как алчущих, сильных, хитрых и умных созданий, которых, по сути своей, интересовали три вещи: кровь, плоть и души. А это не может не сказаться на нашей численности и мирном существовании. Это приведет лишь к новым конфликтам, потерям среди человеческой расы и развитию Искусства лишь в его разрушительной сфере, а я искренне верю в то, что боги одарили нас столь удивительными силами, в первую очередь, ради Созидания. И ваши таланты тому подтверждение. Ведь истинный Лекарь, развивший свой талант, если по милости богов одарен Светом и Жизнью, как, к примеру, некоторые из боярского рода Долгоруковых, способен исцелять и тела, и души, жаль, что так мало Одаренных посвящают свои таланты Созиданию, большая часть молодежи искренне желает сиюминутных почета и славы, уважения и признания...

Лекция продолжалась еще около часа, а я ушел с головой в свои мысли, механически конспектируя слова лектора. Дед уже месяц назад уехал обратно в Новосибирск, а я уже понял, что мне нужно вспомнить и последовать совету Василия Ивановича, который он дал мне перед отъездом, а именно — освоить огнестрельное оружие. Покушение на главную ветвь Кобылиных было тому доказательством. Кроме своего Дара я противопоставить противникам ничего тогда не мог. А запас сил не бесконечен, нужно было и альтернативное оружие. С клинками на доспехи витязей особо не пойдешь, да и новые модели уже значительно более совершенны, чем те малые пехотные доспехи, с которыми я столкнулся в доме Саши. А вот навык всадить разрывную пулю в голову доспеха может оказаться очень полезным. Вопрос встал лишь в одном — в деньгах. Занятия по огневой подготовке стоили существенно, примерно столько же, сколько дед выделял мне на месячное содержание. Но решение у этой проблемы было, и довольно изящное на мой взгляд. Многие наши студенты, кто не относился к благородным и богатым родам подрабатывали в больницах. Даже не обладая полнотой медицинских навыков, если твой уровень Контроля был на ступени Аколита, то Лекарь или целитель мог спокойно выступать в роли «батарейки» жизненной энергии, подпитывая тяжелых больных, раненных и помогая в сложных операциях. И за это неплохо платили. Просто дети благородных родов не считали подобный заработок достойным своих персон. Я же, как дитя коммунизма, считал, что любой труд важен и почетен. А если за него еще готовы платить, вообще не имел никаких предубеждений о дворянской чести. Да и разве недостойно дворянина развивать свой Дар, оттачивать свои навыки и помогать своему народу?... По этому сегодня после занятий я планировал встретиться с начальником хирургического отделения Городской больницы Святого Георгия.

Это была одна из самых забитых больниц в городе, так как туда свозили всех бедняков с правого берега Невы, да и народ среднего достатка достаточно часто заглядывал. Большое хирургическое отделение имело огромный опыт и постоянную практику, но был у него и минус — там было слишком мало Одаренных, да и те, что были, в основном имели светлый

Источник в пределах 150–200 УЕР. Нет, это вполне нормальный уровень резерва для любого Целителя, если он смог развить Контроль выше среднего, но там таких не было. Молодежь набивала руку и уходила в частную практику или другие больницы и госпиталя, но оставаться в пределах территории больницы Святого Георгия не желала.

Это было мне на руку. Как я успел узнать, парни и девушки с врачебной кафедры, самой большой на нашем факультете, именно сюда приходили устраиваться на подработку. Опыт за год получали огромный, деньги тоже были не плохими, но уходило большинство в связи с нервным напряжением. Слишком уж много разных «товарищей» попадало по неотложке сюда...

После занятий я сразу отправился туда. Путь мой пролегал по опасному маршруту: Университетская набережная — дорога вокруг Петропавловской крепости — мост через реку Большая Невка — Беловодевский проспект. Пока шел по прямой проспекта, вспомнил, что в моей прошлой жизни, этот проспект в Ленинграде назывался проспект Энгельса.

Огромное серое здание на пересечении Беловодевского и Северного проспектов скорее напоминало крепость, чем больницу. Если бы окна были узкими и высокими, я бы точно сказал, что это ранее был какой-то военный форт. И сразу отмечалось еще одно — это был бешенный муравейник, который никогда не замолкал. Санитары постоянно сновали с каталками туда — сюда, явно мотаясь между палатами и отделениями, молоденькие медсестрички весело семенили по своим бумажным делам, их старшие сестры смолили в курилке, иногда покрикивая на молодок, чтобы не застревали в беседах с уважаемыми докторами...

— Добрый день! Подскажите, пожалуйста, где я могу найти Володина Бориса Геннадьевича? — Спросил я, подходя к окну регистратуры.

— Парень, а тебе зачем в хирургическое отделение? На родственника их начальника ты не похож, а так просто на народ честной у него времени нет особо — в работе он всегда, в работе. — Старшая медсестра бальзаковского возраста была явно не прочь поболтать — то ли от скуки, то ли от усталости, да вот только меня подобный расклад не устраивал. Ведь мне нужно было заскочить еще в одно место...

— Дайте, пожалуйста, мне вашу руку. — С улыбкой я протянул открытые ладони к медсестре.

— Э?! Ничего я тебе не дам, извращенец! Пшел вон отсюда! Охрана! Я охрану вызову сейчас! — Женщина явно была ненормальная, как по мне.

Хотя, если посмотреть на это с другой стороны, то какой человек вообще способен считаться нормальным, если он уже долгое время работает в системе здравоохранения?! Нормальные и адекватные люди из этой системы сбегают в первые пять лет, а в этой конкретной больнице уже через год максимум, тут только психи работают дольше.

— ДАЙТЕ МНЕ СВОЮ РУКУ, И ВСЕ СРАЗУ ПОЙМЕТЕ. — Хоть и с улыбкой, но ту уже приказывал, а энергия Источника, хлынувшая по моему телу, явно зажгла глаза зеленым цветом с золотой каймой вокруг радужной оболочки.

Тут медсестре уже было мне не отказать — аспект «Длань Владыки», который достался мне благодаря Чернобогу и Белобогу, на живых людей оказывал просто ужасающее, по моему мнению, влияние — он заставлял верить и подчиняться мне, пока фокус моего Дара направлен именно на конкретного человека.

Женщина моментально протянула руку уже чуть ли не с улыбкой. Я накрыл её ладонь своими, запустил общую диагностику, наложил слабенькую анестезию и общее укрепление

на тело, чтобы он хоть немного отдохнула от головной боли и получила тонус жизненных сил.

— Прекрасно, просто прекрасно, мы великолепно выглядите, а теперь прошу вас ответить на мой вопрос: где я могу найти Володина Бориса Геннадьевича? — Я вновь вернулся к своему «квесту».

— Что? А, да, господа Володин постоянно находится у себя в отделении — восточное крыло, первый и второй этажи, он покидает его только в обед, ужин и на сон. Курит тоже у себя в кабинете, хоть это и запрещено, и все об этом знают, ему не запрещают этого делать, так как он очень многих с того света вытащил, хоть и не слишком сильный Одаренный. Талантливый хирург, но характер скверный, не любит бездарей и лентяев.

— Благодарю вас. — Я с улыбкой покинул старшую медсестру, двигаясь по табличкам указателей в восточное крыло. На такую краткую характеристику я и не надеялся.

А «отделение хирургии и неотложной помощи» встретило меня хоть и забытыми, но вполне привычными для меня запахами. Здесь одновременно пахло кровью, табаком, спиртом, лекарствами, стерильностью, гноем и страхом, на языке моментально появился привкус меди, а глаза начало пощипывать.

Ординаторская стояла рядом со входом в отделение, и именно из нее выходил очень сильный запах табака. Вот я и решил проверить первым делом её, и не прогадал.

После стука я вошел. На подоконнике в дальнем углу сидел высокий мужчина, абсолютно лысый, с черной короткой бородкой и очках в роговой оправе. Халат его был перепачкан кровью, и судя по всему, кровь была не его...

— Разрешите, Борис Геннадьевич? — Бордо начал я.

— Кто такой? Я никого не звал! Иди ты на х**! — Вскинул врач на меня красные от недосыпа глаза.

И только тут я понял — он просто уснул на подоконнике после операции, пока курил сигарету! И уснул буквально пару минут назад — сигарета не успела дотлеть до фильтра.

— Добрый вечер, Борис Геннадьевич. Позвольте представиться. Волков Матвей Александрович. Студент первого курса Императорского Университета. Хочу работать у вас. — Я решил взять быка «за рога».

— Слушай, студент, да мне пофиг, кто ты и как тебя зовут, вы тут как перчатки меняетесь. Сбежишь ведь через две недели, если не раньше. — Начал бурчать заведующий отделением, внимательно меня рассматривая.

— Не сбегу, Борис Геннадьевич, по крайней мере, до июня точно, там практика будет, а до ее начала точно отработаю, а там уже посмотрим. — Ответил я.

— А чего ко мне пришел? — Завотделением продолжал допытываться.

— Да просто все, деньги нужны, и руку набить хочу в специальности.

— Врачебная кафедра?

— Лекарская. — Покачал отрицательно головой я.

Володин удивительно присвистнул:

— Не часто туда пробиться простые смертные могут, в основном столичные хлыщи, да Долгоруковские прихвостни учатся там.

— Мне тоже так говорили, но я поступить смог. — Я не удержался от шпильки в адрес Долгоруковых.

Хоть и мне лично этот боярский род ничего и не сделал, но вот Матвею и его матери точно знатно в жизни подгадил. А тут вся моя пролетарская ненависть выграла против бояр.

— Какой резерв? — Решил детально разобраться врач.

— Около трехсот пятидесяти единиц УЕР. — Я решил немного занизить свои показатели.

— А Контроль?

— Ступень Мастера. — Вновь соврал я.

Володин вновь задумался. Только подумать ему не дали. В ординаторскую влетела молоденькая медсестра с широко распахнутыми глазами:

— Борис Геннадьевич, беда!

— Ну что еще-то случилось?

— Там ребенка привезли, ему ноги оторвали под бульдозером!

Володин на сообщение о пострадавшем ребенке лишь хищно ухмыльнулся и перевел взгляд на меня.

— Вот и посмотрим, как ты собеседование на практике пройдешь. Сейчас со мной в операционную пойдешь. Поможешь — принят на работу на полставки, сдрейфишь — больше в моем отделении и духу твоего не будет, идет?

— Согласен. — Кивнул я.

Я отправился вслед за выскочившими в коридор медсестрой и заведующим отделением.

Быстро спустились на первый этаж, где располагались операционные кабинеты.

— Борис Геннадьевич, а кто это с вами? — Удивилась другая медсестра, которая встречала нас уже в кабинете.

— Кандидат на должность младшего операционного фельдшера. Посмотреть хочу, как себя вести будет в стрессовой ситуации. Лизонька, подготовь его, он со мной к столу пойдет.

— Поняла. — Кивнула медсестра с каким-то печальным взглядом провожая меня к раковине.

Я же скинул по старой вьевшейся привычке куртку и кофту, оставшись в майке, снял обувь, обулся в тапочки и начал мыть руки вплоть до локтевого сустава. Затем Лиза облачила меня в операционный комбинезон, шапочку, маску и перчатки, закрыла глаза специальными очками и кивнула Володину.

— Пошли, студент. — Кивнул заведующий и повернулся ко мне спиной.

Мы прошли по короткому коридору и вышли в операционную. Вокруг уже суетились анестезиолог и две медсестры.

— Доклад. — Коротко бросил Володин, и анестезиолог тут же начал докладывать о проделанной работе. Я же начал осматривать пациентку.

Это была маленькая девочка, лет пяти, ей все же не совсем оторвало ноги в коленных суставах, сами суставы были раздроблены и осколки костей торчали наружу. Сложный случай, очень сложный, удивительно, что она была ещё жива. В моей прошлой жизни я бы сказал, что в девятьсот девяносто девяти случаях из тысячи здесь бы последовала ампутация повреждённых конечностей. Но не здесь, и не сейчас. Здесь и сейчас была магия, были Одаренные, которые могли вытащить человека и с того света.

Глядя на эту девочку, я вдруг понял — насколько мне этого не хватало. Я ведь всегда любил свое дело, я лечил людей, приходил на помощь, я знал, что моя жизнь имеет смысл. Когда я получил свое ранение, и меня уволили из армии, а в гражданские клиники на работу устроиться я не мог, потому что никто не хотел связываться с инвалидом с плохой характеристикой, я просто стремился выжить. Всегда и везде, но само понятие полноценной жизни для меня перестало существовать. Я существовал, а не жил. А сейчас я снова могу

лечить, и лечить ещё больше и лучше, спасать в тех моментах, которые раньше считал невозможными. Я могу, и я хочу вновь это делать.

Но, в конечном счете, я хочу делать это все так, чтобы мне никто не мешал и не приказывал, как это делать. Ну, или, по крайней мере, сократить возможное количество начальников и командиров до минимума. Хоть пока и не знаю как...

— Что скажешь, студент? — Обратился ко мне Володин.

— Самостоятельно излечить это повреждение конечностей я пока не могу, навыков не хватает и опыта, но я смогу поддерживать девочку, пока вы будете восстанавливать ей ноги, мы можем исправить состояние костей и нервных окончаний, а также восстановить жидкостный состав в коленных суставах, а мышцы зашить классическим способом. Восстановление займет меньше месяца по итогу, но ходить придется учиться заново, как и разрабатывать коленные суставы и сами мышцы, потому что для нормального и полноценного заживления тканей потребуется полная иммобилизация нижних конечностей и дренажирование суставов с целью вывода лишних жидкостей, так как организм ребенка будет ещё около недели в повышенном темпе восстанавливать себя под влиянием воздействия Жизни на столь юный организм.

— Интересно. Хорошо, давай начнем, Жар подаешь минимально, арканы целебный сон и общее укрепление освоил?

— Да.

— Хорошо, вместе с подачей Жара в тело девочки, накладываешь их и поддерживаешь, чтобы она не проснулась и не умерла от болевого шока. Твоя задача — давать энергию так, чтобы я успевал ей оперировать, но она не рассеивалась так, что я потерял больше трети от отданного тобой количества.

— Принято.

— Тогда занимай место у головы, начинаем операцию! Генрих Абрамович, прекращайте анестезию пациента, как только она окажется под воздействием целебного сна!

— Есть! — Кивнул анестезиолог.

Я встал во главе стола и положил руки на голову девочки. Целебный сон и общее укрепление слились с потоком Жара и начали стекать тонким ручейком, обволакивая тело девочки в вихорх золотисто-изумрудных линий. Все энергетические каналы, которые всегда шли параллельно кровеносной системе, начали наливаться этим светом, лишь в повреждённых коленях они начали частично рассыпаться и рассеиваться.

А Володин начал работу. И это было отточенное, выведенное годами мастерство. А я с удивлением смотрел, как заведующий отделением сплетал каналы девочки, восстанавливал нервы, мышцы и кости, проверял работу суставов... Время просто застряло на своем месте, а я не отводил взгляда от рук Володина, которые творили один аркан за другим, пользуясь моим Жаром. Да, Заведующий не обладал огромным резервом, да и Контроль у него был на уровне Магистра, и выше уже подняться вряд ли сможет, так как резерв этого не позволит, но своими способностями он владел по истине великолепно. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего штриха, каждая капля Жара шла на дело, он не терял ничего, все шло в работу на восстановление организма, и при этом он продолжал работать и как простой хирург...

— Время завершения операции? — Устало выдохнул Борис Геннадьевич, отходя от операционного стола и тихим стоном разгибая спину.

— Двадцать два часа сорок три минуты. Операция длилась семь часов и пятнадцать

минут. Общее состояние пациента — стабильно тяжелое.

— Хорошо, девочку в палату, соответствующая терапия. — Кивнул он медсестрам и повернулся ко мне, — Как, говоришь, тебя зовут?

— Волков Матвей Александрович.

— И откуда ты?

— Из Сибири.

— Хорошо, сибиряк Волков Матвей Александрович, готов взять тебя на полставки. В неделю три смены — одна в ночь, одна в вечер, одна в день, по должности это младший операционный фельдшер, работать будешь именно со мной, мне как раз нужен ассистент. Согласен?

— Да, благодарю.

— Хорошо, документы подпишешь, когда на дежурство придешь. Курить не запрещаю, но, если придешь пьяный или с похмельем, погоню с отделения как вшивую собаку. К девчонкам не приставать, ни к сестрам, ни к пациенткам, фотографировать в отделении запрещено, всех, кто в отделении пытаются тебе что-то приказать, шлешь прямо ко мне, а я уже шлю их лесом. Все понятно?

— Да, Борис Геннадьевич.

— Тогда до встречи в воскресенье. Тогда же и узнаешь график работы до конца месяца. А сейчас все, баста, домой, пятьдесят грамм адмиральского чая и спать.

— Есть.

Я буквально выполз из операционной. Я устал, резерв был практически на нуле, до полного истощения Источника оставалось полшага... Но Володин просто поражал своим талантом! Хирург, который комбинирует академическую медицину и силы Дара! Да, характер не простой, откровенно сволочной и грубый, но поучиться у него есть чему. И я научусь!

Я медленно выполз из больницы и побрел домой. Сил дождаться автобуса или трамвая не было. Так что я просто побрел по дороге, стараясь продолжать движение, чтобы просто не уснуть...

* * *

Следующие три дня я так и не смог добраться до стрелкового тира на Аптекарском переулке. В субботу я завис в университете, в воскресенье отработал дневную смену в больнице, и лишь в понедельник после занятий смог отправиться в тир.

Тир находился в отдельном здании недалеко от Летнего сада на Аптекарском переулке.

На углу здания была неприметная дверь спуска в подвальное помещение. Рядом с ней висела скромная вывеска «Золотая Пуля». Я спустился по лестнице и вошел в дверь.

Внутри меня встретил пустой зал для посетителей. Лишь за стойкой персонала со скучающим видом сидел одинокий старичок, слушающий радио.

Я подошел к нему:

— Добрый день, я хочу записаться в стрелковый тир для занятий.

— Добро пожаловать в стрелковый тир «Золотая Пуля», молодой человек. Записаться можно. Занятия по первоначальной подготовке в стрелковом деле проходят строго с инструктором дважды в неделю, каждое занятие полтора часа. Курс длится три месяца. Оплата за месяц вперед. Одно занятие стоит тридцать рублей, это с учетом оплаты патронов для стрельбы. Если не приходите на занятие, оно сгорает. Если условия вас устраивают, можем согласовать график вашего посещения нашего тира. — Ответил старичок, хитро

прищурились.

— А что входит в курс первоначальной подготовки? — Я решил уточнить детали.

— Галерея у нас небольшая, шестьдесят пять метров всего, так что освоить сможете три вида оружия: пистолет, автомат и пистолет — пулемет. По окончании курса и сдаче зачетов выдадим вам сертификат об окончании соответствующего курса.

— Хорошо, меня это устраивает, а кто будет моим инструктором?

— У нас принято, что тот из инструкторов дежурит, тот и берет себе ученика. Сегодня дежурю я. Позвольте представиться, Максим Игоревич Демешков, инструктор тира.

— Очень приятно, Максим Игоревич, меня зовут Матвей Александрович Волков. А сегодня можно попробовать пострелять, так скажем, развлекательно?

— Аренда дорожки в галерее на час — восемь рублей, работа инструктора — пять рублей, два магазина к пистолету — двенадцать рублей, и это не идет в счет оплаты занятий. — Кивнул старичок.

— Отлично, меня устраивает. — Я достал кошелек, отсчитал сумму за посещение и отдал её инструктору.

Тот пересчитал сумму и убрал её сразу в сейф. Потом достал из шкафчика оранжевую жилетку, прозрачные очки и наушники.

— Правило первое в тире, молодой человек — всегда соблюдать требования безопасности.

Я лишь кивнул. Максим Игоревич достал из-под стола табличку «НАХОЖУСЬ В СТРЕЛКОВОЙ ГАЛЕРЕЕ, ВЫЙДУ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ, НАЖМИТЕ НА КРАСНУЮ КНОПКУ», поставил её на стол, рядом с ней поставил красную кнопку на подставке, а с собой забрал сигнальный маячок, явно привязанный к данной кнопке.

— Пойдемте, молодой человек. Без моего разрешения никаких действий не совершать и ничего не трогать.

— Понятно, спасибо.

— Вообще существует золотое правило в стрелковом деле, состоящее из пяти «НЕ», а именно: не доставай оружие из кобуры без команды, не заряжай оружие без команды, не открывай огонь без команды, не крути стволом оружия, не бери чужого оружия.

— Учту.

Мы прошли по еще одной лестнице вниз и спустились в стрелковую галерею и встали у дорожки под номером три.

— Подождите здесь, молодой человек, я скоро вернусь.

Инструктор прошелся до конца галереи и скрылся за стальной дверью с табличкой «ОРУЖЕЙНАЯ КОМНАТА».

А в мою молодость мы бегали на полигон все годы курсантской жизни, да и на службе уже тоже — закрытых тиров у нас никогда не было. Снег, зной, дождь, ветер — без разницы, если стрельбы запланированы на этот день. Мы должны. И все. Сейчас это уже вызывает лишь улыбку...

Максим Игоревич вернулся с подставкой, на котором стоял пистолет, два магазина, а в гнездах на подставке уж было вложено чуть больше двадцати патронов.

— Вы знакомы с современным вооружением, Матвей?

— Абсолютно нет, Максим Игоревич, если вам несложно, проведите небольшую лекцию по данной модели?

— Что ж, перед нами Российский Армейский Пистолет, он же «РАП-96», введен на

вооружение пять лет назад, калибр оружия девять миллиметров, патрон используется девять на девятнадцать, длина ствола сто десять миллиметров, масса без снаряженного магазина девятьсот двадцать грамм, со снаряженным — один килограмм восемьдесят грамм, имеет магазин на четырнадцать патронов. Начальная скорость полета обычной пули — триста двадцать метров в секунду. Очень хорошая и надежная машинка для работы на коротких дистанциях....

После этого он включил свет на всей дорожке, который осветил и наш стол у окна стрелка, разобрал пистолет, рассказал мне об его устройстве, слабых местах, возможных задержках, способах их устранения. В общем, лекция затянулась почти на час, и теперь у меня в руках лежал некий гибрид Пистолета Макарова и Тульского Токарева из моей прошлой жизни, рассчитанный под патрон «Luger».

— И так, стрелять будем сериями пять — пять — четыре оба магазина, после каждой серии оружие на предохранитель, после команды кладем на стол и отходим на шаг назад, при последней серии по окончанию стрельбы вытаскиваете магазин из пистолета, отодвигаете затвор в крайнее заднее положение и даете мне его осмотреть. После моей команды «Осмотрено», вновь смотрим мишень, после чего меняем её и продолжаем работать уже на втором магазине. Все понятно?

— Так точно, Максим Игоревич.

— Прекрасно, тогда начинаем. К рубежу!

Отстрелялся я еще минут за сорок. Каждый возврат мишени Максим Игоревич указывал на некоторые недостатки в стойке, хвате, длине нажатия на спуск, дедок явно был фанатом своего дела, въедливым и с большой практикой.

— И так, по итогу могу сказать следующее — супер — талантом вы не блещете, но стрелять сможете. Все-таки, в девяти из десяти побеждает усердие и мастерство, а не голый энтузиазм и талант. Я готов вас тренировать, Могу проводить с вами занятия по вторникам и пятницам в вечернее время.

— Отлично, мне это подходит. — Кивнул я, в голове складывая, что в понедельник у меня ночная смена в георгиевской больнице, в среду — вечерняя, а в воскресенье я работаю в дневную.

— Тогда до встречи на занятии, Матвей. В следующий раз вы должны принести оплату за месяц вперед, не забудьте об этом.

— До встречи, Максим Игоревич, не забуду.

Я попрощался с инструктором и покинул тир. Обрато домой я шел в приподнятом настроении, так как ещё один элемент моего плана был исполнен.

Глава 7. Весеннее равноденствие, или как найти себе проблем

Я с осоловелыми глазами проснулся от перезвона своего будильника.

Из-за закрытых штор пробивался тусклый свет серого Петербурга. Уже был полдень, а я спал как убитый, потому что прошедшая ночная смена в георгиевской больнице прошла очень бурно. После бандитской перестрелки в ходе попытки ограбления банковского отделения, к нам привезли пятерых сотрудников полиции в разной степени тяжести и двух грабителей, которые выглядели еще хуже. В итоге, из операционной мы с Володиным буквально выползли через восемь часов.

Вообще, последние четыре месяца прошли для меня как безумная череда учебы, практики и тренировок. На новогодние каникулы я даже не смог поехать в Искитим, благо, дед отнесся к этому с пониманием. Софья только была очень недовольна...

Но эти три месяца дали мне очень хороший качественный скачок в развитии как Лекаря. У меня в голове были все мои старые навыки, а теперь я лишь приучал свое новое тело к тому, что знал раньше. Даже Володин был доволен, хотя раньше, как говорили медсестрички в нашем отделении, он вообще никого не хвалил... Но главным для меня было то, что я смог начать комбинировать свой Дар с имеющимися у меня ранее навыками. И это давало свой результат. Небольшой, но я надеялся, что это лишь пока. Благодаря уже достигнутым результатам я уже начинал задумываться о создании собственной методики.

Но сегодня, не смотря на будни, у нас не было занятий, и это позволило мне выспаться. Но вечером появиться в университете мне все равно предстояло, так как сегодня был очередной бал — Весеннее Равноденствие.

Весна в Петербурге была обычная, а это значило одно — до мая было невозможно понять, что за окном — осень или весна? Серое низкое небо, постоянная морось, никогда не засыпающий ветер, который раскрывал пальто и плащи прохожих, и редкое солнце, которому каждый петербуржец радовался как ребенок.

Но. Полдень. А это значит, что через пять часов я должен быть готов выходить из дома. А тренировки никто не отменял. Значит, пора вставать...

* * *

Санкт — Петербург, Главный корпус Санкт — Петербургского Императорского Университета, 19.00

Оркестр начал играть открытие бала. В фойе административного корпуса Императорского Университета вновь собрался вся столичная «золотая молодежь» Империи. Вновь трещали вспышки фотоаппарата, от которого я всячески старался спрятаться. Курсанты щеголяли белоснежными кителями с золотыми погонами, девушки лавировали среди конкуренток пышными нарядами, официанты с прямой спиной разносили шампанское.

Это был мой третий бал. И если первый для меня закончился больничной койкой, а второй прошел как в бреду благодаря стараниям Володина, то этот я собирался провести тихо и спокойно, и, возможно, уехать домой не один...

— Матвей! — В толпе студентов я заметил Александра и уверенно двинулся к нему.

— Добрый вечер, дружище! — Я протянул руку Кобылину, как только подошел к их группе. Александр находился в обществе еще одного юноши и трех милых девушек.

— Здравствуй, дорогой! — Мы обменялись рукопожатием и, не выпуская моей руки, Саша повернулся к своим знакомым. — Господа, позвольте представить вам Матвея Александровича Волкова, будущего лейб — медика[1] и юное гениальное дарование нашей кафедры Лекарей!

— Андрей Юрьевич Соколов. Приятно познакомиться. — С улыбкой протянул тонкую аристократичную руку блондин с глазами цвета льда (ну прям чистый ариец!).

— Взаимно, Андрей Юрьевич, всегда к вашим услугам. — В ответ на рукопожатие произнес я.

— А это у нас Анна и Елена Костомаровы. — Александр кивнул на двух девушек, и я только сейчас понял, что они близнецы с одной лишь разницей — одна была блондинкой, а вторая — брюнеткой. Тонкие черты лица, острые носики, тонкие алые губы. Если недостатки и были в детстве, работа опытных лекарей смогла их убрать уже давно — на меня сейчас смотрели две идеальные куколочки ростом около ста семидесяти сантиметров.

— Очень приятно, Матвей. — Одновременно кивнули и сказали обе сестры.

— Взаимно, барышни, взаимно. — С улыбкой ответил я.

— А эта рыжая непоседа — Яна Хмельницкая, моя подруга детства и дальняя родственница по материнской стороне. — Кивнул Александр на последнюю девушку.

А это уже интересно — была первая мысль, проскользнувшая в моей голове, глядя на стройную спортивную фигуру в облегающем вечернем платье изумрудного цвета с длинным разрезом до середины бедра. Тонкие черты лица, которые не несли в себе следов вмешательства Лекарей, волнистые рыжие волосы свободно лежащие на плечах и спине, которые словно жидкое дикое пламя волнами стекали вниз, а не вверх, и карие глаза с золотистой окантовкой вокруг зрачков смотрели на меня как веселые чертики из табакерки.

— Нравлюсь? — Вместо приветствия спросила она.

— Даже очень. — Честно ответил я, протягивая руку.

— Прекрасно, значит, сегодня я буду танцевать только с тобой. — Яна подала руку, и я склонился в легком поклоне, лишь обозная поцелуй этой тонкой ладошки.

— Мы уже на «ты»? — Улыбнулся я в ответ.

— Сегодня можем и на «ты».

— Тогда прошу всех в первый зал! — С улыбкой возвестил Александр и двинулся вперед, взяв под руки одну из близняшек. Вторая была уже с Соколовым.

Все вместе мы прошли в первый бальный зал, в котором и открывали все Балы Императорского Университета. «Императорский Вальс» традиционно был первым танцем, открывающим бал, за ним уже выступали представители императорского рода.

С Яной мы медленно кружились в хороводе пар, которые не стеснялись выйти на площадку в центре зала первыми.

— Ты ведь не умеешь танцевать, Матвей? — Улыбнулась Яна.

— Не умею. — Честно ответил я.

— Но очень быстро подстраиваешься. Хотя твоя походка напоминает мне скорее звериную, что-то кошачье или... — Задумалась она.

— Волчье. — Улыбнулся я.

— Да, что-то в этом есть. — Улыбнулась она.

Остаток танца мы молча вальсировали по залу, пока трубы не обозначили прибытие представителя императорской династии. Его Императорское Высочество, Великий князь Сибирский Михаил Васильевич вновь открывал бал.

— Его Императорское Высочество, Великий князь Сибирский Михаил Васильевич! — Объявил церемониймейстер.

Великий князь поднялся к трибуне в белоснежном мундире с золотыми аксельбантами. Наград на нем в этот раз не было, лишь вышитый красным золотом феникс на правой стороне груди — знак императорского рода.

— Дамы и господа, я рад вас всех вновь приветствовать в стенах этого прекрасного храма науки и знаний! Сегодня мы празднуем окончание долгой зимы, сегодня ночь равна дню, впереди нас ждет теплое время, а прошедшую зиму мы оставим в памяти. Надеюсь, каждый из вас смог вынести за эту зиму из этих стен и других учебных заведений те знания, опыт и навыки, которые помогут вам в службе на благо ваших семей и Империи. За сим прошу считать Бал Весеннего Равноденствия открытым!

Аплодисменты нескольких сотен преподавателей, студентов и курсантов стали ему ответом.

Мы вновь собрались всей компанией у фуршетного стола.

— И так, дамы и господа, учебный год подходит к концу, осталось всего два месяца. Кто куда отправиться на первую практику? — Саша завязал светский разговор.

Среди благородных считалось особым уровнем доверия к семье или роду, если студент или курсант отправлялся на практику в организации, производства или воинские части, которые имели прямое отношение к императорской фамилии.

— Мы в муниципальное управление столицы отправимся, в юридический отдел. — С гордостью ответила одна из близняшек.

— Да, отец сказал, что, в случае хорошей практики, можем и в дальнейшем практиковаться у них до конца учебы. — Добавила вторая.

— Андрей, а ты? — Саша посмотрел на Соколова.

— Пока не решил — есть два варианта: либо поехать с отцом в дипломатическую поездку, либо отправлюсь к деду в Москву.

— Оба варианта хороши, но с отцом предложение интереснее. — Кивнул Саша.

— Да, но тут одна сложность — нужно отцу показать достойный уровень владения французским. Иначе он меня с собой не возьмет. — Улыбнулся Андрей.

— Тогда нужно немного поднапрячься. — Рассмеялся Кобылин.

— Знаю, вот и стараюсь. — Ответил Андрей и тоже рассмеялся.

— А куда у нас отправиться Матвей? — Спросила, обратившись ко всем, но тут же перевела взгляд на меня Яна.

— Пока не знаю. Хотелось бы остаться в столице, но тут уже как родина прикажет. Лекарей мало — отправят туда, где я буду полезен. — Ответил я.

— Так ты действительно Лекарь?! — Удивилась Яна.

— Да, Лекарь. — Пожал я плечами.

— Тогда действительно, возможно, сегодня мы находимся в компании будущего лейб — медика императорской династии. — Кивнула Яна с улыбкой. — А будущий Лекарь не откажется угостить даму бокалом игристого?

— Желание дамы — закон для кавалера. — Ответил я и отправился по залу в поисках официанта.

Официанта я нашел лишь через десять минут. Они как назло словно вымерли все разом. Забрав два бокала игристого, я отправился обратно к столикам для фуршета.

— Я не пойду с тобой танцевать, Дима! Я уже занята! — Услышал я знакомый голос и

ускорился.

Рядом с нашей компанией стояла группа из пяти курсантов. Четверо обступили близняшек и Андрея с Сашей, а пятый, в парадном кителе Военной Морской Академии, схватив Яну за локоть, тащил за собой в зону танцев. Судя по красному лицу и легкому алкогольному аромату, он уже успел перебраться с веселыми напитками.

— Да чего ты ломаешься, Яна?! — Рыкнул парень на нее.

— Сударь, думаю, дама дала вам точно понять, что не желает с вами танцевать. Извольте откланяться, юноша, не позорьте честь мундира. — Холодным тоном ответил я.

Парень обернулся на меня. Высокий, крепкий, лицо с упрямым прямоугольным подбородком, серые глаза с легким безумным блеском, красноватый оттенок кожи, растрепавшаяся прическа — вид курсанта «навеселе».

— А ты еще кто такой? — Второй рукой курсант схватил меня за воротник.

— Дворянский недоросль Волков Матвей Александрович, к вашим услугам. — Также холодно ответил я, не снимая его руки с манжеты своего пиджака.

— Недоросль, отвали, пока князь тебя с говном не смешал. — Зарычал парень.

— Ты не князь, Дима, ты княжич, и то второй сын. — Огрызнулась Яна, вырывая руку из власти курсанта.

— Либо ты сейчас свалишь, либо я тебя прилюдно мочу пить заставлю, дворянчик. — Зарычал он.

Ну, тут вариантов уже не остается. Уже начинают позорить меня, причем прилюдно. Оба бокала отправляются в лицо курсанту, одна рука бьет по локтевому сгибу, вторая заворачивает руку курсанта в болевом приеме и дергает к лопатке.

Курсант взвыл и упал на колени, а его свора оставила нашу компанию и шагнула ко мне.

— Извинись. — Уже рычу я ему в ухо.

— Да пошел ты на х...!

— Извинись перед Яной за свое поведение. — Повторяю я свое требование и еще сильнее заламываю руку.

— Аааа! Яна, я прошу у тебя прощения!

— Ты довольна принесенными извинениями? — Я поднял взгляд на Хмельницкую.

— Да. — Девушка еще тяжело дышала, но ответила с гордо поднятой головой.

Я отпустил руку парня.

— Ты залетел, парень. — Зарычал курсант, поднимаясь с колен.

— Ой ли, я прям уже обоссаться готов от твоих слов, курсантик. — Глумливо ответил я.

— Дима, не надо! — Один из дружков встал перед пьяным.

— Свалил отсюда. — Снова зарычал курсант, и его друг отошел в сторону, опустив голову.

— Я, княжич Юсупов Дмитрий Александрович, вызываю Вас на дуэль, в случае отказа все присутствующие будут знать, что вы — человек без чести, не достойный дворянского титула. — Проорал курсант.

Блин, ну как так мне может постоянно вести на всевозможный цирк. В прошлый раз секундантом был, в этот раз сам с княжеским родом стокнул! Музыка оркестра смолкла, и весь зал, в том числе и Великий князь, и преподаватели повернулись на нашу сцену.

— Я, дворянский недоросль Волков Матвей Александрович принимаю ваш вызов, княжич. И в свою очередь отмечу, что в случае, если вы не явитесь на дуэль в назначенное время, все присутствующие будут знать, что вы не только недостойны называться человеком

чести, но и не достойны мундира, который носите.

— Да ты совсем ох...!

— МОЛЧАТЬ!!!

Голос Великого князя словно гром раскатился по бальному залу, и все студенты, как и я сам, упали на одно колено под давлением неизвестной мне ауры.

— Юсупов! — Голос Великого князя был настолько холоден, что им можно было заморозить Африку.

— Да, Ваше Императорское Высочество! — Юсупов вытянулся по струнке.

— Мало тебе прошлых... заслуг... так ты и здесь балаган учинить хочешь?! Ты, курсант, вызвал на дуэль гражданского студента?!

— Он оскорбил меня, Ваше Императорское Высочество! Задета моя честь, а, значит, и честь моего рода!

Великий князь тяжело вздохнул.

— Матвей Александрович, я позволяю Вам отказаться от дуэли без потери чести, если вы того сами пожелаете.

— Благодарю Вас, Ваше Императорское Высочество, но я все же отвечу этому смутьяну и дебоширу.

— Быть по сему, — кивнул Великий князь, — тогда засим повелеваю: повелением Великого князя Сибирского, Михаила Васильевича Рюрикова, дуэль между княжичем Юсуповым и дворянским недорослем Волковым пройдет на десятый день от сего вечера, по полудню на Императорской Арене.

Весь зал поклонился Великому князю, как и мы с Юсуповым.

* * *

Десять дней пролетели быстро. Новость о дуэли моментально облетела всю столицу. Еще бы, какой-то сибирский дворянчик против столичного княжича. Моим секундантом вызвался быть Саша.

Представление обещало полный аншлаг. А этого мне ой как не хотелось. Ведь, именно это мероприятие могло столкнуть меня лоб — в — лоб с Долгоруковыми.

Но и дворянская честь в этом мире не пустой звук. А такие оскорбления не прощают, даже если брат императора лично обещает тебе, что отказ от вызова не нанесет урона твоей чести. Но вот только сотни свидетелей этого события всё равно разнесут твой ответ по салонам и встречам, и уже через неделю от твоей репутации не останется и следа...

— Готов? — Спросил Саша, когда машина с гербами рода Кобылиных остановилась у главного входа на Императорскую Арену на Крестовском острове.

— Разве что к драке, но не к сотне журналистов. — Криво ответил я.

Журналистов у огражденного входа действительно было просто колоссальное количество. От вспышек фотокамер даже ясным весенним днем рябило в глазах. Шутка ли, что наша дуэль была назначена на первое апреля? Вот уж действительно День Дурака.

— Не волнуйся, нам не нужно с ними разговаривать, мы просто пройдем мимо, а служба безопасности нашего рода проследит, чтобы нам не мешали. — Улыбнулся Саша.

Князь Кобылин оказался очень щедр. Он выделил целый кортеж из четырех машин для внука и его друга, вашего покорного слуги, то бишь, меня родимого. Три машины сопровождения, одна машина для нас с Сашей. Фактически это было негласной формой опеки, скажем так, род Кобылиных давал ясно понять, что в случае конфликта с Волковыми, они встанут на нашу сторону.

— Тогда идем. — Кивнул я, и Саша открыл дверь.

Количество фотовспышек увеличилось, и тут же все пространство вокруг меня заполнили сотни голосов.

— Матвей, вы готовы к дуэли?

— Господин Волков, до нас дошли слухи, что вы оскорбили княжича Юсупова?

— Матвей, вас принудили к этой дуэли?

— Волков, люди уже готовы объявить начало сбора на ваше лечение, как вы к этому относитесь?

Мы, игнорируя все вопросы и выкрики прошли мимо, окруженные коробкой безопасников рода Кобылиных. У входа в Императорскую Арену нас встречал маршал — распорядитель всех турниров воинских и магических искусств, Алтынов Максим Анатольевич.

— Добрый день, господа!

— Добрый день, господин Алтынов.

— Господа, я уполномочен проводить вас до вашей ложи, где вы будите ожидать начала дуэли. Также я буду выступать маршалом — распорядителем на вашем поединке. У вас есть какие — либо претензии к данному указанию?

— Нет, господин Алтынов. Мы рады тому, что вы предоставили нам свои услуги в столь сложном вопросе.

— Благодарю и прошу следовать за мной.

Мы пошли за Алтыновым. Пройдя через главный вход, мы поднялись на лифте на третий этаж и вошли в отдельную лоджию с собственным выходом на арену.

— Господин Волков, я кратко введу вас в курс предстоящего события — сегодня на вашей дуэли будет присутствовать Её Императорское Величество, Императрица Екатерина Александровна, сопровождать её будет брат Императора, Его Императорское Высочество, Великий князь Сибирский Михаил Васильевич, так что при выходе на арену прошу вас проявить учтивость и выказать свое уважение императорской династии поклоном. После этого вы уже услышите стандартные вопросы перед началом дуэли. Вам всё ясно?

— Да, господин Алтынов.

— Прекрасно, тогда спешу вас оставить, я должен еще встретить вашего соперника.

— Княжич Юсупов еще не прибыл? — Удивился Саша.

— К сожалению, — лицо Алтынов не выражало никаких эмоций, но голос звучал с некоторым укором, — княжич Юсупов опаздывает уже на пятнадцать минут. Надеюсь, он успеет прибыть до приезда императорской семьи. Не прощаюсь, господа.

Алтынов покинул нас, и мы остались с Сашей вдвоем.

— Боишься? — Саша кинул на меня быстрый взгляд и вновь уставился на арену.

— Нет, — помотал головой я, — скорее в легком предвкушении.

— Это ведь твоя первая дуэль?

— Да, но поединок далеко не первый, и я не думаю, что императрица даст свое разрешение на бой до смерти.

— Это да, молодежь достаточно часто вступает в потасовки, и, если бы все сражались до смерти, то всё дворянство бы уже вымерло. — Усмехнулся Саша, — бой будет, скорее всего, до потери сознания или пока один из вас не сможет продолжать схватку. Ну, в крайнем случае, «до третьей крови». Но ты же помнишь, что у меня тоже была дуэль не на смерть, а в итоге, вышло то, что вышло.

— Помню.

— Так вот, я к чему, Матвей, я не Лекарь, и вообще у меня Темный Источник, так что вытащить с того света не смогу при всем моем огромном желании. Так что прошу — не подставляй спину этому ублюдку.

— Не буду. — Пообещал я.

От Саши я уже знал, что молодой княжич Юсупов не пользовался особой популярностью в дворянской среде. Часто пьяный, творящий полный беспредел, молодой человек хоть и второй сын наследника рода всегда был под опекой отца и деда, за что ему и спускали все его шалости с рук. С Яной Хмельницкой у них были давние отношения, которые строились из детства — их семьи плотно сотрудничали в вопросах морской транспортировки. Но вот старшему сыну Яна не была невестой «по уровню» — наследники княжеского рода очень редко женились на простых дворянках, то вот младшему вполне подходила по статусу. Но одна загвоздка — Яна этого не желала. И всячески сводила к минимуму их всевозможные контакты. А вот Императорский бал пропустить не могла в силу всем известных обстоятельств, и младший Юсупов смог её поймать.

Ну, и я поймал проблему на свою голову. Ну, кто же мог знать, что брат Императора решить превратить простую дуэль в целое представление?!

Но время не ждет. И ждать моего выхода на арену никто не будет. Пиджак костюма полетел на спинку кресла, а следом и узкий алый галстук — селедка. Я остался в серых брюках в клетку, белой сорочке и серой жилетке. На пояс лег второй ремень с тремя ножнами — по бокам появились два прямых обоюдоострых кинжала, а за спиной легла мизерекордия — подарки Конева дождались своего часа. Рукава рубашки я закатал выше локтя.

— Ты готов? — Спросил Саша, наблюдая, как я заканчиваю приготовления.

— Да. — Кивнул я.

Саша кивнул и вышел за стеклянную дверь, ведущую на арену.

Радиоприемник внутри ложи передавал все слова, которые ведущий вещал на арене.

— Дамы и господа, сегодня мы рады приветствовать всех вас на Императорской Арене! По указанию Великого Князя Сибирского, Его Императорского Высочества Михаила Васильевича Рюрикова, здесь пройдет дуэль между младшим княжичем Юсуповым Андреем Дмитриевичем и младшим членом дворянского рода Волковым Матвеем Александровичем. Дуэль будет проходить по правилам сдачи. Победа будет защитана тому из дуэлянтов, кто сможет заставить противника сдаться, либо в случае, если противник не сможет продолжать бой! Секунданты оппонентов готовы встретиться на песке арены, и мы не будем заставлять вас ждать с началом. Секунданты!

Саша начал спускаться по лестнице, с противоположной стороны начали свое движение еще двое секундантов со стороны Юсупова. Они встретились с центре арены под шум толпы, который постепенно стих.

Отсюда не было возможности услышать слова обеих сторон. Но их и не нужно было слышать — и так понятно, что это были стандартные фразы. После поклона секундантов друг другу, они развернулись и пошли обратно. А ведущий продолжил вещать на всю арену.

— По словам секундантов никто не готов принести извинения второй стороне! Дуэль начнется через десять минут!

Саша вернулся в лоджию.

— Удачи, Матвей.

— Пора заканчивать с этим дурдомом.

Вся эта показушность начала меня подбешивать. Я вышел за стеклянную дверь и начал спуск на песок арены под шум толпы.

Выйдя на песок, я поднял взгляд на противника. Младший Юсупов вышел на арену скорее покрасоваться, чем сражаться. Он махал рукой всем на трибунах, красовался и рисовался на публику. На нем был надет стальной нагрудник, украшенный гербом Юсуповых в виде львиной головы цвета морской волны, на месте глаз угадывались вставки из мифрила. В руках Юсупов держал лишь жезл, но выполнен он был лишь из мифрила, от которого так и веяло вкаченной в него Силой.

— Может, все-таки сдашься, парниша? Позор — позором, но выживешь? — Насмешливо обратился ко мне Юсупов.

— Ты молочко с губ утри, мальчик. — Ответил я.

— Ты сдохнешь, обещаю. — Моментально покраснел Юсупов.

— Дамы и господа, нас почтила своим присутствием Её Императорское Величество, Императрица Екатерина Александровна!

Вся арена поднялась со своих мест и поклонилась в сторону императорской ложи. Тоже сделали я, ведущий и Юсупов.

— А теперь я прошу подняться на арену маршала — распорядителя всех турниров воинских и магических искусств, Алтынова Максима Анатольевича! Ему и передается будущее слово!

Ведущий моментально смылся с арены, а на её песок вышел сам маршал — распорядитель.

— Господа и дамы, Ваше Величество! Прошу принять участие всех вас в суде Чести, который пройдет в форме поединка между дворянским недорослем Матвеем Александровичем Волковым и княжичем Юсуповым Дмитрием Александровичем. И пусть Боги станут свидетелями сегодняшнего дня!

— Господа, прошу в центр арены. — Теперь Алтынов обращался только к нам, — Ваш поединок пройдет по правилу Третьей Крови. Также, ваш поединок будет остановлен в случаях, если один из вас не сможет продолжить схватку, либо решит сдаться. Началом поединка будет выброшенный платок Императрицы. Желаю удачи вам обоим, и пусть Боги станут вам судьями.

Я кивнул, а Юсупов лишь прыснул и, развернувшись на пятках, отправился на прежнее место.

— Благодарю вас за ваше участие, Максим Анатольевич.

Алтынов подошел ко мне вплотную и тихо шепнул:

— Сотри ухмылку с лица этого князька.

Я кивнул и вернулся на свое место.

Императрица поднялась со своего места. С такого расстояния я не мог рассмотреть её лица, видел лишь точеную фигуру, которая скорее подходила молодой девушке лет двадцати, но никак не женщине пятидесяти лет.

Белоснежный платок соскользнул с тонкого запястья, и время вокруг замедлилось для меня. А все вокруг потеряли княжича Юсупова из виду. Лишь песок начал подниматься, отставая от движений княжича на несколько секунд.

Юсуповых не зря называли владыками ветра. И в век парусных кораблей они составляли серьезную конкуренцию Одаренным с развитым лучем Воды в Источнике.

Юсупов скользил по Воздуху, словно конькобежец на льду. За его спиной из потоков Ветра были сотканы небольшие крылья, на руках княжича возникли полупрозрачные клинки серповидной формы, выросшие из предплечий, и княжич уже явно наметил один из них на мое горло.

С такой скоростью он вполне мог снести мне голову. Если бы я не был Лекарем.

Светлый Источник разгорается внутри, а Темный Источник спит. Луч Жизни разносит Жар источника по всему телу — корпус, голова, руки, ноги, скелет и весь мышечный каркас, укрепляет их, дает возможность нервным рецепторам проводить сигналы быстрее, чем у обычного человека раза в три, воздух мне сейчас не нужен в чистом виде, здесь я Юсупову не соперник, но у меня есть Вода. А Вода и Воздух могут породить разные вещи — к примеру, пар. Или лед.

Юсупов вышел на прямую линию и атаковал. Но в последний момент, когда он ушел начал совершать последний шаг, а воздушное лезвие от моей плотки отделяло лишь расстояние в одну ладонь, в моих руках лопнули два сгустка энергии Воды и Воздуха. Облако безумно горячего пара ударило в лицо Юсупова.

— АААААААААААААА!!! — Княжич заорал, схватившись за лицо и отпрыгнул назад.

Тут уже вперед пошел я. Вновь потоки Воздуха и Воды сплелись. Лед начал схватывать ноги Юсупова, а я рванул к нему. Первый — удар в корпус, второй — открытой ладонью по нижней челюсти, третий — болевой захват кисти, четвертый — мое колено врезается в грудь княжича, вырывая его из ледяного плена.

Княжич упал на спину, а моя чуйка просто в моменте завопила. Я отпрыгнул назад на три шага, заняв оборонительную стойку.

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?! — Заорал княжич, и вокруг него вспыхнула сфера сформированная из нескольких десятков мерцающих воздушных клинков. Они скользили, вращались и рассекали воздух, но не покидали границу двух шагов. Этот аркан был очень интересен. Активная оборона. Клинки окружали Юсупова, атакуя все в радиусе действия, и не давали возможности пробиться удару внутрь.

Только это не отменяло двух вещей. Первое — Юсупов был ранен. — один глаз заплыл, часть кожи со щеки слезла, несколько волдырей лопнули, и кровь сочилась по лицу. Он взмахнул своим жезлом, и с его наверх сорвалась белая ветвистая молния, но она прошла в стороне от меня — одним глазом было целиться не так удобно... Но это было лишь вопросом времени — когда он хорошенько пристреляется. Схватку нужно было заканчивать быстро, иначе мне не сдобровать. И при этом не убить этого придурка.

— Первая кровь! — Я услышал голос Алтынова.

— Сдаться не хочешь, парень, я даже лицо тебе восстановлю прямо на месте. — Спросил я Юсупова.

— Я тебя выпотрошу здесь, Волков. И третьей крови не надо. Будет несчастный случай. — Зарычал в ответ Юсупов.

Жар из Источника начал распространяться по Лучам Воздуха и Воды и сливаться в единую структуру. Горячий пар начал заполнять все пространство под магическим куполом Арены, скрывая основное действие от зрителей.

— Как ты сможешь меня выпотрошить, если не сможешь даже увидеть меня? — Усмехнулся я.

План окончательно сформировался только сейчас. Пар не выходил из-под купола магического щита. Я перестал видеть Юсупова, а Юсупов — меня. Вот только мне зрение не

было нужно. Юсупов живой, и Жизнь внутри него я прекрасно чувствовал. Дыхание, сердцебиение — все это было настолько четко, словно я был ходячим аппаратом диагностики.

— А теперь включаемся в тактику. — Шепнул я сам себе.

Вокруг меня начал распространяться лед. Юсупов метался по арене, словно рассерженный хомяк в колесе, а я спокойно уход от всех его атак. Я быстро понял, что у молодого княжича нет в арсенале арканов, которые бьют площадными атаками. Его учили искусству дуэльного боя. И в этом была ошибка его учителей. Я же дрался не с целью победить. Моя цель была проще — выжить. На войне этому быстро учишься, или погибаешь. И пусть моя тактика была лишена красоты и изящества, но она была правильная с точки зрения выживания...

Лед заполонил все вокруг. Оставался один штрих...

— Сражайся честно, трус, лицом к лицу! — Заорал к Юсупов.

Ну, что ж, финальный акт должен быть красив, а это значит, что мне пора сыграть на публику. Мой воздух тонким слоем «лег» на мой же лед.

Пар быстро осел к песку Арены.

— И это ты мне говоришь о трусости, Юсупов. Ты поднял руку на девушку, которая заведомо слабее тебя. Ты, дворянин, будущий офицер, тот, кто от рождения должен защищать и оберегать русский народ, говоришь мне о трусости?

— Она моя по праву!

— Право у тебя есть на жизнь, слово, свободу, смерть, в конце концов, но у тебя нет прав на человека.

Последняя нить Аркана вплелась в печать. И лед мгновенно порос сотней игл, которые были окружены воздушным щитом.

Иглы пробили стопы Юсупова, выйдя наружу с внешней стороны, дробя кости и разрывая ткани.

Не было смысла бить противника по прямой таранными ударами — его корпус был прекрасно защищен, а вот ноги он защищать не стал, за что и поплатился...

Юсупов взвыл, падая на колени и ломая лед.

— Вторая и третья кровь! Победитель — Матвей Волков! — Выкрикнул Алтынов.

Первым звуком была полнейшая тишина. Потом раздались первые хлопки. Императрица тихими редкими хлопками ознаменовала окончание дуэли. Постепенно зал заполнился шумом аплодисментов.

— Поздравляю, юноша, вы отлично справились. И нажили себе очень серьезного врага. — Алтынов незаметно подошел со спины.

— Спасибо, Максим Анатольевич, но не думаю, что княжич Юсупов слишком страшный враг после такого позора.

— Здесь вы правы, Волков, но я говорю не конкретно о данном юноше. Я говорю о главе рода Юсуповых.

И тут только до меня дошло — в какое дерьмо, на самом деле, я вляпался...

[1] Личный врач императорской фамилии. Последние триста лет звание лейб — лекаря передавалось по наследству среди глав рода Долгоруковых, так как они считались и являлись сильнейшими лекарями на территории всей Российской Империи.

Глава 8. Семейные узы

Санкт — Петербург, поместье рода Долгоруковых, спустя две недели после дуэли Волкова и Юсупова

Кабинет князя Долгорукова Андрея Павловича был выполнен в английском стиле. Ему нравилось все английское. Стиль одежды, стиль жизни, архитектура, этикет, манера общения, алкоголь... И друзей среди англичан у него было тоже много... Он даже прикупил себе поместье на территории Британской Империи. Через подставных лиц, разумеется, чтобы не бросить тень на древнюю боярскую фамилию, и не лишиться должности Лекаря императорской фамилии...

Но сейчас князь пил русскую водку, а не виски, как обычный русский мужик.

Ну, кто мог знать, что он сам себя так подставит?!

— Но кто мог знать, что так все обернется?! — Зло бросил боярин в пустоту кабинета.

С самого начала дуэли боярин отметил внешность Матвея Волкова. Такие схожие черты... И он даже не удивился, когда узнал, что увидел своего правнука. Сына своей внучки Елизаветы, той пустой дуры, которую изнасиловали те предатели... А ведь тогда он решил, что это хороший размен.

Прошлый Император приказал отдать внуку за сына Аристарха Волкова, этого цепного пса Тайного Приказа. Видимо, думал, что этим сможет контролировать его. Дурак, что такое дочь, которая никогда не сможет возглавить Род, тем более, когда она — Ноль, без единого намека на Дар. А тут такой экземпляр.

И информация, которую смогла собрать служба безопасности Рода просто кричала, что этот юноша — настоящий самородок.

Восемнадцать лет, Жар Источника показал примерный объем в пять сотен УЕР, уровень Контроля — Мастер, и это минимум. Он сам видел сражение и мог точно сказать — парень уже Магистр. Да, лишь недавно шагнувший на эту ступень, но в восемнадцать лет! Такой к сорока годам мог бы стать воплощением Стихии! Это же просто уму непостижимо! Даже в роду Долгоруковых не было ни одного Одаренного, ставшего воплощением Стихии уже почти пять веков!

— Соловьева ко мне! — Рывкнул боярин в коммуникатор и опрокинул очередную стопку внутрь.

Глава службы безопасности рода вошел в кабинет боярина спустя минуту.

— Вызывали, Андрей Павлович.

— Да, Аркаша. Сделай следующее. Я хочу поговорить с Матвеем, лично и без свидетелей. Делай, что хочешь — укради, запугай, хоть с мешком на голове притащи его ко мне. Но только об этом не должны знать в Тайном Приказе! Ты понял меня?!

— Да, Андрей Павлович, будет сделано.

— Иди. — Князь отпустил начальника службы безопасности и покинул кабинет.

Князь поднялся со своего места и кривой походкой подошел к окну.

— Эту партию мы разыграем с успехом для себя... — Сказал он сам себе.

* * *

Санкт — Петербург, Императорский Университет.

— И в окончание лекции, дамы и господа, напоминаю всем вам, что до начала сессии остается ровно две недели. С пятого мая начнется сессия, которая продлится три недели, по

итогах сессии вас всех распределят на практику, которая продлится семьдесят дней. Не сдавшие сессию до практики не будут допущены, их практика будет отложена на двадцать дней, которые будут отведены для дополнительных занятий и пересдачи. Соответственно, времени на отдых у вас не останется. — Профессор Сергей Вениаминович Седой, полностью оправдывая свою фамилию своей седой головой, строгим взглядом обвел всю лекторию.

Часть студентов прятали глаза, когда встречались с ним взглядом, другая — смотрели прямо. Разница была в простейшей причине — лекции Седого проходили всегда последней парой, и часть студентов просто сбегала с них. А тут выяснилось, что у нашего профессора есть две привычки: первая — он собирал и проверял все конспекты студентов, вторая — он задавал по дополнительному вопросу на каждую пропущенную тему. И даже если конспект был написан, но не «бился» по датам в хронологии студента, то он также «гонял» по этим темам.

И все вдруг осознали объем возможных проблем — за год можно было многое пропустить, а чтобы привести все в порядок требовалось переписать все конспекты за год. А это был огромный объем работы, ведь, остальные предметы тоже никто не отменял...

А я сидел и размышлял о прошедшем учебном годе. Как-то так интересно получилось, что ни с кем из своей учебной группы я так и не сошелся в общении, дружил только с Сашей, постоянно работал и тренировался. По сути, этот год я провел практически затворнической жизнью. И все это было вызвано лишь одной целью — иметь возможность жить ту жизнь, которую я сам выберу. Все-таки опыт прошлой жизни отпечатался на мне очень сильно...

Тут я заметил, что народ начал покидать лекторий, а преподавателя уже и след простыл.

Я тоже собрался и пошел на выход. Лекций на сегодня больше не было, и можно было отправляться домой до вечера. Я решил пройтись, и спокойно побрел по Университетской набережной в сторону дома, продолжая размышлять.

Что мне нужно? Независимость, желательно полная, ну, или, по крайней мере, независимость в той её форме, при которой количество людей, которые могут оказать на меня какое-либо влияние, будет просто минимальным. А для этого нужно быстро подниматься в карьерной лестнице, чтобы обрести власть, а также получить дополнительный доход, по возможности, построить полноценный бизнес, который будет расти и развиваться самостоятельно, даже когда я сам не смогу участвовать в его развитии. При этом, нужно зайти в ту нишу, к которой не имеют отношения ни один из княжеских или боярских родов, чтобы не иметь конкурентов. И это не торговля, не строительство, и не медицина. Да, я могу совершить некоторые прорывы в медицине, потому что знаю о тех её аспектах и возможностях, которые не известны пока в этом мире. Но это будут лишь крошки со стола, большую часть все равно заберут «киты» бизнеса, потому что без их согласия на рынок ничего нового не войдет...

И тут я увидел интересное объявление на доске рядом с трамвайной остановкой.

'НОВОЕ СЛОВО В ОБЩЕНИИ! ВСЕМИРНАЯ ПАУТИНА! ПОСЕТИТЕ НА ПРЕЗЕНТАЦИЮ! СТОИМОСТЬ БИЛЕТА ВСЕГО ДВА СЕРЕБРЯНЫХ РУБ СЕГОДНЯШНИЙ ВКЛАД В НАШЕ ДЕЛО В БУДУЩЕМ ПОЗВОЛИТ ВАМ УЖЕ ЗАЕ ОБЩАТЬСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ПО ВРЕМЕНИ И РАССТОЯНИЮ!

— Неужели они говорят об интернете?! — С удивлением сказал я сам.

Это мог быть самый настоящий прорыв, если Паутина хоть немного похожа на мой старый интернет. Я оторвал кусочек объявления с адресом и временем презентации и отправился дальше.

Но далеко отойти мне не дали. Рядом со мной остановилась типичная черная Волга, которая выпускалась и в этом мире, из которой вылезли двое типичных «пиджаков».

— Волков Матвей Александрович? — Обратился один из них ко мне.

— Да, с кем имею удовольствие вести беседу? — Ответил я, внутренне напрягаясь и готовясь вступить в схватку.

— Титулярный советник Погребняк Андрей Вячеславович, мой коллега — титулярный советник Луговской Максим Анатольевич. Прошу вас проехать с нами для дачи показаний. — Ответил первый говоривший.

Таких товарищей называли «титуляшками». Вечные титулярные советники. Они редко поднимались по служебной лестнице дальше, если не имели влиятельных родственников или покровителей. Их чин соответствовал званию капитана, а, с учетом их фамилий, у них оставалось всего два варианта — либо вечно бегать «на земле» и ждать громкого дела, которые они смогут раскрыть, либо «лечь» под какой-то из высоких родов. И чуйка моя просто кричала о том, что эти двое уже «легли» под один княжеский род...

— По какому вопросу вам потребовалась консультация простого студента, господа? — Максимально искренне удивился я.

— Нам не нужна ваша консультация, Матвей Александрович. В наше управление поступила жалоба от одного из наблюдателей вашей дуэли с княжичем Юсуповым. В жалобе сказано, что вы, возможно, использовали в дуэли артефакт, который ранее не был указан с вашей стороны как инструмент, применяемый в бою. Мы должны взять ваши показания по данному вопросу.

— При мне не было никаких артефактов, а клинки являются простым оружием, которое я так и не пустил в ход. — Ответил я.

— Прошу вас нас простить, но в данной форме ваши показания не могут быть приняты, у всего есть определенная форма, и мы должны следовать согласно букве законов Российской Империи. Поэтому прошу проследовать вместе с нами.

— Я могу получить повестку о вызове меня в полицейское управление столицы? — Решил я себя обезопасить.

Эти двое переглянулись, и Луговской, так и не сказав ни слова, вытащил из кармана конверт и передал мне.

Я раскрыл конверт и достал сложенный в двое листок.

«Настоящим извещаем, что дворянскому недорослю Волкову Матвею Александровичу следует прибыть в Левобережное Невское столичное управление полиции по городу Санкт-Петербургу, отдел № 3, с целью дачи показаний по поступившей жалобе о событиях, произошедших двадцать восьмого марта сего года на территории Императорской Арены. Волковъ М. А. обязан прибыть не позднее двадцатого апреля...»

Да, повестка была составлена с хитростью. Двадцатое апреля — это сегодня. И если я откажусь, эти титулярные советники имеют полное право заставить меня прибыть в полицейское управление силой.

— Хорошо, господа, я готов проследовать с вами в управление, скрывать мне нечего.

— Тогда прошу в машину. — Ответил Погребняк.

Меня усадили на задний ряд, и лишь после того, как за мной закрылась дверь, оба титулярных советника заняли места впереди. Машина тронулась с места, поворачивая на мост, и двинулась в сторону Малой Морской улицы, где и располагалось полицейское управление Санкт-Петербурга.

Ехали мы в полной тишине до самого управления. Все время я просто пялился в окно, никак не выражая тревоги. А чего мне бояться? Я никаких артефактов не использовал, силы применял лишь со светлого Источника, уровень развития мой никто не проверял, а официальная повестка говорила о том, что незаконно меня удерживать никто не станет. Попугать — попугают, попробуют надавить, но ничего более в этот раз не будет. Но это не точно...

До управления мы доехали быстро. Волга припарковалась у самого входа, а Погребняк и Луговской заняли места за моей спиной, когда я выбрался с заднего места.

Мы прошли через главный вход, дежурный быстро записал мои данные с паспорта, и «титуляшки» повели меня на второй этаж. В управлении уже Луговской шел впереди меня, а Погребняк замыкал нашу маленькую процессию.

На втором этаже их кабинет оказался одним из последних. Оба титулярных советника устроились на собственных столах, как только я занял место на одиноком стуле в центре кабинета.

— А может, он действительно никакой артефакт не использовал, Максим Анатольевич? — Погребняк начал говорить с Луговским, словно меня тут не было.

— Да брось ты, Андрей Вячеславович. Как иначе мальчишка из Сибири, вчерашний деревенщина, к тому же Лекарь, может победить потомственного княжича, который и сам обладал двумя артефактами на дуэли и проходил соответствующую подготовку с пеленок? — Впервые сказал что-то Луговской.

— Тут ты, конечно, прав, но и удачу никто не отменял. Может быть, ему просто повезло. Княжич был не в лучшем состоянии, или просто случай выпал... — Продолжал играть роль хорошего полицейского Погребняк.

— Не верю, хоть убей. Не верю ни в удачу, ни во что другое. — Покачал головой Луговской, — *Amat Victoria curam*. Победа любит старание. А в подготовке княжича старания явно было больше, чем у деревенщины. Тут и думать не о чем. Явно парень сжульничал.

— Ваш княжич — бездарь. — Сказал я в пространство, не обращаясь и не смотря ни на кого из титулярных советников, мне просто надоела эта кривая игра «хороший и плохой полицейский», — Боги рассудили так, правда была за мной.

— Очень легко все списывать на Богов. — Повернул голову ко мне Луговской, — я вот не верю в Божье проведение. В реальности все решает сила, старание и подготовка.

— Легко говорить о Богах, когда вы ни разу не были в их чертоге. — Я смотрел прямо в глаза Луговскому, — вы ведь имеете титульное дворянство, не наследное, а это значит, что права на родовой алтарь у вас нет, следовательно, ваш Источник не усилен почитанием никого из Богов. Если бы вы смогли накопить достаточно и смогли пройти обряд Небесного Покровительства, то у вас и язык бы не повернулся сказать подобные слова. Но, если вы не верите в Богов, это не значит, что они не слышат ваших слов сейчас.

— Хочешь сказать, что ты прошел обряд Небесного Покровительства, мальчишка? — Ухмыльнулся Луговской.

— Вы можете спокойно это проверить. Все малые алтари в родовых храмах проходят обязательную регистрацию. Наш род обладает собственным алтарем уже более полувека.

— И кто пожаловал право простому дворянскому роду поставить свой собственный алтарь? — Это уже был Погребняк.

— А с этим вопросом вам лучше обратиться к главе моего рода, Волкову Аристарху

Прохоровичу, который в данное время находится в родовом поместье в Искитиме. Он с удовольствием приедет в Санкт-Петербург и посетит управление по вашей повестке, у меня нет права открывать тайны рода.

— И чем же вы лично готовы подтвердить свои показания, Матвей Александрович? — Погребняк взял все общение на себя.

— Я готов принести клятву Дара на алтаре, что не использовал никаких артефактов на поединке с княжичем Юсуповым. — Сразу ответил я.

Слова были очень серьезными, крыть титулярным советникам было не чем. Подобная клятва в случае лжи лишала Одаренного его Источника, что вело лишь к одному — смерти.

— Вы говорите сейчас серьезно? — Спустя минуту «отмер» Погребняк.

От моих слов оба советника выпали в ступор.

— Более чем. — Кивнул я и вновь замолчал.

Титулярные переглянулись и уселись каждый за свой стол.

— Что ж, тогда я не вижу смысла вас задерживать и далее. Вы можете быть свободны, Матвей Александрович, если нам потребуется уточнить какие-либо моменты, мы вновь вызовем вас с помощью повестки. — Кивнул Погребняк и уткнулся в какой-то свой журнал в синей обложке.

Я встал со стула и отправился к выходу.

— Кто твой Небесный Покровитель? — Уже на выходе остановил меня Луговской.

Я повернулся, мило улыбнулся и спокойно ответил:

— Господин титулярный советник, данный вопрос вы также можете задать главе рода Волковых, я не имею права без его ведома раскрывать подобные аспекты силы членов рода Волковых. У вас остались ко мне вопросы?

— Иди уже, студент. — Буркнул Луговской и тоже уткнулся в какой-то журнал.

А я с милой улыбкой покинул кабинет титулярных советников.

* * *

Когда парень покинул кабинет, и звуки его шагов потерялись на лестнице, Максим повернулся к Андрею, положив чистую тетрадь на стол.

— Ну и что будем делать? Он не повелся.

— Ничего не будем, просто доложим князю Юсупову о том, что узнали и получим новые указания. Скажет — жестко обработать клиента — обрабатываем жестко, скажет — не лезьте к нему — не будем лезть, а скажет — доставьте его ко мне — возьмем и доставим. Наше дело маленькое — исполнять распоряжения, и тогда у нас все будет хорошо. — Ответил Андрей, не отрываясь от чтения.

— Мне он не понравился. Слишком спокойный, слишком крепкий, словно и не подросток, а мужик тертый. — Буркнул Луговской.

— Тут ты прав, парнишка не прост, явно жизнью битый. Видно, не зря говорят, сибиряки — народ крепкий. Этого пугать бессмысленно, либо договариваться, либо шантажировать. Использовать в темную не получится, как и запугать не выйдет. — Кивнул Погребняк.

— И когда князю будем докладывать?

— Как обычно, в воскресенье к нему съездим, ничего срочного для князя мы не узнали, парня не сломали, да и цели такой перед нами не ставили, прощупать — прощупали, посмотреть — посмотрели. Доложим князю, а там уже видно будет. — Ответил Андрей, складывая журнал.

Санкт — Петербург, Дворец Культуры и Молодежи, десять дней спустя.

— Честно говоря, Матвей, я очень удивилась, когда ты позвонил. — Яна Хмельницкая, из-за которой у нас и была дуэль с Юсуповым, сегодня сопровождала меня на презентацию «Всемирной Паутины», которую я увидел на остановке.

Спасибо Кобылину, он не стал строить из себя недотрогу и спокойно дал номер учебной группы Хмельницкой. Я встретил её на последнем занятии на прошлой неделе и предложил вместе посетить данное мероприятие. Все-таки, именно из-за нее я дрался, так что могу и пригласить на свидание симпатичную девушку...

— Ну, я считаю, что на подобные мероприятия гораздо приятнее ходить с красивой девушкой, чем с другом. А что может быть приятнее, чем компания прекрасной огненной богини? — Улыбнулся я в ответ.

— Лъстец. — Яна с улыбкой легонько ткнула меня локтем в бок.

— Есть немного. — Кивнул я.

— Так, а что это за мероприятие?

— О, возможно, сегодня мы станем свидетелями начала новой эры в мире технологий. Есть у меня чувство, что ребята на грани великого прорыва.

— А что это даст тебе лично? — Хитро прищурилась Хмельницкая.

— А меня интересует возможность заработка. Хорошего пассивного заработка. — Улыбнулся я в ответ.

— Ну, давай посмотрим на это начало новой эры в мире технологий. — Кивнула Яна.

Мы прошли вместе во дворец культуры и молодежи. На кассе я оплатил два билета, и мы прошли в актовый зал.

Полной посадки ребята явно не смогли добиться. Осмотрев зал, я понял, что основная масса присутствующих — молодежь, в основном, студенты. Большая часть присутствующих была не старше двадцати — двадцати трех лет, и тут было максимум пять — шесть благородных на четыре десятка гостей. Остальная публика явно не обладала высоким статусом. Это было просто определить — по одежде. Все благородные были одеты в строгие костюмы, а остальная масса щеголяла в таком благодарном покрое как джинса.

— Дамы и господа, мы рады вас приветствовать на нашей презентации. По окончании нашего мероприятия каждый сможет стать держателем акций нашего предприятия, что в будущем сможет принести вам колоссальную прибыль. — Молодой парень в простых джинсах, белых кроссовках и серой футболке вышел на сцену, — Меня зовут Давид Богомол, и я являюсь руководителем нашего проекта. Наша команда смогла создать новый способ передачи информации. И сейчас мы вам продемонстрируем...

И тут я очень сильно был удивлен, когда шторы на сцене разъехались. В этом мире только недавно появились радио, телефоны и цветные фотоаппараты, вроде бы шла разработка телевизоров, но эти ребята уже создали компьютеры?! Дальнейшая демонстрация прошла по принципу демонстрации. И да, эти ребята действительно совершили прорыв для своего времени! Во-первых, они смогли создать передовые технологии сначала в форме техники, а во-вторых, они создали способ передачи данных между машинами! Эти технологии смогут порвать все сферы экономики, в этом мире, и тот, кто встанет на этой «горе», сможет еще очень долгое время собирать безумные барыши!

— И так, на этом мы заканчиваем нашу презентацию, дамы и господа, через десять минут мы будем готовы ответить на все ваши вопросы в рамках фуршета, там же вы сможете

приобрести акции нашей компании. Прошу всех вас пройти в приемный зал. — Давид Богомоллов закончил презентацию и покинул сцену.

— И что ты думаешь по итогу? — Спросила Яна.

— Потенциал определенно есть.

— Будешь вкладываться?

— Определенно, да.

— Тогда идем на фуршет?

— Идем. — Улыбнулся я.

Фуршет был не особо богат, скорее даже на оборот. Пара девушек прямо на нем подходили и предлагали купить акции компании. Я внимательно наблюдал за ними. Большинство гостей отказывалось от приобретения и лишь ели и пили дешевое шампанское. Когда девушки подошли к нам, я молча положил купюру в пятьдесят рублей и сказал.

— Сообщите господину Богомоллову, что Волков Матвей Александрович просит его о частной беседе.

— Сию минуту, господин Волков.

Ждать нам пришлось минут пять. Девушка — промоутер вернулась и предложила пройти за ней.

Нас отвели в небольшую комнату, где нас и ждал Богомоллов.

— Господин Волков, рад с вами познакомиться. — Богомоллов первым подошел и протянул руку.

— Взаимно, Давид, прошу прощения, не знаю вашего отчества. — С улыбкой ответил я.

— О, можно без отчества. Прошу за стол. — Указал рукой Богомоллов и сам подал пример.

— Тогда называйте меня тоже просто Матвеем. — Улыбнулся я и поухаживал за Яной, помогая ей занять место за столом.

Мы сели трое за круглый стол, промоутер в это время открыла бутылку игристого «Шато Тамань» и разлила по трем бокалам и подала их нам вместе с сырной тарелкой.

— И так, о чем вы хотели поговорить со мной, господин Волков?

— О, я крайне впечатлен вашей демонстрацией, Давид, и меня интересует развитие вашего проекта. Но у меня есть несколько вопросов.

— Готов ответить на все ваши вопросы?

— Во-первых, на какой стадии вопрос масштабирования проекта?

— Исключительно на начальной. В данный момент мы занимаемся накоплением для открытия полноценного крупномасштабного производства. А для этого нужны не менее крупные вложения.

— Хорошо, в какую сумму вы оцениваете начало крупного производства, и какое количество машин будет крупным по вашему мнению?

— Около пятидесяти машин в месяц для начала в рамках первого года. Затем, при хороших темпах роста мы сможем увеличить данное количество в три — четыре раза.

— А средства связи между машинами? Какой радиус действия в данное время?

— Сейчас мы можем связать сеть в рамках одного города. Для покрытия большего диапазона необходимо увеличение мощности.

— А как вы смотрите на возможность покрытия всей страны для начала?

— Всей страны, вы шутите?! — Глаза Богомоллова расширились, и он весело рассмеялся.

Смеялся он красиво и долго. Только вот я не поменялся в лице. И смех Богомоллова

постепенно сошел на нет. Повисла напряженная тишина.

— Мы не шутите. Вы понимаете стоимость такого проекта? — Начал уже серьезный разговор Богомоллов.

— Не понимаю. Поэтому и спрашиваю вас об этом, как специалиста в этом вопросе.

Богомоллов задумался и начал говорить только минут через пять:

— Я думаю, мы смогли бы уложиться тысяч в сто. С этой суммой мы могли бы построить первую партию в сотню машин и создать серию аппаратов передачи данных, которые покроют всю территорию Российской Империи.

— А сроки?

— Полгода.

— Тогда давайте так, Давид, я готов вложить в ваше дело сто тысяч рублей, столько же готов вложить мой друг, который обеспечит нам невмешательство высоких родов в наши дела. Но также я хочу занять пост проектного директора в нашей будущей компании.

— В нашей? И как же мы назовем нашу компанию?

— О, это просто, по первым буквам наших фамилий: «БВК».

— «Богомоллов, Волков», а кто будет третьим?

— О, пусть это останется сюрпризом до личного вашего знакомства. — Улыбнулся я.

Богомоллов думал недолго.

— Хорошо, я готов с этим работать. Такие шансы выпадают ведь лишь пару раз в жизни.

Я поднялся и подошел к Богомоллову, протягивая руку. Богомоллов поднялся и крепко пожал её.

— Оставьте свои контакты, я думаю, уже через пару недель мы сможем встретиться все вместе и более детально все обговорить.

— Тогда буду ждать от вас звонка по встрече, Матвей.

* * *

Санкт — Петербург, Императорский Университет.

— Прекрасно, Матвей Александрович, просто прекрасно. Ваши манипуляции на тонком уровне вкупе с хирургическими приемами просто впечатляют. Скажите, где вы так набили руку? — Профессор Золотой расписался в моей зачетке после отметки «отлично».

Мы находились в хирургическом зале кафедре, где проходил экзамен по хирургии. Мне выпала операция по удалению аппендицита. Мои навыки в хирургии из прошлой жизни уже крепко были отработаны в новом теле под руководством Володина в Георгиевской больнице, а Источник лишь укрепил мои возможности. И на операцию я потратил менее получаса. Даже зашивать ничего не пришлось. Источник позволил вначале отключить болевые рецепторы, затем провести полостную операцию без наркоза, и в конце срастить ткани после полостной операции, так что фактически, человек, который сейчас лежал передо мной на хирургическом столе, уже был практически здоров, и всего лишь находился в глубоком сне. Все, что ему было сейчас нужно — сон и питание, чтобы восполнить свои силы.

— Я подрабатываю у господина Володина в Георгиевской больнице, профессор. Он смог привить мне правильные привычки.

— Володин весьма талантливый врач, характер не простой, а в хирургии — просто настоящий гуру. Теперь мне понятен ваш уровень подготовки, но не подумайте, ваш талант я нисколько не приуменьшаю. Да и вы явно очень терпеливый человек — не всякий может сработаться с Володиным.

На несколько минут профессор замолчал, осматривая ткани после влияния моей Жизни на место разреза. Затем профессор построил печать аркана «Око целителя» техникой печатей и проверил общее состояние нашего пациента.

— И так, это предпоследний экзамен, скоро назначение практики. Что думаете об этом? — продолжил профессор поле того как развеял аркан.

— Жду с нетерпением. Всегда интересно посещать новые места и знакомиться с новыми людьми.

— Что ж, тогда, в виде поощрения разумеется, открою вам небольшую тайну, о которой попрошу не распространяться. — С хитрой улыбкой сказал Золотой, — Все студенты уже распределены по практике. Вы получите направление на границу с Афганистаном. На территории пограничных застав, которые приписаны к Самаркандскому гарнизону, в летний период они постоянно нуждаются в медиках, и руководство кафедры посчитало вас достаточно компетентным для прохождения практики в составе одного из пограничных отрядов.

— Благодарю за доверие, профессор.

— О, не стоит, напомните, какой экзамен у вас остался?

— Анатомия. На этом все, экзамен пройдет послезавтра.

— Ну, и прекрасно, удачи вам не желаю на экзамене, верю, что вам она не понадобится. А вот удачи на практике желаю всем сердцем. Все-таки, это не самое безопасное место...

— Благодарю, профессор, я могу идти?

— Да, вы свободны.

Я поклонился и покинул хирургический кабинет госпиталя Университета. Сегодня у меня была еще одна очень серьезная встреча, благодаря которой я мог бы получить первого клиента и второго вкладчика в мой проект «БВК».

А именно — мне нужно было провести переговоры с князем Кобылиным. И в этом мне мог помочь только один человек.

— Давно ждешь? — Саша подошел со спины и хлопнул меня по плечу.

— Нет, минут пять, сам только недавно закончил экзамен. А твой как?

— Сдал на «отлично». Так что дед будет в отличном настроении. — Улыбнулся Саша.

— Значит, едем на встречу с твоим дедом? — уточнил я.

— Да, ты действительно уверен, что этот проект стоящий?

— Более чем, и поверь мне, этот проект даст нам обоим хорошие дивиденды. Главное для нас сейчас — убедить твоего деда, что от рода Кобылиных управлением занялся именно ты.

— Но ты так и не объяснил — почему?

— Наши старики слишком консервативны. Не хочу, чтобы нам кто-то мешал.

— Ладно, едем. — Саша кивнул в сторону подъехавшей машины с гербами Кобылиных на дверях.

Мы загрузились в машину и отправились в пригород Санкт-Петербурга, в поместье Кобылиных.

До поместья мы добрались в течение часа. Князь Владимир Александрович принял нас в своем рабочем кабинете.

— Матвей, рад тебя видеть. Саша сообщил мне о твоём желании обсудить некий вопрос. — Князь Кобылин пожал нам руки, а затем занял место за рабочим столом,

обозначив рукой приглашение занять места в креслах перед ним.

— Все верно, Владимир Александрович. У меня есть один технический проект. И я хотел бы, чтобы вы дали свое разрешение, как глава рода Кобылиных, на участие в этом проекте Александра, как моего компаньона.

— Разумеется, это не бесплатно? — Улыбнулся князь.

— Разумеется. — Ответил улыбкой я.

— И какова цена?

— Сто тысяч рублей.

— Сумма немаленькая, Матвей. Есть гарантии?

— Никаких, кроме моего слова. Я уверен в успехе предприятия.

— Если нет никаких гарантий, то с чего мне рисковать такой суммой?

— Во-первых, Саша сможет получить опыт в организации собственного дела. Во-вторых, если дело выгорит, то Саша станет вынужден постоянно развиваться в своих навыках, не только как специалист в юриспруденции, но и как администратор и управленец. А это бесценный опыт. И, в-третьих, вы сможете получить технологию слежения за всем миром, которые первоначально будут развернуты в Российской Империи, но уже через десять лет эти технологии будут использовать все, кто сможет за них заплатить.

И вновь я услышал смех, как было с Богомоловым. Правда, смех князя был больше похож на гул паровозного двигателя.

— И как ты обеспечишь, Матвей? — После окончания смеха, вытирая выступившие слезы, спросил Владимир Александрович.

— Представьте, Владимир Александрович, что есть глобальное устройство связи, которое позволяет вам связаться с любым человеком в мире. И для этого не требуется телефон с проводами.

— И что это за устройство?

— Секрет. — Вновь улыбнулся я.

— Тогда объясни мне — почему такую разработку я должен выпустить в мир, а не использовать только в своем приказе?

— Потому что рано или поздно эта технология выйдет в мир. И тогда будет поздно. А так мы сможем насытить весь рынок с некоторыми доработками, пароли и ключи от которых мы передадим Тайному Приказу, с помощью этих ключей, вы сможете начать отслеживать сообщения, звонки и переговоры. Это даст вам возможность быть, как минимум, на шаг впереди несколько лет, пока другие умельцы не смогут найти способы шифровать и кодировать сообщения и звонки. Но там уже ваша задача — научиться их быстро расшифровывать и декодировать их...

— И в какие сроки развернется предприятие?

— В течение полугода будет собран первая партия аппаратов, которая свяжет территорию от Владивостока и до Калининграда.

— А ваша выгода будет какая?

— Разработка и производство останется за нами двумя. Не родами, а конкретно нами, и свои доли мы сможем передать или распределить по своему усмотрению. А также разработка всех возможных новинок и дополнительных проектов.

— Тогда у меня встречное предложение. — Хитро улыбнулся князь.

— Десять процентов предприятия отходят роду Кобылиных, остальные — делите по своему усмотрению.

— Пять процентов — роду Кобылиных, пять процентов — роду Волковых, остальное — на наше усмотрение. При этом род Кобылиных обеспечивает нам полную поддержку во всех вопросах, пока мы не создадим полноценную службу безопасности в своем предприятии.

Князь думал не долго.

— Согласен. Такие условия будут вполне приемлемы. Деньги будут готовы на следующей неделе. Я лично передам их Александру.

— Благодарю вас, Владимир Александрович. Тогда мы сможем уже в ближайшее время обсудить все вопросы с нашим компаньоном. Чем быстрее начнем, тем быстрее получим первые результаты.

Я говорил с очень серьезным лицом, а в душе безумно ликовал. Первый шаг был выполнен. Теперь оставалось уговорить деда на ту же сумму и подать Богомолу несколько идей. И первоначальный план будет завершен.

* * *

РИ, Санкт — Петербург, ресторация «Княжья Охота»

Разговор с дедом на телеграфе прошел довольно просто. Он быстро согласился выделить нужную сумму на проект, когда узнал, что князь Кобылин согласился поучаствовать в нашей аванюре, а также о том, что пять процентов акций компании уйдут в род. Пожурил меня за дуэль с Юсуповым, но отметил, что не посрамил честь рода, остальное — мелочи.

Так что сейчас мы с Сашей сидели в ресторации «Княжья Охота» и ждали Давида Богомолова. С нами присутствовал нотариус рода Кобылиных, который уже подготовил бумаги регистрации нового Закрытого Акционерного Общества «БВК», которое будет осуществлять услуги международной связи.

— Добрый день, Матвей. — Давид зашел в ресторацию и, увидев меня, сразу подошел к нашему столику.

— Добрый день, Андрей. Позволь представить тебе Александра Алексеевича Кобылина моего дорогого друга и партнера, о котором я говорил в нашу последнюю встречу. — С улыбкой я пожал руку Богомолу и представил Сашу.

— Александр, также представляю тебе Давида Богомолова, технического автора нашего проекта.

Давид и Саша пожали друг другу руки, и мы заняли места за столом.

— И так, Давид, перейду сразу к делу. Мы готовы вложить в наш проект двести тысяч рублей на следующих условиях: во-первых, Саша встает на должность юриста нашей компании, княжич Кобылин внутри нашей компании будет неким буфером безопасности в сделках и возможном рейдерском захвате, так как никто не захочет связываться с княжеским родом. Во-вторых, акции компании будут поделены в следующем порядке: по тридцать процентов уходит в наше владение каждого: Давида Богомолова, Матвея Волкова и Александра Кобылина, оставшиеся десять процентов делятся поровну и отходят родам Кобылиных и Волковых. Третье — у нас есть пять месяцев для выполнения первого этапа с выходом на практическую демонстрацию, в случае успеха, вы получим очень крупный заказ от государственных структур.

— И как быстро вы передадите указанную сумму? — Спросил Давид, просматривая документы, переданные нотариусом.

— Из ресторации ты уедешь на машине службы безопасности Кобылиных со всей суммой. Нас ты не увидишь ближайший месяц — два — мы оба уедем на практику от

университета, поэтому вся работа ляжет на тебя.

Давид думал недолго. Дочитав все документы, он попросил ручку и поставил подпись.

— Господа, поздравляю вас с открытием вашей компании. Завтра же все документы будут переданы в регистрационную палату. Засим я вас оставляю. — Нотариус собрал документы и покинул нас.

— Давид, я хочу рассказать тебе о трех идеях, которые прошу рассмотреть в качестве первых проектов. Две идеи нужно попробовать в рамках разработки дополнительных приложений для уже созданных машин, а третья идея — абсолютно инновационная разработка на основе уже существующих технологий. — Сказал я и начал свое повествование.

Бета-версия электронной почты у ребят уже была, я же воспользовался старой поговоркой «Умные придумывают новое, а гении воруют» и рассказал о социальных сетях из моей прошлой жизни и электронных маркетплейсах, третьим проектом была разработка электронных коммуникаторов.

Вначале Давид хмурился, но по мере рассказа его лицо расцветало.

— Сложно! Очень сложно, но реализуемо. Это же будет просто дикий прорыв во всех сферах! — К концу рассказа его глаза горели фанатичным огнем.

— Именно, и все сливки снимем мы. Первоначальный дизайн проектов беру на себя. С практики вернусь с наработками по этому вопросу. А Саша возьмет на себя составление соглашений с клиентами, как с физическими лицами, так и с юридическими.

— Да, за пару месяцев я смогу составить необходимые «тушки» договоров. — Кивнул Саша.

— Тогда на сегодня у нас все. Давид, мы тебя проводим до машины, и СБ Кобылиных доставят тебя в Имперский банк, чтобы ты смог перевести деньги в безналичный расчет.

— Матвей, Саша, спасибо. Этот проект сможет перевернуть всю нашу жизнь. — С душой попрощался с нами Давид.

— Верно, Давид, все верно. Главное для нас — быть первыми во всех направлениях в этой нише, и мы сможем собрать все «сливки», конкуренты появятся со временем, этого не избежать, но к тому времени мы заматереем, и связываться с нами станет себе дороже, если это, конечно, не пожелает сделать сам Император. — С ухмылкой ответил я.

— Поддерживаю. — Коротко кивнул Саша.

Мы втроем обменялись рукопожатием, и Богомоллов покинул нас на машине службы безопасности рода Кобылиных.

— Я тоже уже поеду. Завтра с самого утра нужно быть в университете, будет назначение на практику. Тебя подбросить? — Спросил Саша.

— Неа, мне гораздо ближе до дома, так что я пройду. Увидимся завтра. — Отрицательно покачал я головой.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Мы пожали руки, и Саша сел в свою машину и поехал к себе в поместье. А я двинулся по улице в сторону Декабристов. Мне нужно было подумать обо всем произошедшем. Я дошел до здания адмиралтейства и уселся на скамейку в тени деревьев. Вечернее весеннее солнце приятно грело, погода радовала теплом, а тихий ветерок весело игрался в волосах. Вот только долго наслаждаться одиночеством мне не дали.

Прямо передо мной остановился неприметный серый человечек. Увидь такого в толпе и

тут же забудешь внешность — абсолютно серая и непримечательная.

— Позвольте присесть рядом с вами? — Спросил он и, не дожидаясь ответа, занял место справа от меня.

А вот голос был запоминающийся — приятный баритон с легкой хрипотцой.

Я продолжил молча смотреть на незнакомца. Он осмотрел меня с ног до головы, словно оценивая товар на рынке.

— Вы знаете, что вы очень многое взяли от своей матери, Матвей Александрович?

Я продолжил молчать.

— Я и не думал, что молодежь в наше время настолько лишена манер.

— И мне о манерах говорит незнакомец, который даже не представился. — С усмешкой ответил я.

— О, прошу прощения. И в правду, где мои собственные манеры. Можете называть меня Аркадий.

— Мы с вами знакомы, Аркадий?

— Лишь заочно, Матвей Александрович. Я видел вашу дуэль с княжичем Юсуповым, и когда-то давно я был знаком с вашей матушкой, госпожой Елизаветой. Прекрасная была женщина.

— И вы, Аркадий, увидев меня на набережной, просто решили подойти ко мне и побеседовать о моей покойной матери?

— О, не совсем. Я представляю интересы человека, который приглашает вас на встречу в среду.

Я задумался. Я был почти уверен, что это человек Долгоруковых. Вряд ли бы кто-то иной говорил бы о знакомстве с моей матерью. Но вот встреча с Долгоруковыми в настоящее время не входила в мои планы. Но и просто так отказать я не могу. И грубить не стоит. Что же делать мне сейчас? Стоп! Я же могу согласиться на встречу сейчас, но завтра я получу направление на практику, и уехать мне нужно уже завтра же. И тогда моя неявка будет по полностью официальной причине — государев человек сам себе не принадлежит...

— И когда ваш человек желает встретиться? Сразу предупреждаю вас — ближайшие три дня я не могу, соответственно, в среду не смогу быть у вас. — Ответил я.

— О, не волнуйтесь, это не столь критично. Как вы смотрите на то, чтобы я заехал за вами на следующей неделе в субботу, в полдень?

— Хорошо. Давайте на том и порешим. — Кивнул я.

К этому времени я уже буду на границе с Афганистаном.

— Тогда не смею вас более задерживать. Мне было приятно с вами побеседовать, Матвей Александрович. — Аркадий поднялся со скамейки и, обозначив поклон, покинул меня.

Я тоже поднялся и отправился домой. Нужно было уже сегодня собрать все вещи и завтра же покинуть Петербург, как только я получу направление на практику, чтобы оттянуть встречу с Долгоруковыми еще на пару — тройку месяцев.

Глава 9. Маршрут: Санкт — Петербург — Самарканд — гарнизон «Саркел»

РИ, Санкт — Петербург, Императорский Университет, актовый зал Врачебного Факультета.

— И так, дамы и господа, я рад видеть всех вас здесь снова, спустя первый учебный год. — Профессор Золотой просто сиял своей белоснежной бородой словно Дед Мороз на новогоднем утреннике, — Сегодня вы получите первое направление на практику, и будете представлять наш факультет в реальных условиях. Помните, каждая ошибка может стоить жизни, будьте сдержаны, будьте стойки, будьте терпеливы, я верю в вас!

Как я узнал с утра, первокурсников отправляли на практику самыми первыми, они же первыми и возвращались, если не уезжали на край света. Но сейчас это было мне только на руку. Вчера я успел собраться, скататься к Володину, рассказать ему о практике, предупредил, что буду готов работать вновь с осени. Володин лишь посетовал, что на три месяца я уеду «маяться дурью, а не нормальным делом», но, после того, как узнал о месте практики, сказал, что, возможно, некоторый опыта там всё-таки смогу приобрести. А осенью он готов вновь принять меня на работу. Это радовало, я уже привык к некоторому недостатку, который у меня начал появляться благодаря подработке. Хорошо хоть, что практика студентов врачебного факультета оплачивалась, правда лишь в размере сорока процентов от положенной суммы...

Сергей Александрович Скворцов, которого я не видел с момента поступления, так как он преподавал уже у третьего и четвертого курсов, сегодня раздавал сопроводительные документы.

— А, Волков. Давно не виделись с вами, но вся кафедра только о вас и говорит, вас считают лучшим студентом на курсе. — Лицо Скворцова, как и на поступлении, не выражало ничего кроме надменности и презрения

И хоть Скворцов сидел за столом, а я стоял в свой далеко не маленький рост перед ним, у меня проскальзывало ощущение, что на меня смотрят сверху вниз.

С одной стороны, мне хотелось разозлиться, с другой — я искренне восхищался таким природным талантом «уничтожать» людей без слов.

— Доброе утро, профессор. Прошу вас, не льстите мне, есть люди и более талантливые, чем я.

— Несомненно.

Ну вот снова! Тридцать секунд назад он меня хвалил, а тут уже, можно сказать, «макнул в д***мо с головой». И ведь ни слова плохого не сказал, все сделал одним лишь взглядом. Да ему не лечить надо, а в политику идти с такими талантами! Хотя, возможно, у него талант односторонний...

— Вам выпала честь представлять наш факультет следующие два месяца на территории пограничного гарнизона «Саркел» на границе с Афганистаном. Там вы будете выполнять функции помощника гарнизонного Лекаря.

— Кто будет ответственным за мою практику?

— Узнаете на месте, когда прибудете, в любом случае, в начале вам предстоит представиться начальнику гарнизона, полковнику Ибрагимову Исмаилу Ибрагимовичу.

— Есть. — Только и ответил я.

— Можете идти, и советую отбывать в кратчайшие сроки. — Кивнул Скворцов и передал папку с документами.

— Сегодня же, профессор. — Ответил я и покинул его стол.

Выскочив из актового зала, я быстро спустился в гардероб и забрал оставленный там армейский баул с вещами (о, боги, храните того, кто создал шоколад! Он спасает студентов от всех гардеробщиц!) И помчался на воздушную пристань. Только вчера я узнал, что в этом мире нет самолетов, но есть огромные воздушные корабли, и мне просто не терпелось на них взглянуть.

Причальная башня находилась за городом, на Пулковских высотах, поэтому мне пришлось потратиться на такси.

Причальная башня оказалась настоящей причальной башней высотой около трех сотен метров, с отходящими в разные стороны пирсам по разным высотам всей башни. Вокруг башни было выстроено общее здание воздушного порта по форме шестиугольника.

И воздушные корабли. О, это было удивительно! Огромные ладьи под огромными вытянутыми шарами, на тыльной стороне корпусов кораблей виднелись различные двигатели: и винтовые, и реактивные сопла. Воздух просто гудел под ними, и этих воздушных кораблей здесь было просто огромное количество всех возможных форм и размеров.

Здесь присутствовали и воздушные корабли военного флота, которые сейчас сияли наполированными украшениями корпусов и воронеными стволами орудий по бортам.

На землю прямо при мне начала садиться огромная грузовая баржа, и я просто на просто залип на это действие. Когда баржа села, двигатели заглохли, и отборная матерная брань матросов начала до меня доноситься, я отмер и побежал в посадочный корпус причальной башни, к которому шел до этого.

В посадочной зоне я провел немного времени, меня проверил представители императорского воздушного флота, сотрудники полицейского управления, и я смог пройти на посадку на борт корабля, следующий до Самарканда.

Корабль показался мне просто огромным: верхняя прогулочная палуба, четыре пассажирских, две палубы для персонала корабля, две грузовых палубы, одна техническая палуба. На первых двух палубах свои рестораны для пассажиров первого и второго классов, пассажиры третьего класса размещались на третьей и четвертой палубе. Моя каюта была на третьей палубе. Бросив вещи и не дожидаясь своего соседа, я выскочил и помчался на прогулочную палубу. Корабль начал подниматься вверх после объявления капитана корабля об отбытии.

Это было завораживающее ощущение, скажу я вам. Это было гораздо круче всех ощущений, которые я пережил при полетах на самолетах и вертолетах в прошлой жизни.

А еще я понял, что это не только технологии этого мира. В момент подъема корабля трое Одаренных с сильным углом Воздуха и своими силами направляли движение горячего воздуха, тем самым подняли корабль и положили его на нужный курс. Корабль начал быстро удаляться от причальной башни, продолжая набирать высоту, приближаясь к облакам.

— Восхитительно. — Прошептал я, наблюдая, как удаляется причальная башня.

— Вы впервые идете на воздушном судне, молодой человек? — Стоявший рядом со мной седой старичок в дорогом костюме с улыбкой обратился ко мне.

— Да, это просто непередаваемое ощущение. — Ответил я. От нахлынувших эмоций я просто-напросто забыл об этикете.

— Эх, молодость... Наслаждайтесь тогда первым полетом, уверен, вы никогда не забудете эти ощущения. — С улыбкой мужчина коснулся шляпы и отправился на каютные палубы, весело постукивая тростью по деревянному полу прогулочной палубы.

На прогулочной палубе я провел около двух часов, просто наслаждаясь протекающими мимо меня пейзажами. Затем я вернулся в каюту и понял, что мне несказанно повезло — я оказался один в каюте до самого Самарканда.

И тут мне пришла прекрасная идея. Полет занимал полные сутки, а это значило одно — я могу выспаться.

* * *

РИ, окрестности Самарканда.

— Дамы и господа, говорит капитан корабля, через час наш корабль будет швартоваться на причальной башне Самарканда, Императорский Воздушный Флот, в лице команды корабля, благодарит вас за то, что воспользовались услугами воздушных перевозок. Желаем вам приятного посещения Самарканда. — Голос в динамиках звучал довольно хрипло, но при этом каждое слово звучало достаточно четко.

Я быстро оделся, сразу забрав с собою свой баул, выскочил на верхнюю палубу, чтобы запечатлеть и момент посадки.

Самарканд встречал нас обилием оттенков желтого и голубого. Постепенно, пока корабль снижался под контролем всё тех же трех Одаренных — Воздушников, прорисовывались отдельные здания, затем их фрагменты и люди на улицах. Причальная башня Самарканда была значительно меньше, чем в Петербурге, а здание, что его окружало, было выстроено по форме квадрата, в центре которого стояла сама башня. И тут было жарко. Нет, тут было очень ЖАРКО!!!

Нас встретили на причале, поблагодарили за использование Имперского Воздушного Флота и вывели к автобусам для третьего класса и автомобилям для первого и второго, которые повезли нас в город.

Пока мы ехали в автобусе, механический голос провел для нас видео-экскурсию по основным достопримечательностям Самарканда. Затем нам рассказали об отелях и гостиницах, в которых можно остановиться.

Но меня информация уже не особо интересовала. Мне нужно было попасть в управление пограничной службы и узнать, как добраться до пограничной крепости «Саркел». А для этого мне нужно было попасть в центр города, на улицу Мирзо Улугбека. Именно там и находилось здание погрануправления.

Нас высадили на улице Бустонсарой. Тут же стояли и прилавки уличных торговцев, где продавались и карты города для туристов. Понятно, что цена у них была явно завышена, но искать какую-то лавку мне было откровенно лень. Поэтому карту я купил тут же и, найдя первую же свободную лавку, принялся изучать карту. Минут за пятнадцать я разобрался с картой, понял, где нахожусь сам, и куда мне нужно двигаться. Оказалось, что недалеко. Здание Управления Пограничной Службы Российской Империи находилось практически в центре города.

За полчаса я добрался до погрануправления и столкнулся с одним из столпов русской армии во всех мирах и временах — солдатами срочной службы.

— Те куда, пацан? — «На воротах» КПП стоял одинокий «солдатик», смоливший сигареты с явно дрянным табаком (возможно, даже уставные) и выгоревшей полевой форме.

С одной стороны, я сейчас действительно моложе своего возраста, да вот только я еще и

майор российской армии, и прекрасно помню, как таких на место ставить.

— Рядовой, вы ничего не перепутали? — Голос мой звучал очень вкрадчиво.

За что люблю солдат, так это за смекалку и «шестое чувство в пятой точке». У этого парня было и то, и другое.

— А ты... то есть вы... Разрешите обратиться, господин... — Тут «солдатик» замялся.

— Разрешаю. — Кивнул я.

— Разрешите уточнить звание, фамилию, имя, отчество и цель вашего прибытия в Штаб Пограничного Управления Российской Империи? — Выпалил рядовой.

— Волков Матвей Александрович, мне требуется узнать способ попасть в пограничную крепость «Саркел», следую в командировку. — Ответил я.

— А?.. — Рядовой вновь попытался уточнить звание.

— Волков Матвей Александрович, мне требуется узнать способ попасть в пограничную крепость «Саркел», следую в командировку, на этом все. — Отрезал я.

Тот лишь кивнул и, сказав: «Ожидайте. Пожалуйста, господин офицер», и скрылся в КПШ.

Вышел он уже спустя минуту и пригласил внутрь. Дежурным по КПШ оказался загорелый здоровенный поручик, в размахе плеч напоминающий больше тяжелоатлета, а не пограничника.

— Поручик Совицин, третий егерский эскадрон, с кем имею честь? — пробасил он.

— Волков Матвей Александрович, следую согласно сопроводительным документам на практику Лекаря в пограничную крепость «Саркел». Хотел узнать способ добраться туда, господин поручик. — ответил я, протягивая бумаги.

Тот просмотрел их и вернул обратно.

— Вам повезло, господин Волков, сегодня в «Саркел» отправляется тыловой караван. Удобств особых не обещаю, но доберетесь в безопасности точно до места.

— Благодарю. Когда отправляется караван?

— Через два часа. — Ответил Совицин, вставая со своего места, — Пойдемте, я провожу вас до каравана, представлю вас главе охраны, чтобы к вам не было вопросов.

Поручик провел меня на внутреннюю территорию. Все-таки, устройство военных гарнизонов везде и всегда примерно одинаково. Бордюры выкрашены в черный и белый цвета, вокруг меня везде красные таблички с желтыми буквами. Большая часть зданий выкрашена в белые и серые цвета, их крыши — в темно-зеленый. Поручик провел меня до автопарка, где уже стояла сформированная колонна военной техники. Мы прибыли как раз в момент инструктажа личного состава водителей и походного охранения дежурным офицером.

— И не забываем, бойцы, наш маршрут в нескольких местах проходит в красной зоне возле границы с королевством Афганистан. Возможны любые непредвиденные ситуации, и каждый из вас имеет ряд инструкций, согласно которым вы должны действовать. Геройствовать запрещаю. Все ваши действия должны нести две цели — сохранить свои жизни и не попасть в плен... — Дежурный офицер явно толкал речь не первую минуту.

Я же, не совсем понимая, о чем он говорит, тихим голосом обратился к поручику:

— Господин поручик, разве мы находимся с королевством Афганистан в состоянии войны?

— Официально нет, — Так же тихо ответил мне поручик, — Но в текущей ситуации мы вынуждены прибегать иной раз и к применению оружия. В настоящий момент официальные

власти контролируют в лучшем случае треть территорий королевства, остальные семьдесят процентов поделены между различными незаконными вооруженными формированиями и наркокартелями. И караваны с наркотой последнее время попадают все чаще. А наших они либо убивают на месте, либо утаскивают с собой на территории Афганистана. А нам запрещено заходить к ним. Вот и бьемся только на нашей земле. От того и инструкции стали гораздо строже. Сейчас даже при остановке запрещено машины покидать.

— И многих потеряли?

— С начала года около тридцати погибших и почти в два раза больше людей числятся пропавшими без вести. — Ответил Совицин и еще больше потемнел лицом.

М-да, ситуация действительно неприятная. С учетом того, что большинство командиров в армии хоть и слабые, но Одаренные, это говорило о том, что либо их «давили» большим числом противников, либо против них выступали другие Одаренные. А в Афганистане была одна интересная особенность — среди коренных жителей Афганистана никогда не рождались Одаренные со Светлым Источником. Следовательно, Лекарей там не было совсем. И это привело к тому, что боевые школы Одаренных в Афганистане получили едва ли не большее распространение, чем во всем остальном мире...

Пока я размышлял над превратностями судьбы, дежурный офицер закончил инструктаж. Поручик быстро подскочил к нему, объяснил ситуацию, представил меня и показал документы. Тот лишь буркнул что-то «о зеленых гражданских докторишках, которые лезут не пойми куда», но дал свое разрешение. Тут же был вызван начальник тыловой колонны, которому меня представили и приказали доставить в крепость «Саркел». Тот лишь ответил: «Так точно, ваше благородие!» и махнул мне рукой идти за ним.

— Лишних мест нет, весь личный состав занял свои места согласно расчету, но могу устроить вас в кузове с бельевыми мешками в третьей машине. Возражения? — Начальник колонны с погонами ротмистра остановился у пятой машины в колонне.

— Никаких, господин ротмистр. — Ответил я.

— Тогда полезайте, в процессе движения из кузова не вылезать, в случае непредвиденной остановки транспорта также оставайтесь в кузове машины, в крепость «Саркел» прибудем к вечеру согласно графику. — Кивнул он.

Я забрался в кузов. Тут действительно были навалены мешки с бельем.

Я спокойно кинул свой баул с вещами у края кузова, а сам забрался на мешки. Ротмистр лишь хмыкнул и закрыл тент.

До Саркела ехать еще долго, а это, значит, я могу предаться самому одному из самых прекрасных занятий в армии — сну...

* * *

РИ, крепость «Саркел», «желтая» зона границы с королевством Афганистан.

— Прибыли, Волков, это Саркел. — Ротмистр откинул тент на кунге грузовика, и мне, едва открывшему глаза, пришлось их тут же зажмурить от ярких рубиновых лучей закатного солнца.

Я выбрался из кунга. Бойцы уже начали сгружать часть мешков на плац, где встала колонна. У соседних машин также началась своя суeta.

— Я уже доложил дежурному заставы, что привез медика. Скоро за вами должны... — Ротмистр не успел договорить.

— ГДЕ ОН?!?! — На плац просто буквально влетел капитан со значком «Дежурного по части», буквально скользя по воздуху.

— Что прои... — Начал было ротмистр, но капитан его просто оборвал на полуслове, поймав меня взглядом.

— Волков?!

— Я. — Только успел ответить я, как меня схватили за руку и потащили за собой.

— Быстро в лазарет! Человек умирает!

Я не стал ничего говорить, просто направил Жар Источника к лучу Воздуха и «заскользил» в Теневом Шаге, которому меня обучил Конев, за капитаном.

До лазарета мы добрались меньше, чем за минуту. И буквально влетели в него — капитан просто ударил арканом Воздушного кулака по дверям.

Первое, что мне бросилось в глаза — десятка полтора человек в голубых пижамах. Но капитан помчался дальше, а я метнулся за ним. Два поворота мы проскочили, капитан сбил какого-то солдата в медицинском халате с капельницей и залетел в двери с табличкой «Хирургический кабинет».

На столе лежал один человек, покрытый потом, на груди виднелся узор из почерневших нитей сосудов. Человек тяжело дышал, хрипел и периодически кашлял сгустками крови. Рядом с ним сидел очередной солдат в медицинском халате с безумным взглядом и ничего не делал.

А где врач?! Впрочем, плевать, тут человек умирает.

Я моментально сформировал печать аркана диагностики. Так, что тут у нас? Отравление... Уже сильное, еще бы пара часов, и мужик отправился бы в дом своих праотцев на их суд... Ну ничего, поживет ещё. Я же уже тут. Рано тебе на тот свет. Как говорить, не в мою смену.

Я моментально подскочил к пациенту, формируя сгусток Жара Жизни и «влил» его в Источник человека. Это даст мне пару дополнительных часов на работу. Хватаю срочника за воротник халата и подтягиваю к себе.

— Набор инструментов, спирт, халат и маску быстро.

Солдат смотрит на меня и ни черта не понимает, просто вижу это по взгляду. Руки наполнены Жизнью, и я просто отвечаю ему пощечину. Голова солдата дергается, щека моментально краснеет, но в глазах появляется отблеск разума.

— НАБОР ИНСТРУМЕНТОВ, СПИРТ, ХАЛАТ И МАСКУ БЫСТРО! — Я откровенно проревел в лицо парню, и тот сорвался выполнять поручения.

Капитан развернулся было покинуть операционную, но не тут-то было. Хватаю его за воротник сзади и разворачиваю к себе.

— Нужна ваша помощь.

— Но я не медик... — Начал протестовать капитан, но я просто разливаю Жар Источника вокруг себя.

— МНЕ ОЧЕНЬ НУЖНА БУДЕТ СЕЙЧАС ВАША ПОМОЩЬ. — Вновь говорю я капитан лишь кивает.

И лишь после операции я понял, что мой атрибут «Длань Владыки» просто сработал в момент активации Источника.

* * *

Капитан Свиридов уже давно был в армии, почти двенадцать лет, не считая военного училища. Но такого медика он видел впервые. Три дня назад один из егерей поймал пулю в пограничной стычке. К счастью, не смертельно, как показалось в начале. Егеря привезли в Саркел, и хоть штатного хирурга сейчас в гарнизоне не было, санитары смогли извлечь пулю

и стабилизировать состояние егеря. Два дня все было нормально, а на третий день его состояние начало ухудшаться. Вначале у парня просто поднялась температура, потом он впал в бред, а к вечеру уже начал харкать кровью. Медик не мог быстро прибыть в крепость, а отправить его машиной в Самарканд никто не разрешил до утра. И тут удача — к ним на практику прибыл Лекарь!

Свиридов быстро поймал нового Лекаря и притащил его в лазарет. И хотел было сбежать из операционной, но у него не получилось.

Когда Лекарь сказал, что ему нужна помощь, Свиридов хотел «скинуть» все на санитаря, но в момент, когда он посмотрел в лицо Лекаря, он увидел, как его глаза, которые были карими с золотистой сердцевинкой вокруг зрачка, моментально затопила изумрудная зелень с оттенками молодой травы, а зрачки стали живым золотом, и он не смог ему отказать. Капитан просто кивнул и встал с другой стороны хирургического стола, ожидая приказаний, словно перед ним стоял не девятнадцатилетний парнишка, а опытный командир...

* * *

Применив аркан «Ока Целителя», я теперь четко вижу, что происходит с телом пациента. Парень был отравлен ядом кураре (и как только он попал сюда из Южной Америки?!) Тубокурарин уже попал в кровеносную систему и частично её разрушил, уже началось внутреннее кровотечение в брюшную полость. Парня спасает только его Источник, который продолжает бороться с токсином, но он не справляется — токсин уже начал блокировать сигналы нейронов о необходимости дышать. Осложняет всю ситуацию наличие двух осколков отравленной пули, оставшиеся в легком.

Первым делом заставляю почки пациента работать в усиленном режиме, прогоняя токсин из организма естественным путем. Другого способа избавиться от него нет. В этот момент прибегает солдат с хирургическим халатом и остальным скарбом. Быстро облачаюсь в халат и маску, обливаю руки спиртом и берусь за инструменты. Вскрываю легкое и начинаю извлекать осколки, стараясь не повредить стенки органа. За счет темного треугольника в Источнике, а точнее, луча Земли, я четко «вижу» осколки пули. Вскрываю ткани, параллельно Жизнью сжимаю поврежденные кровеносные каналы, извлекаю осколки и заживляю вскрытые участки. Самый опасный момент — организм пациента начинает избавляться от токсина, и его тело начинает трясти в судорогах.

Хватаю парня и прижимаю к столу и кричу капитану:

— ДЕРЖИ ЕГО!

Капитан хватает его с другой стороны.

Санитар так и застыл на месте.

— ГОЛОВУ ДЕРЖИ, ИДИОТ! — Ору уже ему.

Тот хватает голову и прижимает к столу. Я же продолжаю «давить» Жизнью на организм пациента. Токсин был в организме слишком долго, ранение лишь усложняет ситуацию. Сейчас ни в коем случае нельзя прерывать воздействие.

Пятнадцать минут, и тело начинает расслабляться. Токсин выведен. Парень успокаивается и просто лежит на столе.

Я отпускаю его тело и устало говорю своим горе — помощникам:

— Все, его можно отпустить. Пациент скорее жив, чем мертв.

Минуту они оба молчат, первым выходит из ступора капитан:

— В смысле скорее жив?

Я смотрю на него, и меня уже начинает пробирать смех. А они оба смотрят на меня, словно я — псих.

— Это специфический врачебный юмор, господин капитан. Не берите в голову. — Отсмеявшись, отвечаю я. — Парня нужно помыть, одеть в чистое бельё и уложить в постель. В себя он придет примерно часов через десять. Через два часа нужно поставить капельницу с общеукрепляющим действием, еще через шесть часов повторить процедуру. И так каждые шесть часов в течение следующих трех суток. И да, не забудьте про усиленное питание и обильное питье — он потерял много жидкости, и организм потерял большое количество микроэлементов. Их все нужно восполнить. Восстановление займет от пяти до десяти дней при правильной терапии.

— Все слышал? — Капитан повернулся к санитару, тот лишь молча кивнул, — Тогда бегом исполнять! С хрена ли ты ещё тут?!

Санитар пулей вылетел из операционной.

— Господин капитан, позвольте узнать — а где штатные врачи гарнизона? — Спросил я, стягивая с себя халат, выходя из операционной вслед за капитаном.

— Он у нас всего один, и тот в отпуске, неделю назад уехал. Поэтому вас и прислали на практику к нам. Закрывать дыру, так сказать. — Ответил капитан и протянул руку, — Прошу прощения, я не представился ранее. Капитан Свиридов Артем Витальевич, командир третьего взвода егерей заставы «Саркел».

— Волков Матвей Александрович, студент Санкт — Петербургского Императорского Университета, врачебный факультет, кафедра Лекарского дела. — Ответил я, пожимая руку. — Господин капитан, мне необходимо прибыть к полковнику Ибрагимову Исмаилу Ибрагимовичу, чтобы представиться и передать ему документы.

— СВИРИДОВ-В-В-В!!! — Мне показалось, что от этого рева затряслись сами горы.

— Если Магомед не идет к горе, то Гора уже сама пришла к Магомеду. — Тихо прошептал Свиридов, с печалью глядя на меня, — А вот и полковник Ибрагимов.

Я повернулся на голос. В двери лазарета вошла натуральная гора! Полковник Ибрагимов Исмаил Ибрагимович было выше двух метров в росте с шириной плеч больше крестьянского плуга. Шел он к нам прямым курсом, словно броненосец, идущий на таран вражеского корабля, и от каждого его шага дрожал пол под ногами. И хоть я сам был далеко не маленького роста, но даже мне пришлось задрать голову, чтобы смотреть в лицо полковнику.

— Свиридов, это кто? — Полковник просто кинул на меня взгляд, а капитан просто вытянулся как струна, при приближении начальства.

— Ваше благородие, это Волков Матвей Александрович, Лекарь, присланный к нам из Петербурга. В связи со сложной ситуацией с прапорщиком Маханьковым, мною было принято решение срочно сопроводить господина Волкова в лазарет гарнизона, так как состояние прапорщика Маханькова резко ухудшилось за последние часы. Дежурный в погрануправлении отказал нам в разрешении на выезд в госпиталь, по этой причине я принял решение действовать на свое усмотрение, господин полковник! — Свиридов просто выпалил Ибрагимову все, что произошло за последний час.

С минуту Ибрагимов молча изучал Свиридова, потом меня, и по итогу тихо спросил:

— Ваньку спасли?

— Так точно, ваше благородие. Господин Волков оказался настоящим специалистом в своей области. Прапорщик Маханьков сможет вернуться в строй уже через две недели. — Ответил Свиридов.

Ибрагимов шумно выдохнул и повернулся ко мне, протягивая руку:

— Волков, благодарю за оказанную помощь. По окончании практики в документах я обязательно отображу ваши грамотные действия в экстренной ситуации. Свиридов, размести Волкова в офицерском общежитии, можно сказать, что господин Лекарь уже приступил к выполнению своих прямых обязанностей. Волков, завтра жду вас у себя в штабе сразу после утреннего построения.

— Служу Отечеству, господин полковник. — Ответил я, пожимая огромную лапищу.

И знаете, было в этом ответе что-то из прошлой жизни, что-то, от чего так и веяло ностальгией. Когда тебя благодарят за хорошо выполненную работу, которую ты сделал хорошо не потому что это приведет к улучшению твоего материального состояния или положения в обществе, а просто потому что так правильно, здесь и сейчас правильно, и всегда именно так и будет правильно...

Ибрагимов лишь кивнул, развернулся и пошел к выходу из лазарета.

Когда двери закрылись за полковников Ибрагимовым, Свиридов шумно выдохнул и повернулся ко мне:

— Пойдемте, Матвей Александрович, я размещу вас в общежитии и познакомлю с комендантом. Завтра заберу вас утром. Нужно будет посетить полковника Ибрагимова, а затем уже и в лазарет.

— Пойдемте, Артем Витальевич. — Ответил я и, подобрав свой баул, который бросил у входа в лазарет, отправился следом за дежурным по гарнизону...

* * *

РИ, Пограничная крепость «Саркел», лазарет гарнизон, месяц спустя.

— Я сказал: НЕТ! — Ибрагимов ударил кулаком по столу так, что все письменные принадлежности свалились на пол.

— Господин полковник, ну поймите меня. Я же не из праздного любопытства прошу. — Я поднялся со своего места и уперся взглядом в глаза Ибрагимова.

За прошедший месяц, что я вел свою практику в гарнизоне, я полностью поставил всех больных из Лазарета в строй. Но за время лечения я отметил одну особенность — в половине больных были частицы некро — энергии. Эманации Смерти были только у тех пациентов, кто следовал по четвертому патрульному маршруту. Из-за этих эманаций и «вырастали» все проблемы по здоровью — у кого-то — головные боли, у кого-то — обострение аппендицита, у кого-то — колики в желудке, у кого-то — гнойники...

Но в каждом из них была какая-то частичка некротической энергии. Просто так она не могла «осесть» на ауре егерей. И с этим нужно было разобраться.

— Я вам уже докладывал, что на части егерей есть следы некротической энергии. Это не «адресное» воздействие на каждого из них, все они несли следы, словно попали под «фоновое» воздействие. И это дает нам два варианта — либо там сидит очень сильный Одаренный с упором развития в луч Смерти в Источнике, либо кто-то оставил артефакт, напитанный некротической энергией. И нам нужно выяснить, что это на самом деле. Иначе, когда я уеду, у вас вновь будет лазарет забит больными из-за воздействия некрота...

Ибрагимов скрестил руки на груди и уперся взглядом в окно выходящее на плац.

— Да как я тебя отправлю-то, Матвей. Ты же просто гражданский... — Вновь начал он свою песню, но был прерван мною.

— Так вы меня и не отправляете. Я сам иду, скажем, на прогулку по окрестностям, просто иду вместе с патрульным отделением егерей, чтобы вам и мне спокойнее было. А то

ситуация на границе беспокойная нынче... И, чисто случайно, вся наша прогулка совпадает с четвертым маршрутом патруля.

Ибрагимов хмурился и молчал минут десять. Но, как говорится, вода камень точит, а я с этим вопросом подходил к нему уже раз пять за последние две недели. В итоге, и полковник пограничной службы сдался под напором Лекаря.

— С лошадьми обращаться умеешь? — Ибрагимов вопросительно посмотрел на меня.

Я с улыбкой кивнул, вспомнив свой экзамен при поступлении в университет.

Глава 10. «Древним Зверем меня называют. Крылья Свои пожирая, сам я себя Укрощаю...»

РИ, граница с королевством Афганистан, «красная зона», три дня спустя.

Наш патруль двигался по ущелью горного перевала. Маршрут проходил через четыре ущелья и выходил в предместье гор, через которое мы и должны были вернуться обратно в часть. Сейчас мы шли по третьему ущелью, которое было наиболее близко к границе с Афганистаном.

Капитан Свиридов сам вызвался сопровождать меня, прапорщик Маханьков, которого я поставил на ноги после операции, как и обещал, был его заместителем, и с его первым отделением мы и отправились на патруль. Состав был следующим: Свиридов — командир всего патруля и первой «пятерки», Маханьков — его заместитель, и по совместительству, командир второй «пятерки», десяток егерей, и я — одиннадцатый гражданский.

Три дня назад, после разговора с полковником Ибрагимовым, меня после обеда нашел Свиридов и повел знакомиться с выделенным мне конем по кличке «Монах». Красивый серый жеребец с белыми яблоками на морде и шее быстро привык ко мне, благодаря теплу от Жизни в Источнике и ежедневным пучкам морковки и кусочкам сахара перед каждой прогулкой.

Меня определили в центр охранного построения. На выходе из ущелья мы должны были остановиться, там мне дадут время создать пару арканов. Именно там большинство бойцов начинали чувствовать себя хуже, им было беспокойно, многим хотелось побыстрее покинуть ущелье...

— Скоро будем у обозначенного участка, Матвей. Там мы в начале распределимся на охранение, как в прошлом ущелье, затем уже сможешь поработать. — Повернулся ко мне Свиридов.

— Принял. — Ответил я.

* * *

Абдулматин Ахмади ждал двоих своих разведчиков уже полчаса. Он вел очередной караван по приказу наследника рода Нафизулах на территории Российской Империи.

«Как же мне повезло с этим мальчишкой». — В очередной раз подумал Ахмади, вспоминая разговор с информатором на границе.

Человек с пограничной заставы сообщил ему, что на патрульный маршрут вышла группа, в которой был трое Одаренных, и один из них — Целитель! Целителей ценили на Востоке. Среди гордых воинов не рождались Одаренные с Жизнью, да и со светлым Источников Одаренные встречались очень редко. И Одаренные Жизни высоко ценились среди работорговцев. Благодаря им можно было создать очень редкие артефакты, которые могли спасти твою собственную жизнь... И за эту возможность спастись очень богатые люди были готовы платить очень большие деньги, а иногда и не только деньги...

У Абдулматина было тридцать бойцов в охране каравана, десять из них — Одаренные, которых он знал, сам обучал и тренировал. С этими силами он был уверен, что сможет схватить русских. Все-таки, численный перевес и засадная тактика не раз уже доказали свою эффективность. Тем более, что Лекари не особо умеют сражаться. Значит, ему предстоит перебить всего восемь русских солдат и по возможности оглушить двух Одаренных. Или тоже убить, потому что Целитель стоит и десятка крепких Одаренных... А Целитель? Ну что

он сможет? Излечить его до смерти?... Ахмади сам улыбнулся своей шутке...

— Бегут, господин. — Рамухан, его заместитель, указал пальцем на приближающихся бойцов.

— Господин, русские идут к выходу из ущелья. Как вы и говорили, их одиннадцать. Десяток солдат в форме, и один простой молодой мушавер. Вы, как всегда, были правы. — Доложил разведчик, глотая воздух.

Абдулматин посмотрел на Рамухана и улыбнулся:

— Размещай людей по местам, после захвата Целителя, подведи караван к выходу из ущелья.

Рамухан быстро рассредоточил солдат по лежкам и высотным точкам на выходе из ущелья и вернулся к Ахмади.

— Рамухан, начинаем только после моей команды, как сказал наш друг, Целитель едет проверить свои догадки по маршруту. Видимо, следы от моего дара остались на выходе из ущелья и влияли на тех солдат, кого мы не «брали». Целитель смог это увидеть. — Сказал Ахмади своего заместителю.

— Он силен, господин, раз смог распознать ваш дар Смерти. — Кивнул Рамухан.

— Силен, не спору. Но это ему не поможет. — Ахмади хищно улыбнулся.

В этот момент в тени Абдулматина заворчалось черное нечто, отчего Рамухан нервно сглотнул и кивнул. Рамухан уважал и боялся своего командира. Уважал за силу, боялся из-за силы. Сам Рамухан имел сильную сторону в луче Земли, но его командир Абдулматин имел в основе своего могущества саму Смерть. И это впечатляло его, и ужасало одновременно.

И пусть Рамухан видел всего дважды, как его командир выпускал на свет своих «кукол», как он их называл, но это не помешало ему ужаснуться его силы и запомнить эти мгновения на всю оставшуюся жизнь.

— Конечно, господин. — Рамухан склонился в глубоком поклоне перед Ахмади.

— Ступай, Рамухан. Мне нужно подготовиться на непредвиденный случай. — Кивнул Ахмади, усаживаясь прямо на землю, скрестив ноги.

Рамухан сделал три шага назад и только после этого развернулся, побежав к своему месту в засаде.

Когда командир готовился к применению своих «кукол», рядом с ним лучше было не находиться. Если воля присутствующего не была крепка, сила Ахмади могла забрать саму его душу...

* * *

Мы остановились у выхода из ущелья. Весь десяток спокойно спешился и занял указанные Свиридовым позиции.

Только после этого капитан кивнул мне со словами:

— Можешь начинать.

Я вышел в центр ущелья и начал свою работу. Конев был прав, когда говорил о том, что в Университете нам будут давать все основные арканы и печати, которые учат все. А Конев смог за год развить мой Контроль и вложить в меня правило «узловой» техники. Пусть она и считается сложнее всех остальных.

За год я смог натренировать построение всех фигур, печатей и рун арканов, которые нам давали в Университете исключительно волей из энергетических линий. И это давало свои плюсы. И, в первую очередь, это безумно экономило время. Вот и сейчас, никаких слов и жестов, лишь чистая воля. Вокруг меня разрослась печать аркана шириной около трех

метров. Вместе с выпускаемым Жаром из Источника на песке под ногами проступал след печати.

Свиридов и Маханьков с уважением наблюдали за мной. «Узловая» техника являлась все-таки самой сложной в освоении и всегда осваивалась якобы после «фигурной» и «словесной» техник...

Печать аркана «Нитей Жизни» позволяла ощутить все токи Жизни в радиусе трех сотен метров. А также «Нити Жизни» давали возможность отследить влияние главного антагониста — энергии Смерти. Некротическая энергия просто выглядела черными нитями и каплями на фоне Жизни, а носители стихии Смерти словно черные дыры...

Нити Жизни начали расползаться по периметру, и мир вокруг меня наполнился красками Жизни... Вот крот, который роет себе проход от норы. Вот кузнечик, который скачет по паре кустов... А и вот россыпь черных точек некротической энергии, которая рассеяна вокруг. Некротическая энергия была «рассыпана» вокруг словно бисер. А Нити Жизни уходили все дальше изумрудными змеями... Когда волна изумрудных нитей закончила распространяться и формировала окружность, нити сплелись, образуя сеть.

Мое внимание слишком сильно захватила некротическая энергия. И я не сразу обратил внимание на некоторые странные моменты.

Почти три десятка серьезных источников жизни и один сгусток энергии Смерти. И если на источники энергии Жизни я сначала не обратил внимания, то сгусток энергии Смерти просто приковал мое внимание.

Я начал двигаться к нему, постепенно выделяя нить, идущую именно в сторону сгустка некротической энергии. Но, сделав около сорока шагов, я замер на месте. Было что-то странное в этом сгустке некротической энергии. Я чувствовал еще и Тьму, и Землю в нем. И сам он словно пульсировал, будто был живым. И лишь тут до меня дошло...

— ЗАСАДААА! — Закричал я во всю глотку.

* * *

Абдулматин занял свое место в засадном построении. Русские прибыли строго к тому времени, которое назвал их «друг». Десяток егерей рассредоточился четко в походное охранение, кольцом охватывая одного человека, одетого в комплект полевой русской формы песочного цвета без всяких знаков различия. На нем не было ни шевронов, ни погон со званием, ни петлиц на воротнике. Но как только он начал плести свой аркан, афганец понял — это целитель. Даже на расстоянии двух сотен шагов он чувствовал тепло, такое родное и мягкое, словно это были руки матери, которой он никогда не знал. Оно будто обволакивало саму душу, нежно её касаясь и вселяя уверенность в собственных силах...

Но тут афганец очень сильно удивился и моментально напрягся — русский пошел в его сторону, словно почувствовал его на таком расстоянии! И только спустя пару секунд он понял — этот целитель по-настоящему силен, но при этом, ему очень сильно не хватает опыта. Другой бы уже поднял тревогу, а этот просто идет прямо к нему в руки. Это был просто настоящий дар Судьбы! Такой шанс просто нельзя упускать! Никак нельзя!

Но на сороковом шаге русский остановился, всматриваясь в Абдулматина, словно его не скрывала специальная накидка, сливавшаяся с общим пейзажем на местности.

И тут афганец понял, что как только ты благодаришь госпожу Удачу за посланный тебе дар, как она тут же подбрасывает тебе испытание. Русский крикнул:

— ЗАСАДАААА!!!

— Убить солдат! Офицеров ранить! ЦЕЛИТЕЛЬ МОЙ!!! — Заорал Абдулматин.

Он вскочил со своей лежки, хлопая ладонями друг об друга. Его бойцы начали отстреливать русских егерей, словно находились в тире. Шесть егерей погибли с первых выстрелов. Верный Рамухан сковал одного из офицеров своей Землей, заключив его в песчаный саркофаг. Один офицер, судя по виду — командир, моментально взлетел в воздух со своего коня и помчался к целителю на выручку, который уже начал разворачиваться к своим. Правильно, ведь, с его силами, этот десяток разобьет его тридцать бойцов. Он просто будет постоянно исцелять своих, а русские умели воевать, и умели это делать хорошо. Весь успех подобных акций Абдулматина всегда строился на внезапности и подготовке. И вот сейчас его подготовка дала свои плоды.

Хлопнув в ладоши, Абдулматин соединил две части магической печати аркана «Темного Воплощения» — самого мощного аркана, на который он был способен. Две половины этого аркана были вытатуированы на его ладонях, и в чернилах был добавлен порошок из благородного мифрила, смешанного с кварцевым порошком, напитанным его собственной Тьмой. По сути своей, эта татуировка была полноценным многоцветным артефактом, который был единым целым с телом афганца.

Перед его взором мгновенно возникла печать аркана, и из его тени на свет вышли сотканые из самой Тьмы его верные слуги. Они стояли под солнцем, словно были из плоти и крови, но их тела были созданы из самой Тьмы, их оружие было напитано Смертью. Благодаря «Темному Воплощению», своему объему УЕР и ступени Контроля он мог контролировать одновременно до пяти кукол. Пять Одаренных, которых он лично отправил на тот свет, и именно их души он мог захватить и заставить служить себе. Сейчас у него было четыре куклы, четыре Тени.

И он вызвал все разом. Лоб и спина моментально покрылись потом, нагрузка словно наковальня упала ему на плечи, колени афганца подогнулись, но он терпел. Целитель стоял всех этих усилий, главное — захватить его живым. А там можно отрубить руку или ногу — все равно, главное, чтобы он не мог воспользоваться своим Даром, а Абдулматин уже доставит его в Кабул и продаст на рынке рабов.

Все четыре Тени моментально оказались рядом с командиром патруля и целителем. Тот тоже был силен, но явно впервые встретился с таким противником. У двух Теней в руках возникли кривые клинки, напитанные Смертью. Две другие подсекли целителя, и одна ударила его кулаком из Тьмы по затылку. Одновременно с эти каждая Тень из первой пары вонзила свой клинок в офицера. Первый клинок вошел сбоку слева, пробив грудную клетку и выйдя с правой стороны, второй вошел со спины и вышел из живота.

И все это заняло лишь пару мгновений.

И вот десяток солдат перебит. Один офицер захвачен. Второй харкает черной густой кровью, пытается поднять руку — он просто ещё не осознал, что уже мертв, а целитель падает без сознания.

Абдулматин выдыхает и разводит руки в стороны. Печать аркана пропадает, и вместе с ней растворяются его Тени...

Он обводит взглядом своих людей — каждый из них дрожит. Даже верный и преданный Рамухан дрожит от страха. Страх перед силой своего командира. Что ж, это цена Силы...

— Рамухан. — Тихо говорит командир афганцев.

Но в этой тишине даже лошади застыли, чтобы не привлечь к себе внимание самого опасного здесь хищника — Абдулматина. И его голос слышат абсолютно все его бойцы.

— Да, господин. — Рамухан быстро оказывается возле своего командира.

— Доставай русского, давай побеседуем с ним. Освободи только голову... — Улыбка Абдулматина была очень страшной...

* * *

Я очнулся от криков.

Когда взгляд сфокусировался, я сразу понял — я в полной жопе. Нет. Не так. Я В ПОЛНОЙ ЖОПЕ. Я был связан по ногам, а руки привязали к деревянной жерди и раскинул в разные стороны, затылок был мокрым, и во рту стоял солоноватый привкус. Картинка в глазах плыла, и меня немного тошнило — все первоначальные признаки сотрясения мозга.

Кричал Иван Маханьков. Его тело было истерзано жуткими ожогами, правая кисть была отрублена, а культя перетянута его же ремнем, кисть валялась тут же.

Один из афганцев заметил, что я очнулся и что-то закричал на своем языке. Двое обернулись и быстро подошли ко мне.

— Сильный целитель. Но глупый. — Сказал один из них с сильным акцентом. В его речи «и» звучал как «ы», а «у» как «ю».

— Кто вы такие? — Спросил я, чувствуя, как тошнота только усиливается.

— Это уже не важно. Важно, что ты теперь у нас, целитель. — Усмехнулся один из них.

— Вас найдут. Император не прощает тех, кто убил его солдат. — Сказал я.

Один из афганцев присел на корточки, сжимая в правой руке крупный тесак со следами крови, и прошипел мне в лицо:

— А кто ему расскажет об этом?

Резкий взмах тесака, и боль затапливает мое сознание.

АААААААААААА! Как же больно! Я пытаюсь удержать сознание, но не могу. Сколько я был в отключке? Десять секунд, минуту, пять, десять? Не могу понять. Меня приводят в чувство пощечинами по лицу. Чувствую укол в бедро. Обезболивающее. Но мне всё также больно. МНЕ ОЧЕНЬ БОЛЬНО! Светлый Источник начинает безумно выбрасывать Жар по всем Лучам. Мгновение — И Темный Источник начинает повторять все вслед за Светлым. Я чувствую, как во всем моем теле начинается безумно смешиваться Жизнь и Смерть, Земля и Воздух, Вода и Тьма, тут же Тьма и Смерть смешиваются с Воздухом, а Жизнь переплетается с Землей, но хоровод Стихий внутри меня продолжается, и вся энергия диким танцем устремляется к ногам... Веки не слушаются, слишком тяжелые. На одной воле поднимаю их и вижу жуткую картину.

МНЕ! ОТРУБИЛИ! НОГУ! ВОТ ОНА! МНЕ! ОТРУБИЛИ! МОЮ! ИЗЛЕЧЕНН НОГУ! ОНА ЛЕЖИТ ТУТ ЖЕ! Я! СНОВА! СТАЛ! КАЛЕКОЙ!!!

Кровь стучит в висках, сердце бешено бьется. Источник пытается прирастить стопу обратно, дико ревет внутри, вливая прорву Жара в искалеченную ногу. А афганец с улыбкой затягивает шнур на ноге, для него теперь я вообще не опасен. Источник пошел в разнос!

А я безумными глазами начинаю смотреть на афганцев. А они уже забыли обо мне. Я теперь для них не опасен.

Тот, что источал некротическую энергию, подходил к телу Свиридова. Он соединяет ладони перед собой, словно начинает молиться, перед ним вспыхивает печать Аркана, напитанного Тьмой и Смертью. «Странная молитва, — Проскальзывает в голове, но мозг продолжает фиксировать весь аркан: количество фигур, точки входа энергии, точки энергетической фокусировки, руны, включенные, в круги, точки прямого воздействия на объект аркана, — и построение не особо сложное.»

«Занятный малый. — Все уходит на задний план при звуке этого голоса в моей голове.

Чужой голос был хриплым, холодным и властным и звучал очень глухо. Первый голос, который я услышал в этом мире. Холод сковал меня, все вокруг замедлилось. Руны на печати аркана неестественно медленно начали напитываться некротической энергией на руках афганца, а я все слушал этот голос, — хапнул пылинку могущества и решил, что уже сможет подчинить себе весь мир со временем. „Темное воплощение“ — не самое лучшее мое творение, но оно сослужило нам отличную службу, когда мир был молод, и мы с братом сражались с демонами и тварями Иномирья. Возможность вернуть верных и умелых бойцов, которые не боятся смерти, вновь в строй. Жаль, что они лишь Часть от Целого, лишь Тень той Души, что пала. И пала от твоей собственной руки. Грубо говоря, „Темное Воплощение“ позволяет подчинить Тень Души Одаренного своей воле, принять его на службу. По этому мне пришлось самолично добивать своих раненных, которым уже невозможно было помочь, чтобы вернуть их в строй... Жестокий выбор, но мы выбрали Мир, сотворенный Родом... И сейчас этот червь заберет Тень Души твоего Знакомца...»

Голос Чернобога был властен и холоден. И этот холод пробуждал во мне такую безумную ярость...

«Эта... тварь... заберет... часть... души... Он... уже... забрал... жизнь... его... Забрал их жизни... Забрал часть меня... Он хочет и мою душу забрать?! ЗАБРАТЬ?! ЗАБРАТЬ?! ЗАБРАТЬ?!»

В голове что-то щелкнуло. Мир наполнился Тьмой, Смертью и Ветром.

Не прощу, не прощу. НЕ ПРОЦУ!!!

К Тьме, Смерти и Ветру примешались Земля, Вода и Жизнь.

«Древним Зверем меня называют, Крылья Свои пожирая сам я себя Укрощаю...» — В голове в унисон зазвучали голоса Белобога и Чернобога.

Тогда я заберу у него ВСЁ. Я. ЗАБЕРУ. У НЕГО. ВСЁ!!!

В груди взорвалась сверхновая. Афганцев откинуло в стороны. Ветер окружил весь перевал. Ветер смешался с Тьмой, Земля смешалась с Водой, Смерть смешалась с Жизнью...

И вот уже черный могильный ветер, обжигающий холодом, окружил перевал, Земля вернула ногу к телу, Жизнь моментально прирастила стопу обратно. Жизнь волной прокатилась от меня к Маханькову и исцелила его полностью, окутав в купол целительной энергии, и погрузила в лечебный сон...

Ветер донес голоса афганцев. С простых солдат Черный Ветер просто сорвал мясо с костей. Слабых Одаренных Ветер разорвал на куски. Весь выход из ущелья был залит кровью, везде валялись куски плоти и ошметки внутренних органов. Из противников остались только двое в строю. Командир и его заместитель.

Я почувствовал изменения в собственном теле. Волосы стали длиннее, вместо ногтей появились антрацитовые черные когти, клыки стали длиннее. Кожа на руках приобрела серый оттенок.

На границе бушующего ветра я увидел двух жеребцов. Первый — белее снега на вершинах гор в солнечный полдень, с такой же белоснежной гривой и золотистыми глазами, второй — словно сама тьма, с антрацитовыми черными глазами и такого цвета гривой. Они стояли и смотрели на меня.

— Я заберу у вас ВСЁ! — Прорычал я, раскинув руки в стороны, и вся сила, что бушевала внутри меня, рванулась в сторону двух афганцев.

* * *

Абдулматин Ахмади вырос в одном из приютов Кабула. Он не знал своих родителей, но

с детства прославился своей физической силой. За счет чего и получил свое имя, и с гордостью носил его. Никто и не удивился тому, что в нем обнаружили магический талант. Директор приюта тогда был очень горд им, и правильно, ведь он получил солидную премию за годы проведенной работы с воспитанником. А молодого Абдулматина тогда забрали в армейский корпус. Он прошел всю жестокую подготовку в одной из боевых школ, отслужил свои двадцать лет, которые должен был своей стране и королю, и с честью ушел в отставку в младшем офицерском чине. А жестокость, с которой он сражался и пытал своих врагов — ну, у кого её нет, из тех, кто двадцать лет своей жизни провел в постоянных сражениях не на жизнь, а на смерть?..

Дар с тремя началами «тьма — смерть — земля» и развитый Контроль до ступени Мастера позволили быстро найти себе место младшего командира в гвардии благородного рода Нафизулах, что располагался недалеко от его последнего места службы. И пусть род Нафизулах занимался в основном производстве наркотиков и их импортом в другие страны, сам Абдулматин не испытывал никаких угрызений совести по этому поводу — наркотики ведь не оседали в его стране, а что происходит за этими прекрасными горами, ему было абсолютно плевать. Он и сам водил караваны на «ту» сторону — на земли Российской Империи. И убивал русских солдат пограничной службы, которые пытались встать у него на пути, или сталкивались с ним по чистой случайности.

И в этот раз ничего не предвещало проблем. Наследник рода Нафизулах отдал приказ сопроводить очередной караван к границам Российской Империи, маршрут был привычным и уже давно известен. И они ждали нападения, были готовы к нему. Абдулматин отдал приказ уничтожить конный патруль русских, по возможности захватив офицеров и мальчишку — Лекаря живыми. Но кто же мог знать, что этот мальчишка окажется так силен! Невозможно! Темный и Светлый Источник в одном теле. Нарушение первого абсолютного Закона для всех Одаренных — В одном теле не могут сосуществовать два Источника...

Черный ветер бушевал на перевале. Порывы его срывали плоть с костей солдат Абдулматина и караванщиков, ослы и мулы жалобно выли, превращаясь в скелеты... Лишь он и его заместитель Рамухан продолжали стоять, укрытые щитами. Крики, визги и вой человеческих и животных плоток смешались в этом черном ветре, который кружил вокруг них и рвал щиты на куски.

— Господин, я уже на пределе! Моих сил уже не хватит на сражение! Но вы должны победить! Я смогу ранить его, а вы должны будете его добить и доложить роду Нафизулах о том, что здесь произошло!

Рамухан выдернул из-под куртки медальон с красным как кровь камнем и ударил им по куполу щита. Камень треснул, и вырвавшаяся кровавая дымка окутала Рамухана. Из этой дымки на свет уже вышла тварь, душа которой слилась с эссенцией нескольких десятков душ, которые использовали для создания подобных амулетов в восточной традиции темных Одаренных. Сила. Именно силу в чистом виде давал подобный амулет, но платой была сама жизнь Одаренного. Источник его сгорал от собственного Жара, который начинал разрывать Источник. Поэтому их и прозвали " Последним шагом"...

Тварь, которой стал Рамухан, уже потеряла свой разум и бросилась в безумную атаку на врага. А враг не двигался. Лишь ветер раскрыл его навстречу твари, которую было бы уместнее называть демоном, если бы они могли стать реальными в этом мире.

Абдулматин отметил, что парень изменился внешне после той вспышки света. Волосы

его побелели и стали длиннее, словно снег на вершинах гор, черты лица заострились, кожа стала серого оттенка, а глаза затопила тьма. Ногти на пальцах превратились в звериные когти с антрацитовым черным оттенком.

— Как же так? Я же сам видел, как он лечил русских. Он же Целитель! Как внутри него может быть Тьма?! — Сам себя спросил Абдулматин, всем своим нутром чувствуя квинтэссенцию такой родной стихии на кончиках ногтей парня.

А русский лишь поднял глаза от тел своих павших товарищей на Рамухана, который ревел, рвал когтями землю, пытаясь приблизиться к нему, но не мог из-за таранных ударов воздушной стихии.

— МЕРЗОСТЬ. — Голос парня словно кружил вокруг афганца, он слышал его отовсюду. — ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ТАКИМ!

Воздушный таран ударил Рамухана сверху, прижимая его к земле. Из его рта выстрелили фонтан густой темной крови, от которой земля зашипела, словно от кислоты.

Парень медленно приблизился к Рамухану. Каждый его шаг сопровождал новый воздушный удар по твари, продолжая вминать её в землю.

— ТЫ НЕ РОЖДЕН НА ЭТОМ СВЕТЕ, А ЗНАЧИТ И ПРАВА НА ЖИЗНЬ П СОЛНЦЕМ У ТЕБЯ НЕТ! — Русский приблизился к Рамухану в плотную и положил одну руку ему на голову.

Тварь моментально взвыла от боли, перестав рычать от ярости. Тело Рамухана начала сводить судорога, ломая его кости и выворачивая их из суставов. Последней стала грудная клетка — ребра под давлением мышц проломили её, разрывая легкие и сердце, и вышли с другой стороны. И Рамухан замолчал.

Абдулматин смотрел на это и не мог ничего сказать. Так сражались на его памяти лишь те, кто обрел Контроль уровня Стихия. Чистое воздействие Силой. Целитель настолько тонко и умело манипулировал телом Рамухана, что за минуту превратил его в отбивную.

И тут русский повернулся к нему. По телу Абдулматина побежал холодный пот. Он уже знал — он не сможет сражаться, он даже не сможет сбежать и выжить. От этого чудовища, внешне лишь похожего на человека, ему не сбежать.

— ТЕПЕРЬ ТЫ. ВЛАСТЬЮ, ДАННОЙ МНЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВ Я, ДВОРЯНИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ВОЛКОВ МАТВЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРИГОВАРИВАЮ ТЕБЯ К КАЗНИ. ПРИГОВОР Я ПРИВЕДУ В ИСПОЛНЕНИЕ НЕМЕДЛЕННО. МОЛИСЬ, ЕСЛИ УСПЕЕШЬ. — Русский поднял руку, и ветер моментально свернулся в черные веретена вокруг Абдулматина.

— Как?! Как можно уплотнить так ветер?! — Успел подумать Абдулматин.

Но сделать афганец уже ничего не смог. Из-под его ног вырвался песчаный кол и пробил его тело насквозь, выходя из левой ключицы. Абдулматин харкнул кровью себе под ноги. Щит рассыпался каменной крошкой, а афганец поднял глаза.

Он видел перед собой чудовище в человеческом облике. Не мог человек обладать подобной силой.

Все четыре веретена — копья, сотканые из черного ветра одновременно сорвались в сторону Абдулматина. Три пробил тело, а четвертое побил голову — каждое веретено пошло на вылет и моментально развеялось. Ветра больше не было. Над перевалом повис мертвый штиль.

Лишь Матвей стоял в полный рост посреди мертвых тел своего десятка и тридцати тел афганцев, которые вели караван с наркотиками.

— Штиль... Ветер молчит... — Нервное напряжение вылилось в строки такой знакомой песни.

Он медленно приблизился к телу командира афганцев. Тело было изуродовано. Но какой смысл был ему до тела, когда его интересовала душа этого Одаренного...

— Как там делал тогда этот афганец?.. — Задумался Матвей, вспоминая действия Абдулматина, когда афганец провел аркан «Темного Воплощения», — Прости, деда, видимо, я все-таки должен буду использовать и темный Источник, если хочу, чтобы род Волковых смог процветать и расти.

На руках Матвея вспыхнули силовые печати аркана Абдулматина. Волков свел руки вместе, словно начал читать молитву.

— Отдай мне Тень своей души, враг мой, и служи мне до смерти моего рода, либо до того, когда я дарую свободу твоей душе! — Аркан, напитанный Тьмой и Смертью, сорвался с рук Матвея и туманом обхватил тело афганца.

Афганец затрясся в судорогах, словно он был еще жив. Из груди его вырвалась рука, сотканная из черного тумана. Словно выбираясь из ямы, появилась Тень, в чертах лица которой прослеживалось нечто общее с погибшим афганцем. Тень молча приклонила колени и склонила голову.

В голове Матвея раздалось одно единственное слово: «Господин.»

— Спрячься в моей тени, я позову тебя, когда ты будешь нужен.

Тень встала с колен, вновь поклонилась и нырнула облаком черного тумана в тень Волкова.

И снова на перевал ворвался ветер. Перед Матвеем в одно мгновение возникли два жеребца, которые до этого стояли на границе бушующего черного ветра, первый — белее снега на вершинах гор в солнечный полдень, с такой же белоснежной гривой и золотистыми глазами, второй — словно сама тьма, с антрацитовыми черными глазами и такого цвета гривой.

— МЫ, ПЕРВОРОДНЫЕ БРАТЬЯ, ЕСТЬ СУТЬ ТЬМЫ И СВЕТА, БЕЛОБОГ ЧЕРНОБОГ, ПРИЗНАЕМ ТЕБЯ, РЫКАРЬ, ЖИВИ И СВОИМИ ДЕЯНИЯМИ, ПРОСЛАВИ ИМЕНА НАШИ! — Одновременно оба тотема богов говорили, а Матвея скрутило безумной вспышке боли, которая пронзила его тело.

Оба жеребца пропали, а Матвей все лежал на холодных камнях в рассветных сумерках и пытался отдышаться...

РИ, Сибирь, Иркутская губерния, село Листвянка, берег озера Байкал

Баир Баторович Закаменский был очень старым шаманом, и его уважали все, кто жил рядом с Байкалом.

Даже из Иркутска, Красноярска, Томска, Тобольска и Новосибирска к нему приезжали благородные сословия на прием. Он помогал всем — и беднякам, и богачам, не прося платы за свой труд. Лишь всегда говорил: «Отблагодарите так, как сами считаете нужным».

И его благодарили. Каждый в меру своих сил и возможностей. Кто-то рублем, кто-то скотом, переданным в дар, кто-то копейкой, а кто-то просто добрым словом, сказанным от души.

Но сегодня он не принимал людей. Вот уже почти сто лет, как он стал полноправным шаманом, надел шаманскую корону Аргой, и шубу из шкуры медведя, бубен его был старым и знал множество молитв и камланий, которые старый шаман прошептал ему, обращаясь к духам предков и Богам. Но сегодня он впервые во сне услышал, как Боги обратились к нему самому. И это был Хухэ Мунхэ Тенгери, Вечное Синее Небо!

И шаман камлал, высекая звуки из бубна, словно кузнец высекал искры из раскаленного металла на наковальне с помощью молота. Вот уже несколько часов он камлал и просил дать ответы на свои сны.

И он их получил.

«Ты встретишь человека, русских кровей, что Свет и Тень несет в себе. Два жеребца будут следовать за ним. Помоги ему встать на Путь. Научи его Искусству, и, словно алмаз, ограни его Волю. Он придет к тебе после первых снегов, глаза его будут черны как ночь, а волосы белее снега. На нем ты узришь Печать старших Богов славянского рода».

— Да, Великий Предок. Я сделаю все, чтобы исполнить вашу Волю. — Баир Баторович склонился в низком поклоне перед костром, напротив которого он сидел, а пламя сливалось с закатным солнцем где-то вдалеке, окрашивая воды священного Байкала в алые тона...

Больше книг на сайте - Knigoed.net